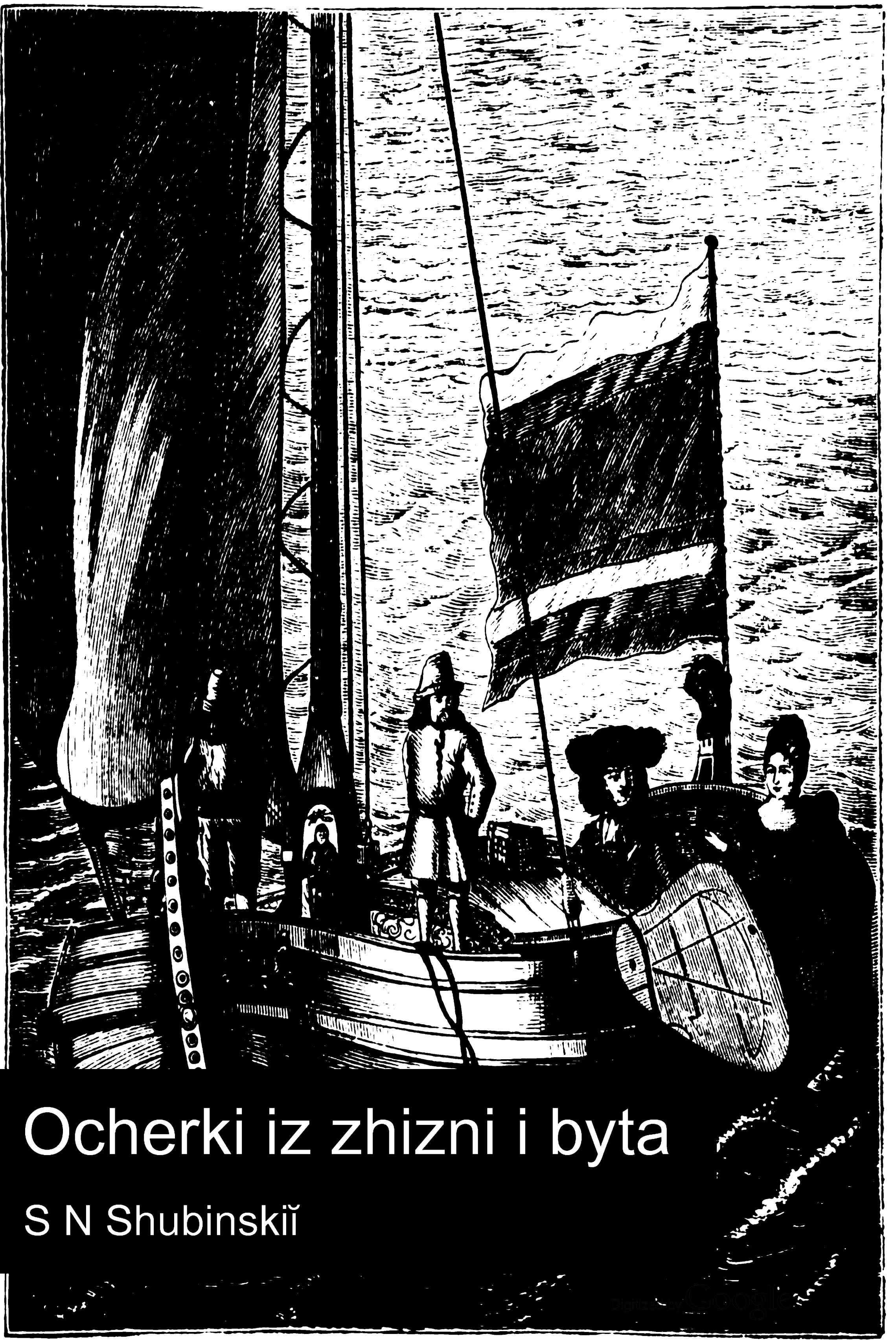
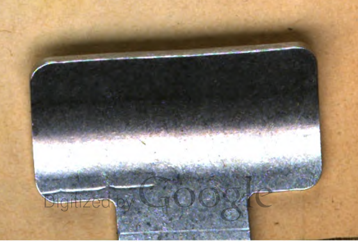
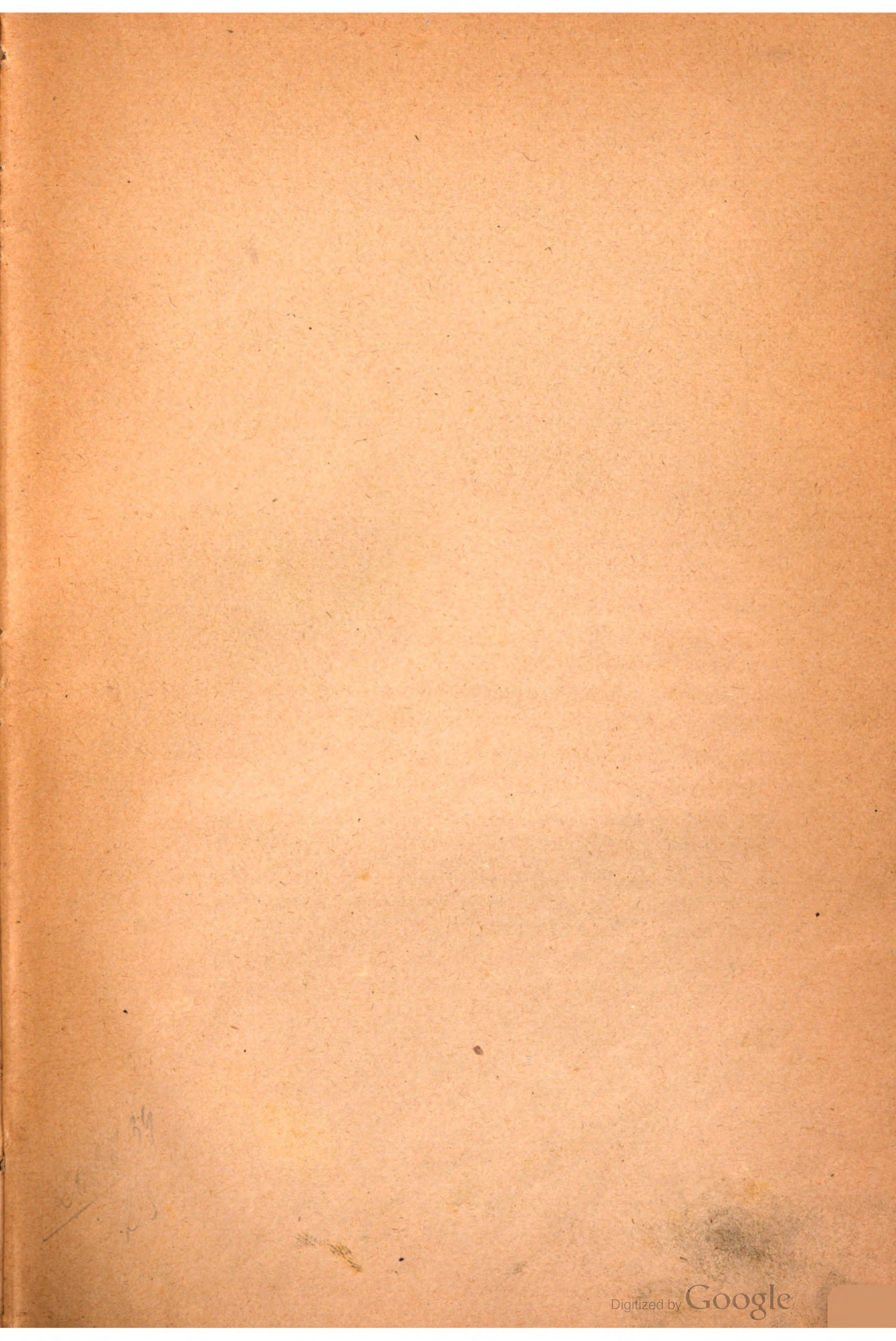

Ocherki iz zhizni i byta
S N Shubinskiĭ

ОЧЕРКИ

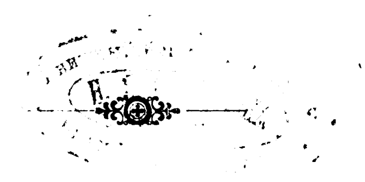
ИЗЪ ЖИЗНИ И БЫТА

ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ

С. Н. Шубинскаго

СЪ 30 ГРАВЮРАМИ

Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.— Московскій маскарадъ 1722 года.— Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Арестъ и ссылка Бирона.— Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Холмогорская старина.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Первый смотритель Петровскаго памятника.— Московскій Соломонъ прошлаго вѣка.— Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1888

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9-го декабря 1887 года.

Помѣщенныя въ настоящей книжкѣ статьи были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Авторъ не придаетъ имъ особеннаго значенія и рѣшился собрать и выпустить ихъ особой книжкой единственно потому, что нѣкоторыя изъ статей могутъ быть не безполезны для лицъ, изучающихъ русскую исторію, такъ какъ однѣ изъ нихъ составлены частью по архивнымъ матеріаламъ („Арестъ и ссылка Бирона“, „Англичане въ Камчаткѣ въ 1777 году“, „Подпоручикъ Федосѣевъ“, „Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ“), а другія по малоизвѣстнымъ печатнымъ источникамъ („Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году“, „Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“, „Александрова дача“, „Русскій помѣщикъ прошлаго столѣтія“). Кромѣ того, многіе рисунки, иллюстрирующіе статьи, воспроизведены съ весьма рѣдкихъ оригиналовъ.

ЛѢТНІЙ САДЪ И ЛѢТНІЯ ПЕТЕРБУРГСКІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Существуетъ преданіе, что одинъ англичанинъ, большой чудакъ и любитель художествъ, услышавъ разсказы о необыкновенной красотѣ рѣшетки Лѣтняго сада, нарочно отправился въ Петербургъ, чтобы собственными глазами убѣдиться въ справедливости такихъ похвалъ. Осмотрѣвъ рѣшетку и сознавшись, что не былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, флегматическій британецъ тотчасъ же вернулся на свой корабль и уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Преданіе это, конечно, есть ничто иное, какъ выдумка; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что рѣшетка Лѣтняго сада заслуживаетъ особеннаго вниманія: изящество рисунка, качество матерьяловъ, блестящія колонны, изсѣченныя изъ цѣльнаго гранита и украшенныя по верхамъ такими же урнами, яркая позолота стрѣлъ и колецъ, дѣлаютъ рѣшетку эту однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній искусства. Она начата, по повелѣнію императрицы Екатерины II, въ 1778 г., и окончена въ 1784 году.

При Петрѣ I, Лѣтній садъ былъ весьма обширенъ, занимая все пространство между Мойкою и Фонтанкою, отъ Невы до Невскаго проспекта [1]). Онъ разведенъ въ 1711 году, по плану, нарисованному самимъ государемъ, въ голландскомъ вкусѣ, что можно заключить изъ множества прямыхъ аллей, пересѣкаемыхъ тупыми и острыми углами. У самой Невы, на мѣстѣ нынѣшней набережной, были выстроены три длинныя деревянныя галлереи,

[1]) При императорѣ Павлѣ отъ Лѣтняго сада отрѣзана значительная часть для постройки теперешняго Инженернаго замка, отчего садъ раздѣлился на верхній и нижній. Послѣдній отошелъ, въ 1824 г., къ Михайловскому дворцу.

со спусками къ водѣ; въ средней стояла на высокомъ пьедесталѣ, превосходная, хотя и немного попорченная отъ долгаго лежанія въ землѣ, мраморная статуя Венеры. Петръ купилъ эту статую у папы за три тысячи скуди и такъ дорожилъ ею, что во время народныхъ гуляній всегда приказывалъ ставить къ ней часоваго. Отъ средней галлереи, вдоль всего сада, шла главная, весьма широкая аллея, обсаженная липами, кленомъ и акаціей и уставленная дерновыми скамьями. Въ ней были сдѣланы двѣ площадки, съ красивыми фонтанами, бившими довольно высоко; вода въ ихъ бассейны приводилась изъ Лебяжьяго канала посредствомъ большой колесной машины. Первая площадка называлась дамской, потому что здѣсь обыкновенно, въ жаркіе дни, сиживала императрица съ своими дамами; вторая носила названіе шкиперской и была любимымъ мѣстомъ Петра. Вправо отъ этой послѣдней площадки стояла съ покрытымъ лицомъ статуя Вѣры, у подножія которой со всѣхъ сторонъ била вода. Влѣво находился огромный птичникъ, гдѣ множество разнородныхъ птицъ частью расхаживали свободно, частью были заперты въ поставленныхъ вокругъ клѣткахъ. Тутъ были орлы, черные аисты, попугаи, фазаны и другія рѣдкія породы пернатыхъ. Здѣсь же, впрочемъ, содержались и нѣкоторыя четвероногія животныя: медвѣди, волки, шакалъ, олень, серны, синяя лисица, большой ёжъ и проч. Звѣри тихаго нрава часто выпускались гулять по всему саду; изъ нихъ особенно была забавна одна серна: она любила слушать музыку, ласкаясь ко всѣмъ, ѣла и пила изъ рукъ и умѣла прыгать въ обручъ. Противъ птичника былъ устроенъ, въ видѣ водопада, мраморный фонтанъ, украшенный вызолоченными сосудами, обсаженный цвѣтами и кустарникомъ и обведенный рѣзной дубовой рѣшеткой; а сзади его — оранжерея и небольшой высокій домикъ, весьма затѣйливой архитектуры, гдѣ содержались египетскіе голуби. На другой сторонѣ шкиперской площадки, недалеко отъ статуи, стояла, въ кущѣ деревьевъ, маленькая бесѣдка, окруженная водой; въ ней всегда проводилъ время Петръ, когда желалъ остаться одинъ, или когда хотѣлъ напоить кого нибудь пьянымъ, потому что уйти оттуда не было никакой возможности, какъ скоро отчаливали англійскій ботикъ, на которомъ совершалась переправа къ бесѣдкѣ. Здѣсь, на водѣ, плавало большое количество разнородныхъ гусей и утокъ; онѣ были очень ручны и на зовъ подплывали къ корму. По берегу, вокругъ, стояли крошечные домики, куда эти птицы запирались на ночь. Тутъ же находился раскрашенный и вполнѣ

оснащенный кораблик; на немъ иногда потѣшались царскіе карлы. Далѣе, вправо отъ бесѣдки, стояла большая, сплетеная изъ стальной проволоки, клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летали или садились на посаженныя внутри деревца. Еще далѣе, влѣво, находился обширный гротъ, обложенный снаружи безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ и дорогихъ раковинъ. Въ немъ были поставлены стулья и диваны, на которыхъ посѣтители могли отдыхать и прохлаждаться. Передъ гротомъ, на большомъ очищенномъ квадратномъ лужкѣ, были размѣщены искусно выбитыя изъ мѣди и олова фигурныя изображенія езоповыхъ басенъ, съ написанными внизу ихъ толкованіями каждой. Императоръ любилъ собирать здѣсь гуляющихъ и самъ объяснялъ имъ смыслъ изображенныхъ басенъ. Отъ грота, вплоть до дворца, тянулась дубовая, довольно тѣнистая роща, почти вся насаженная собственными руками государя. Самый дворецъ уцѣлѣлъ до настоящаго времени, съ нѣкоторыми позднѣйшими прибавленіями, почти въ томъ видѣ, въ какомъ былъ и при Петрѣ. Первоначально онъ былъ построенъ безъ всякихъ украшеній, по образцу простого домика; но въ 1714 году царь приказалъ совершенно его передѣлать. Наружныя стѣны дворца были оштукатурены и выбѣлены, наличники у оконъ и дверей обиты планками, а надъ окнами сдѣланы барельефы; карнизъ, архитравъ и фризъ подъ орнаментомъ выкрашены желтой краской; кровля покрыта бѣлыми желѣзными листами крестообразно; по угламъ ея поставлены четыре жестяные дракона, а наверху флюгеръ съ мѣднымъ вызолоченнымъ конемъ. Въ обоихъ этажахъ дворца расположено по одиннадцати комнатъ; стѣны ихъ покрыты выбѣленною холстиною и обнесены филенчатыми панелями съ разными фигурами, а на потолкахъ вставлены разныя аллегорическія картины, въ рамкахъ лѣпной работы; двери сдѣланы изъ орѣховаго и дубоваго дерева, съ рѣзными украшеніями, надъ которыми не мало трудился самъ государь. Стѣны кухни, равно и всѣ печи, выложены разноцвѣтными глазированными изразцами. Передъ главнымъ фасадомъ разбитъ небольшой цвѣтникъ, окруженный рѣшеткою [1]). Къ западу отъ дворца, на противоположномъ концѣ

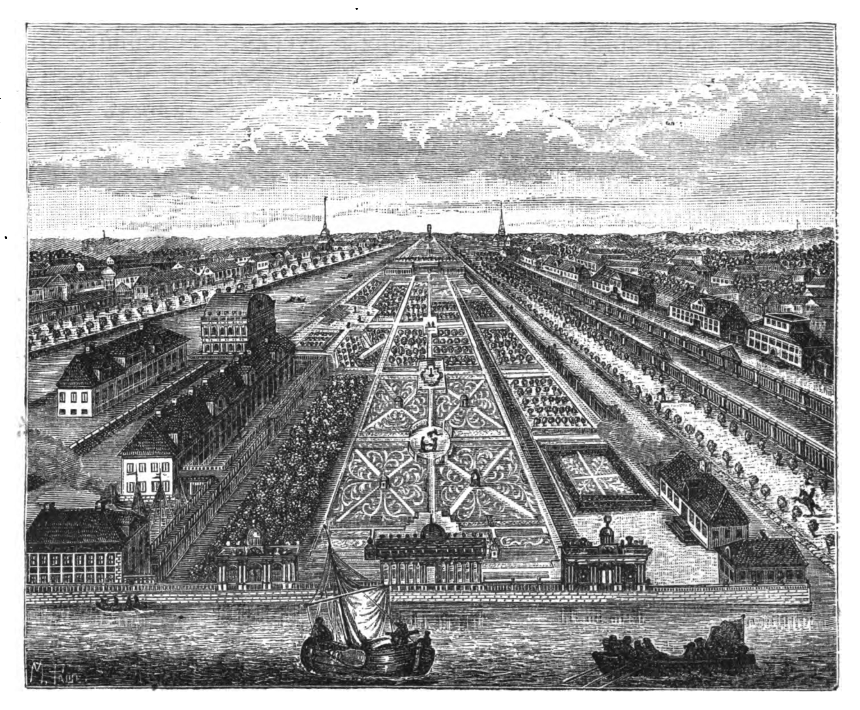
[1]) Изъ вещей, бывшихъ во дворцѣ при Петрѣ, въ настоящее время сохранились только слѣдующія: 1) Большіе стѣнные часы, поставленные въ нижнемъ этаж въ кабинетѣ, которые, какъ увѣряютъ, куплены самимъ государемъ въ Голландіи Часы эти въ орѣховомъ футлярѣ съ тремя мѣдными, высеребренными циферблатами показывающими: первый—часы, второй—вѣтры, третій—состояніе воздуха. 2) Шкафъ

сада, былъ вырытъ въ 1716 году каналъ, отдѣлившій садъ отъ Царицына луга, на которомъ, какъ и теперь, производились смотры и парады. Невдалекѣ отъ него, по берегу Невы, гдѣ теперь Мраморный дворецъ, стоялъ двухъ-этажный, мазанковый, одѣтый снаружи плоскимъ камнемъ „Почтовый“ домъ. Въ немъ жили почтмейстеръ и нарочно выписанный изъ Данцига трактирщикъ, который былъ обязанъ, за деньги, кормить и давать помѣщеніе пріѣзжающимъ въ Петербургъ. Въ этомъ же домѣ царь давалъ иногда асамблеи и дѣлалъ угощенія, по случаю разныхъ торжествъ; тогда всѣ квартиранты должны были выбираться оттуда. Противъ самаго Почтоваго дома находилось особенное зданіе, гдѣ помѣщался приведенный въ первый разъ въ Россію въ подарокъ отъ персидскаго шаха слонъ. Армянинъ, сопровождавшій слона, разсказывалъ, что когда онъ прибылъ съ нимъ въ Астрахань, то животное это возбудило въ окрестныхъ жителяхъ такое любопытство, что многія сотни народа, взявъ съ собою мѣшки съ съѣстными припасами, провожали слона сорокъ и болѣе верстъ. По смерти его, въ зданіи былъ поставленъ извѣстный готорпскій глобусъ, подаренный Петру голштинскимъ герцогомъ. Машину эту привезли въ Петербургъ съ большими затрудненіями, потому что, по огромности ея, нужно было расчищать новыя дороги и прорубать лѣса, при чемъ многіе изъ рабочихъ лишились жизни. Глобусъ имѣлъ семь съ половиною саженъ въ поперечникѣ; наружная поверхность его, сдѣланная изъ бумаги, наклеенной на мѣдь, и искусно разрисованная перомъ и раскрашенная, представляла землю; а внутренняя изображала багряное небо съ созвѣздіями обоихъ полукружій, означенными золотыми звѣздочками. На лицевой сторонѣ шара находилась латинская надпись, гласившая, что „свѣтлѣйшій и высочайшій герцогъ голштинскій, Фридрихъ, изъ любви къ математическимъ наукамъ, приказалъ, въ 1654 году, начать сооруженіе этого шара, которое продолжалъ наслѣдникъ его, вѣчно достойный памяти, герцогъ Христіанъ-Альбертъ, и окончилъ, въ 1661 году, подъ руководствомъ Олеарія“. Внутри глобуса стояли столъ и скамьи, на которыхъ могли свободно помѣщаться двѣнадцать человѣкъ;

орѣховаго дерева, сдѣланный самимъ Петромъ; въ него, по преданію, императоръ пряталъ всегда свое бѣлье и ботфорты. 3) Двѣ рамы съ жестяными переплетами, также работы Петра; одна вдѣлана въ стѣнѣ корридора, а другая хранится въ особой комнатѣ наверху. 4) Три стула и одно кресло простого дерева, съ камышевою отдѣлкою, окрашенные желтою краскою, составлявшіе часть мебели въ кабинетѣ императора.

глобусъ приводился въ движеніе особымъ механизмомъ, придѣланнымъ къ столу. Въ 1724 году, изъ Персіи привели новаго слона и помѣстили его въ жилищѣ прежняго, а глобусъ былъ перевезенъ въ кунсткамеру [1]).

Передъ Царицынымъ лугомъ, гдѣ нынѣ казармы лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, находился домъ герцога голштинскаго, женившагося впослѣдствіи на дочери Петра — Аннѣ. Рядомъ жилъ извѣстный составитель воинскаго устава, генералъ Вейде; домъ

Лѣтній садъ и дворецъ при Петрѣ Великомъ.

Съ гравюры Зубова 1716 года.

его былъ каменный и одинъ изъ лучшихъ въ описываемой мѣстности. Въ настоящее время, изъ старинныхъ зданій, здѣсь уцѣлѣлъ только домъ, принадлежавшій лейбъ-медику и любимцу императрицы Елисаветы Петровны — Лестоку. Когда послѣдній впалъ въ немилость, то его судилъ фельдмаршалъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ. Имѣніе Лестока было конфисковано, а домъ подаренъ Апраксину. На площади, между Почтовымъ домомъ и

[1]) Въ 1747 году, пожаръ истребилъ эту рѣдкость; вмѣсто нея сдѣланъ другой глобусъ, нѣсколько менѣе перваго.

Лѣтнимъ садомъ, Петръ намѣревался воздвигнуть свою собственную статую, на конѣ, вышиною въ 54 фута. Модель ея была сдѣлана, въ 1724 году, графомъ Растрелли, такъ же какъ и модель колонны, на которой, подобно Траяновой, въ Римѣ, предполагалось изобразить побѣды царя.

При Петрѣ въ Лѣтнемъ саду почти каждую недѣлю происходили гулянья, на которыя были обязаны являться, безъ исключенія, всѣ петербургскіе жители высшаго и средняго сословій. Общественными развлеченіями Петръ надѣялся скорѣе всего измѣнить нѣкоторыя устарѣлыя формы русскаго семейнаго быта, ввести простоту и безцеремонность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами и смягчить грубость и полудикость тогдашнихъ нравовъ. Понятно, что общество, двинутое впередъ противъ воли и желанія, не могло сразу отрѣшиться отъ своихъ стародавнихъ обычаевъ и, заимствовавъ лишь наружный лоскъ европейской свѣтскости, продолжало еще сохранять предразсудки и преданія старины. Поэтому, во всѣхъ общественныхъ развлеченіяхъ петровскаго времени видна какая-то странная смѣсь натянутаго нѣмецкаго этикета съ разгуломъ прежняго барства, часто оскорбляющаго не только чувство простого приличія, но и человѣческаго достоинства. Главнѣйшимъ условіемъ тогдашнихъ празднествъ было пьянство, доведенное до послѣдней степени, слѣдовательно со всѣми послѣдствіями, которыя сопровождаютъ его у людей неразвитыхъ, пріученныхъ давать волю своимъ животнымъ инстинктамъ. Мы опишемъ здѣсь только лѣтнія увеселенія петровскаго двора, состоявшія изъ гуляній въ саду, катаній по Невѣ, спусковъ кораблей и нѣкоторыхъ другихъ торжествъ, происходившихъ иногда, по случаю какого нибудь важнаго событія.

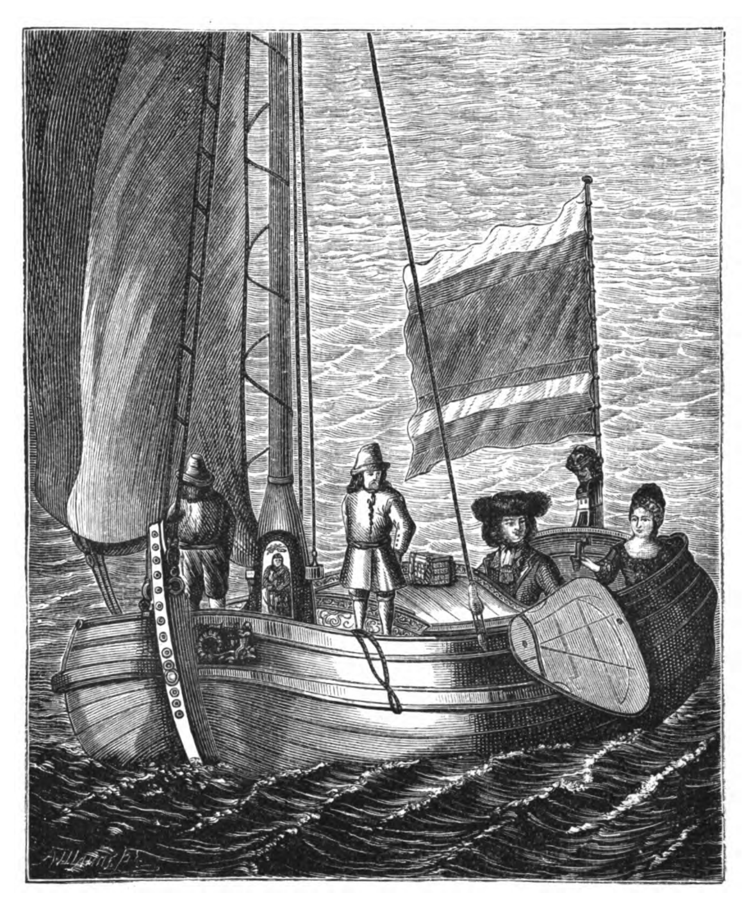
Въ назначенный для гулянья въ саду день, на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, съ утра, выставлялся желтый флагъ съ изображеніемъ орла, державшаго въ когтяхъ четыре моря. Въ пятомъ же часу пополудни производилось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. По послѣднему сигналу, всѣ чиновныя особы, дворяне, канцелярскіе служители, корабельные мастера и даже иностранные матросы должны были спѣшить въ садъ. Посѣтители, большею частью, пріѣзжали въ лодкахъ и, привязавъ ихъ къ кольямъ на берегу Невы, взбирались по узкой тропинкѣ къ средней галлереѣ, гдѣ уже находилась императрица и великія княжны, которыя, держась стариннаго правила, встрѣчали гостей и подносили почетнѣйшимъ изъ нихъ по

чаркѣ водки или стакану вина. Откланявшись государынѣ, посѣтители отправлялись привѣтствовать государя, сидѣвшаго на своемъ обычномъ мѣстѣ, у фонтана на шкиперской площадкѣ, за столомъ, уставленнымъ табакомъ, трубками, стаканами и бутылками съ виномъ. Желая подать собою примѣръ непринужденности и простоты въ обращеніи, императоръ, отбросивъ всякій этикетъ, обходился со всѣми, какъ съ равными. По приглашенію его нѣкоторые изъ гостей садились играть съ нимъ въ шашки или бесѣдовать, а остальные разсыпались по аллеямъ, осматривали звѣринецъ и птичникъ, или шли на Царицынъ лугъ слушать музыку, состоявшую изъ нѣсколькихъ трубъ, фаготовъ, валторнъ, гобоевъ и литавръ. Капельмейстеръ изъ солдатъ, ради порядка и большей вѣрности, билъ тактъ въ огромный турецкій барабанъ и нерѣдко считалъ четверти, отчего и самъ не всегда попадалъ въ темпъ. Впрочемъ, расположеніе къ музыкѣ было такъ незначительно, что публика обращала все свое вниманіе только на ловкость и дѣйствительность мѣръ распорядительнаго капельмейстера, да и слушателей бывало весьма немного... Въ шесть часовъ, являлись въ садъ нѣсколько гвардейскихъ солдатъ съ носилками, на которыхъ былъ поставленъ огромный ушатъ, наполненный простымъ виномъ. Обходя посѣтителей, солдаты подносили каждому ковшъ, величиной съ большой стаканъ и просили выпить за здоровье царя. Отказывавшійся почему либо принять ковшъ былъ принуждаемъ къ тому насильно маіорами гвардіи, нарочно для этой цѣли слѣдовавшими за ушатомъ. Даже дамы не были изъяты отъ такой, крайне непріятной, обязанности, потому что сама императрица прежде всѣхъ брала ковшъ и отпивала изъ него нѣсколько глотковъ вина. Затѣмъ садъ запирался и никто изъ гостей не могъ уже съ этой минуты покинуть собраніе безъ личнаго на то позволенія царя. Въ боковыхъ галлереяхъ накрывались столы съ разными холодными закусками, напитками и сластями, а въ отдаленныхъ аллеяхъ ставились бочки съ пивомъ и водкой. Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣщался разноцвѣтными фонарями и начинались танцы на дамской площадкѣ, а въ дурную погоду въ средней галлереѣ. Всѣ умѣвшіе танцовать заблаговременно занимали мѣста на скамьяхъ, окружавшихъ площадку. Танцы заключались въ польскихъ и англійскихъ контрдансахъ. Отличительный характеръ первыхъ состоялъ въ надутой степенности, важномъ выраженіи лицъ, гордой поступи, въ неловкомъ шарканьи и фигурной осанкѣ танцоровъ; во вторыхъ— замѣтны были полусмѣшная развязность и странное прыганье;

каждая пара дѣлала свои фигуры и почти каждое лицо танцовало по-своему. Дамы были приглашаемы тремя церемоніальными, низкими поклонами съ шарканьемъ въ обѣ стороны; учтивости эти производились кавалерами въ приличномъ отдаленіи. Окончивъ танецъ, кавалеръ почтительно цѣловалъ у своей дамы руку, къ которой едва смѣлъ дотрогиваться концомъ пальцевъ, и провожалъ ее къ мѣсту, послѣ чего церемоніально раскланивался. Во время танцевъ дамы были угощаемы чаемъ, кофеемъ, медомъ и миндальнымъ молокомъ; лимонадъ, оршадъ и въ особенности шоколадъ считались рѣдкостью и подавались только на торжественныхъ пирахъ. Что касается мужчинъ, то имъ безпрерывно подносили пиво и вино, такъ что къ концу вечера большая часть ихъ непремѣнно напивалась до-пьяна. Гулянье заключалось обыкновенно фейерверкомъ или, какъ его называли тогда, „огненною потѣхою", сожигаемою подъ руководствомъ самого царя, на судахъ, расположенныхъ по Невѣ. Послѣ фейерверка ворота сада отпирались и посѣтители могли расходиться по домамъ.

Любимою забавою Петра было катанье на лодкахъ. Въ то время на Невѣ не существовало ни одного моста. Государь роздалъ всѣмъ петербургскимъ жителямъ, для переправы, суда, написавъ собственноручно инструкцію, какъ ими управлять. Перво-классным вельможамъ было подарено по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ двѣнадцать, другой въ четыре весла. Прочимъ жителямъ менѣе, смотря по чинамъ. Каждый былъ обязанъ содержать свои суда въ цѣлости и отвѣчать за нихъ. Въ назначенный для катанья день, выставляли въ четырехъ концахъ города флаги; всѣ суда, принадлежавшія придворнымъ лицамъ, подъ опасеніемъ „жестокаго" штрафа, должны были, къ извѣстному часу, собираться близъ крѣпости, у австеріи четырехъ фрегатовъ, неподалеку отъ нынѣшняго Троицкаго моста. По пушечному выстрѣлу вся флотилія выступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ открывалъ шествіе на богатоубранной яхтѣ, имѣвшей, для отличія, на кормѣ флагъ изъ краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. Никто не смѣлъ ни опережать его, ни уѣхать безъ его позволенія. Потомъ слѣдовала императорская шлюпка, гдѣ находились государыня и великія княжны; рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое матросское платье. За этой шлюпкой плыли остальныя, безъ разбора. На нѣкоторыхъ лодкахъ ставились качели. Знатные господа брали съ собою музыку. Большая часть судовъ были вызолочены, украшены рѣзьбою и внутри обиты зеленымъ или краснымъ бархатомъ. Катанья обыкновенно окан-

чивались у загородныхъ дворцовъ Екатерингофа или Стрѣльны. Тамъ всякій разъ уже были готовы закуски. Гуляющіе, вышедъ на берегъ, ужинали, ходили по рощамъ и съ наступленіемъ вечера тѣмъ же порядкомъ возвращались въ городъ. Иногда предпринимались и дальнѣйшія поѣздки, въ Петергофъ, Кронштадтъ и даже Ревель. Безпрестанная пальба и громъ музыки оглашали

Петръ и Екатерина, катающіеся по Невѣ.
Съ гравюры Зубова 1716 года.

воздухъ во время пути. Случалось нерѣдко, что забавы эти имѣли несовсѣмъ пріятныя послѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли привыкнуть къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣнье управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ, напримѣръ, въ маѣ 1714 года. Тогда находился въ

Петербургѣ посланникъ бухарскаго хана Гаджи-Магомета. Царь пригласилъ его принять участіе въ увеселительномъ путешествіи въ Кронштадтъ. По неопытности рулеваго, шнява, на которой сидѣли посланникъ, канцлеръ графъ Головинъ и нѣсколько сенаторовъ, попала между мелей. Пока было тихо, опасность была невелика; но къ ночи поднялась сильная буря; разбило шлюпку, привязанную сзади, оторвало якорь и бросило судно на камни. Посланникъ, никогда до того не бывавшій въ морѣ, дрожалъ отъ страха; но потомъ, видя, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шолковый плащъ, легъ на палубѣ и приказалъ своему муллѣ стать на колѣни и читать громко молитвы изъ корана. Къ счастью, буря скоро утихла и присланныя отъ царя галеры сняли шняву съ мели и благополучно привели въ Кронштадтъ.

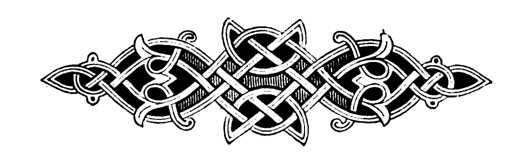
Закладки и спуски кораблей сопровождались всегда веселымъ и разгульнымъ пиромъ, для котораго царь выдавалъ всякій разъ изъ собственной казны по тысячѣ рублей. Въ день закладки или спуска, по пушечному выстрѣлу изъ крѣпости, всѣ отправлялись въ адмиралтейство. Въ первомъ случаѣ, „главный корабельный мастеръ“, Иванъ Михайловичъ Головинъ, вбивалъ въ киль гвоздь и мазалъ его смолою. За нимъ дѣлалъ то же самое царь и прочіе корабельные мастера. Въ теченіе этой работы изъ адмиралтейства производилась безпрерывная пушечная пальба. Окончивъ закладку, императоръ, со всею фамиліею и присутствовавшими, уходилъ въ флагманскую залу, стѣны и потолокъ которой были увѣшаны взятыми у шведовъ знаменами. Здѣсь ждалъ посѣтителей сытный обѣдъ, послѣ чего всѣ съѣзжались къ генералъ-адмиралу графу Апраксину, чтобы за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу. Во время корабельныхъ спусковъ, до совершенія молебствія на новопостроенномъ суднѣ, Петръ, одѣтый въ богатый, шитый золотомъ адмиральскій мундиръ, съ андреевской лентой черезъ плечо, взявъ топоръ, подрубалъ одну изъ корабельныхъ подпорокъ. Лишь только корабль касался воды, воздухъ оглашался звуками трубъ и литавръ, пушечными выстрѣлами и громкимъ крикомъ народа, тѣснившагося по обоимъ берегамъ Невы. Когда якорь былъ брошенъ, царь съ своимъ семействомъ прежде всѣхъ входилъ на корабль и привѣтствовалъ каждаго приходившаго къ нему съ поздравленіями поцѣлуями въ голову; и императрица, и великія княжны подносили гостямъ по рюмкѣ вина. Между тѣмъ, въ каютахъ накрывались столы, въ верхнихъ для дамъ,

въ нижнихъ для мужчинъ. За столъ, гдѣ находился государь, садились по правую сторону—корабельные мастера, плотники и всѣ участвовавшіе въ постройкѣ спущеннаго судна; по лѣвую—знатнѣйшія особы. Не было обѣдовъ шумнѣе; самъ Петръ всегда бывалъ за ними очень веселъ. Между гостями царствовала совершенная непринужденность. Тосты, сопровождаемые пушечными выстрѣлами, быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Вино, преимущественно венгерское, лилось рѣкой. Пирушки эти продолжались иногда до двухъ часовъ ночи. Всякій былъ обязанъ принимать въ нихъ равное участье. Часовые стояли у выхода и безъ разрѣшенія царя никого не выпускали съ корабля. Къ вечеру, многіе изъ пирующихъ, по обыкновенію, страшнымъ образомъ напивались. Вездѣ были слышны чоканье стакановъ, обѣты вѣчной дружбы, а часто шумъ, споръ, ругательства и даже драки. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ окончаніе пира при спускѣ корабля „Пантелеймонъ“, въ іюлѣ 1721 года: „Между тѣмъ въ нижней каютѣ веселились на славу; почти всѣ были пьяны, но все еще продолжали пить до послѣдней возможности. Великій адмиралъ, графъ Апраксинъ, до того напился, что плакалъ какъ ребенокъ, что̀ обыкновенно съ нимъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Князь Меншиковъ такъ опьянѣлъ, что упалъ замертво и его люди принуждены были послать за княгинею и ея сестрою, которыя, съ помощью разныхъ спиртовъ, привели его немного въ чувство и выпросили у царя позволеніе ѣхать съ нимъ домой. Однимъ словомъ, не совершенно пьяныхъ было очень мало, и еслибъ я хотѣлъ описать всѣ дурачества, какія были дѣланы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, то могъ бы наполнить разсказомъ о нихъ не одинъ листъ. То князь Валахскій схватывался съ оберъ-полиціймейстеромъ (Девьеромъ), то раздавалось чоканье бокаловъ на братство и неизмѣнную любовь. Тѣ, которые были еще трезвы, нарочно притворялись пьяными, чтобы не пить болѣе и смотрѣть на дурачества другихъ. Другіе, совершенно пьяные, умничали и лѣзли ко всѣмъ съ объятіями и поцѣлуями, что для трезвыхъ, разумѣется, было очень непріятно. Много стоило труда охранять его высочество (герцога голштинскаго) отъ этихъ нѣжностей. Но смѣшнѣе всѣхъ былъ баронъ Бюловъ, который со всѣми ссорился. Генералъ-лейтенанту Бонне онъ, въ присутствіи его высочества, сказалъ въ глаза, что тотъ поступилъ съ нимъ нечестно, потому что, не смотря на обѣщаніе быть ему другомъ, не исполнилъ его просьбы и не провелъ къ царю. Генералъ оправдывался сколько

могъ и отвѣчалъ, что потолкуетъ съ нимъ объ этомъ завтра. Потомъ этотъ баронъ началъ превозносить свою честность и хвастать тѣмъ, что служитъ своему государю только изъ любви, а не изъ боязни батоговъ и кнута. Все это онъ говорилъ при его высочествѣ и вскорѣ послѣ того сталъ вызывать на дуэль одного русскаго подполковника, котораго обвинялъ, будто тотъ свѣдѣнія его въ разныхъ наукахъ выдаетъ за свои; немного спустя, они отправились въ буфетъ и пили вмѣстѣ. Наконецъ, пришло извѣстіе, что царь и царица уже уѣхали и что выходъ свободенъ. Радость была всеобщая. Его высочество собрался тотчасъ же ѣхать, но передъ нимъ была такая толпа, что онъ опять воротился и взошелъ покамѣсть на палубу, гдѣ находились дамы. Такъ какъ, кромѣ того, нѣкоторыя изъ нихъ оставались еще въ задней каютѣ и были немного навеселѣ, то туда никого не пустили, за исключеніемъ герцога; но его высочество оставался тамъ недолго. Увидѣвъ генералъ-маіора Штенфлихта, страшно пьянаго, подлѣ одной дамы, которой очень хотѣлось отъ него отдѣлаться, я сказалъ ему, что его высочество уже совсѣмъ собрался ѣхать, и спросилъ, поѣдетъ ли онъ домой съ нами или отправится одинъ? Но онъ отвѣчалъ, чтобы я оставилъ его въ покоѣ. Я еще прежде слыхалъ, какъ страшенъ и опасенъ онъ бываетъ, когда напьется, и потому поспѣшилъ отойти отъ него. Не прошелъ я и двадцати шаговъ, какъ услышалъ, что онъ вступилъ въ ссору съ однимъ отставнымъ полковникомъ, котораго царь держитъ при себѣ и очень любитъ. Ссора эта становилась все сильнѣе и сильнѣе, такъ что они схватились было за шпаги и хотѣли броситься другъ на друга. Къ счастью, ихъ успѣли рознять, хотя это стоило не мало труда. Штенфлихтъ до того остервенился, что его почти никто не могъ удержать. Человѣка своего, который также помогалъ держать его, онъ колотилъ страшно; однакожъ тому все-таки удалось отнять у него кортикъ, который могъ надѣлать бѣды. Его высочество подошелъ, наконецъ, самъ и старался его успокоить и выпроводить; но онъ и тутъ не хотѣлъ ничего слышать, безпрестанно порываясь на своего противника. Насилу полковнику Лорху и мнѣ удалось стащить его съ палубы; но такъ какъ проходъ былъ очень тѣсенъ, то мы принуждены были выпустить его изъ рукъ. Я услышалъ, что онъ далъ кому-то двѣ оплеухи и, когда оглянулся, увидѣлъ, что у камеръ-юнкера Геклау сшибены съ головы шляпа и парикъ. Его высочество такъ разсердился за это, что просилъ караульнаго офицера продержать генералъ-маіора

подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока пришлетъ за нимъ. Послѣ того его высочество уѣхалъ съ небольшою свитою."

Сцены, подобныя описанной здѣсь, повторялись не только при спускахъ кораблей, но и при всѣхъ общественныхъ и семейныхъ празднествахъ. Въ запискахъ современниковъ встрѣчаются разсказы о попойкахъ, непремѣнно кончавшихся ссорами, ругательствами и драками. Таковъ былъ общій характеръ всѣхъ тогдашнихъ увеселеній.

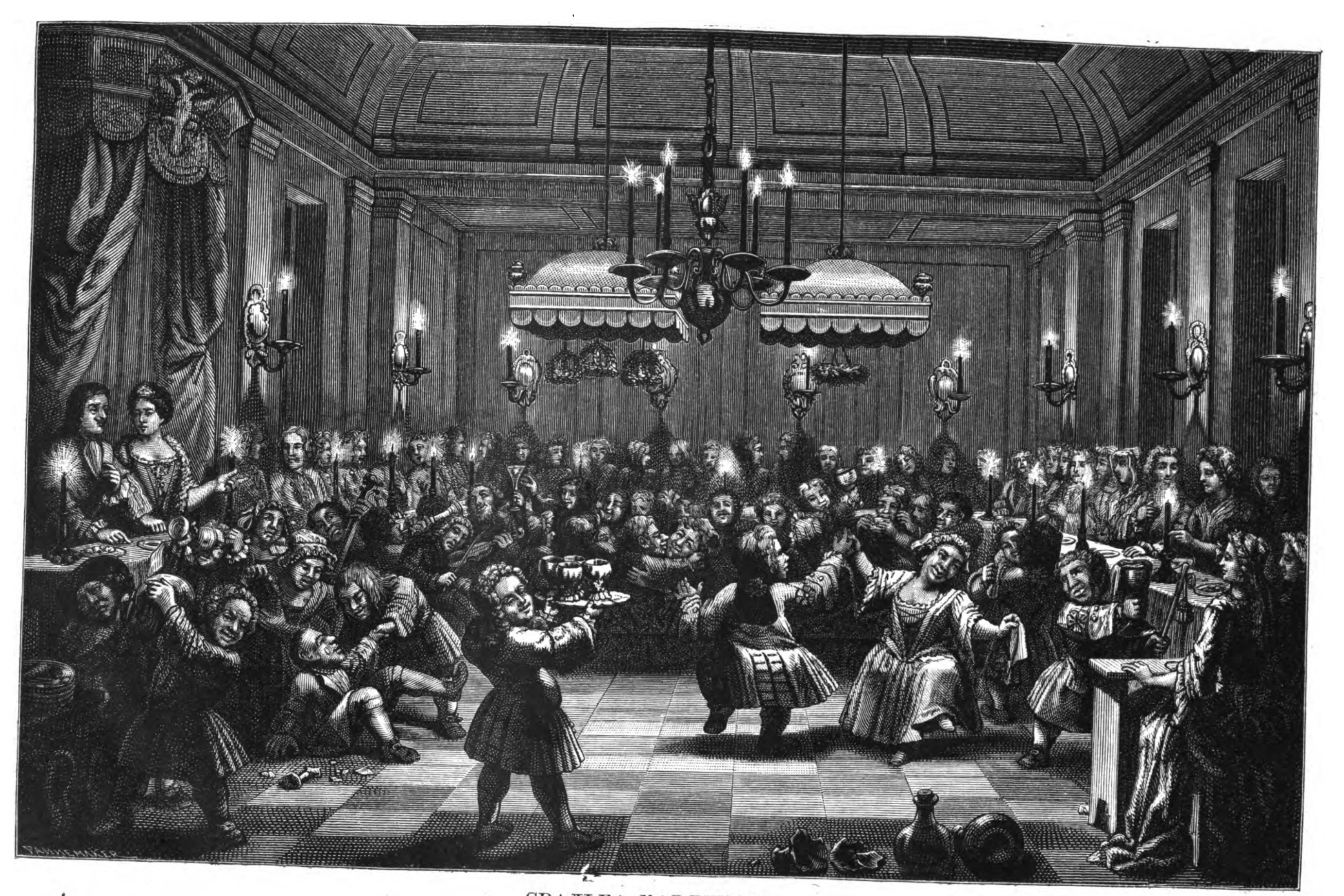

СВАДЬБА КАРЛИКОВЪ.

Изъ числа многихъ оригинальныхъ затѣй Петра Великаго, одной изъ самыхъ оригинальныхъ слѣдуетъ признать попытку развести въ Россіи породу карликовъ посредствомъ браковъ. Съ этой цѣлью Петръ задумалъ женить своего любимаго карла Якима Волкова на карлицѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Оригинальная мысль эта была приведена въ исполненіе оригинальнымъ же образомъ. 19-го августа 1710 года состоялся слѣдующій царскій указъ:

„Карлъ мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Петербургъ сего августа 25-го дня, а въ тотъ отпускъ, въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ тѣ карлы живутъ, сдѣлать къ тому дню на нихъ, карлъ, платье: на мужеской полъ кафтаны и камзолы нарядные, цвѣтные, съ позументами золотыми и съ пуговицами мѣдными золочеными, и шпаги, и портупеи, и шляпы, и чулки, и башмаки нѣмецкіе добрые; на дѣвическъ полъ верхнее и исподнее нѣмецкое платье, и фантажи, и всякій приличный добрый уборъ, и въ томъ взять тѣхъ домовъ съ стряпчихъ сказки“ и проч.

Согласно этому указу, было собрано въ Петербургѣ и Москвѣ около 80 карликовъ и карлицъ, однако же сборъ продолжался настолько медленно, что свадьба могла быть отпразднована не ранѣе 14-го ноября. Накунунѣ ея, двое карликовъ, исполнявшіе обязанность шаферовъ, ѣздили приглашать гостей въ колясочкѣ о трехъ колесахъ, запряженной одной маленькой лошадью, убранной разноцвѣтными лентами и предшествуемой двумя верховыми придворными лакеями. На другой день, когда приглашенные

СВАДЬБА КАРЛИКОВЪ.

Съ голландской гравюры Филинса.

гости собрались въ назначенный домъ, молодые отправились къ вѣнцу торжественнымъ шествіемъ. Впереди шелъ карликъ, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, къ концу котораго былъ привязанъ большой букетъ изъ лентъ. За нимъ шествовали женихъ и невѣста съ шаферами, въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ; потомъ царь, многія дамы, нѣкоторые иностранные министры и знатныя особы. Шествіе замыкалось 72-мя карликами и карлицами, попарно; карлики были одѣты въ свѣтло-голубые или розовые французскіе кафтаны, съ трехъ-угольными шляпами на головахъ и при шпагахъ, а карлицы въ бѣлыя платья съ розовыми лентами. Послѣ церемоніи бракосочетанія, всѣ отправились на Васильевскій островъ, въ домъ князя Меншикова, гдѣ молодыхъ ожидалъ роскошный обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ; надъ мѣстами жениха и невѣсты были сдѣланы шелковые балдахины, убранные, по тогдашнему обычаю, вѣнками. Маршалъ и восемь шаферовъ имѣли для отличія кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныя ленты. Кругомъ, по стѣнамъ залы, сидѣла царская фамилія и прочіе гости. Праздникъ кончился пляской, въ которой принимали участіе только карлы и карлицы. Петръ усердно подпаивалъ новобрачныхъ и затѣмъ самъ отвезъ ихъ домой и при себѣ велѣлъ уложить ихъ въ постель.

Курьезная свадьба эта была изображена на нѣсколькихъ современныхъ гравюрахъ. Лучшая изъ нихъ—голландская гравюра Филинса, копія съ которой приложена здѣсь.

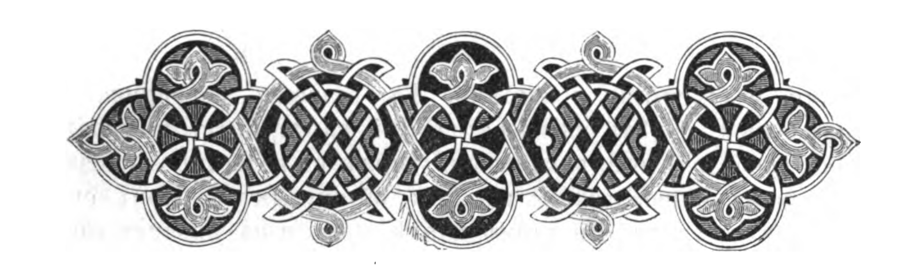
Затѣя Петра (повторенная имъ еще разъ въ 1713 году) не привела къ желаемымъ результатамъ. Правда, молодая карлица сдѣлалась беременной, но не могла разрѣшиться, и послѣ тяжкихъ страданій умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Вдовецъ карликъ, Якимъ Волковъ, послѣ смерти своей жены началъ пьянствовать и распутничать; всѣ строгія мѣры, принятыя для его исправленія, оказались напрасными. Онъ умеръ въ концѣ января 1724 года и, по приказанію Петра, былъ похороненъ торжественнымъ и опять-таки забавнымъ образомъ. Впереди погребальной процессіи шли, попарно, тридцать пѣвчихъ,— все маленькіе мальчики. За ними слѣдовалъ, въ полномъ облаченіи, крошечный попъ, котораго нарочно выбрали для этой церемоніи по причинѣ его малаго роста. Затѣмъ ѣхали маленькія, особаго устройства, сани. Ихъ везли шесть крошечныхъ лошадокъ, покрытыхъ до самой земли черными попонами и ведомыхъ подъ-узцы маленькими пажами. На саняхъ стоялъ гробъ съ тѣломъ усопшаго, обитый малиновымъ бархатомъ, съ сере-

бряными позументами и кистями. Въ головахъ покойника, на спинкѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. Позади гроба слѣдовалъ маленькій карла, въ качествѣ маршала, съ большимъ маршальскимъ жезломъ, обтянутымъ флеромъ, спускавшимся до земли. На этомъ карлѣ, какъ и на прочихъ товарищахъ его, была длинная черная мантія. За нимъ двигались, попарно, остальные карлики. Потомъ выступалъ другой маленькій маршалъ, во главѣ карлицъ. Изъ нихъ самую крошечную вели подъ руки двое наиболѣе рослыхъ карла. Лицо ея было совершенно закрыто флеромъ. За нею шествовали остальныя карлицы попарно, въ глубокомъ траурѣ. По обѣимъ сторонамъ процессіи шли съ зажженными факелами огромные гвардейскіе солдаты и придворные гайдуки. Императоръ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, провожалъ процессію пѣшкомъ отъ Зимняго дворца до Зеленаго (нынѣ Полицейскаго) моста. Тѣло Якима Волкова было предано землѣ на кладбищѣ Ямской слободы. По окончаніи погребенія всѣ карлики и карлицы были привезены во дворецъ и угощены здѣсь обѣдомъ.

„Едва ли, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ одинъ иностранецъ очевидецъ, гдѣ нибудь въ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, можно увидѣть такую странную процессію!..“

МОСКОВСКІЙ МАСКАРАДЪ 1722 ГОДА.

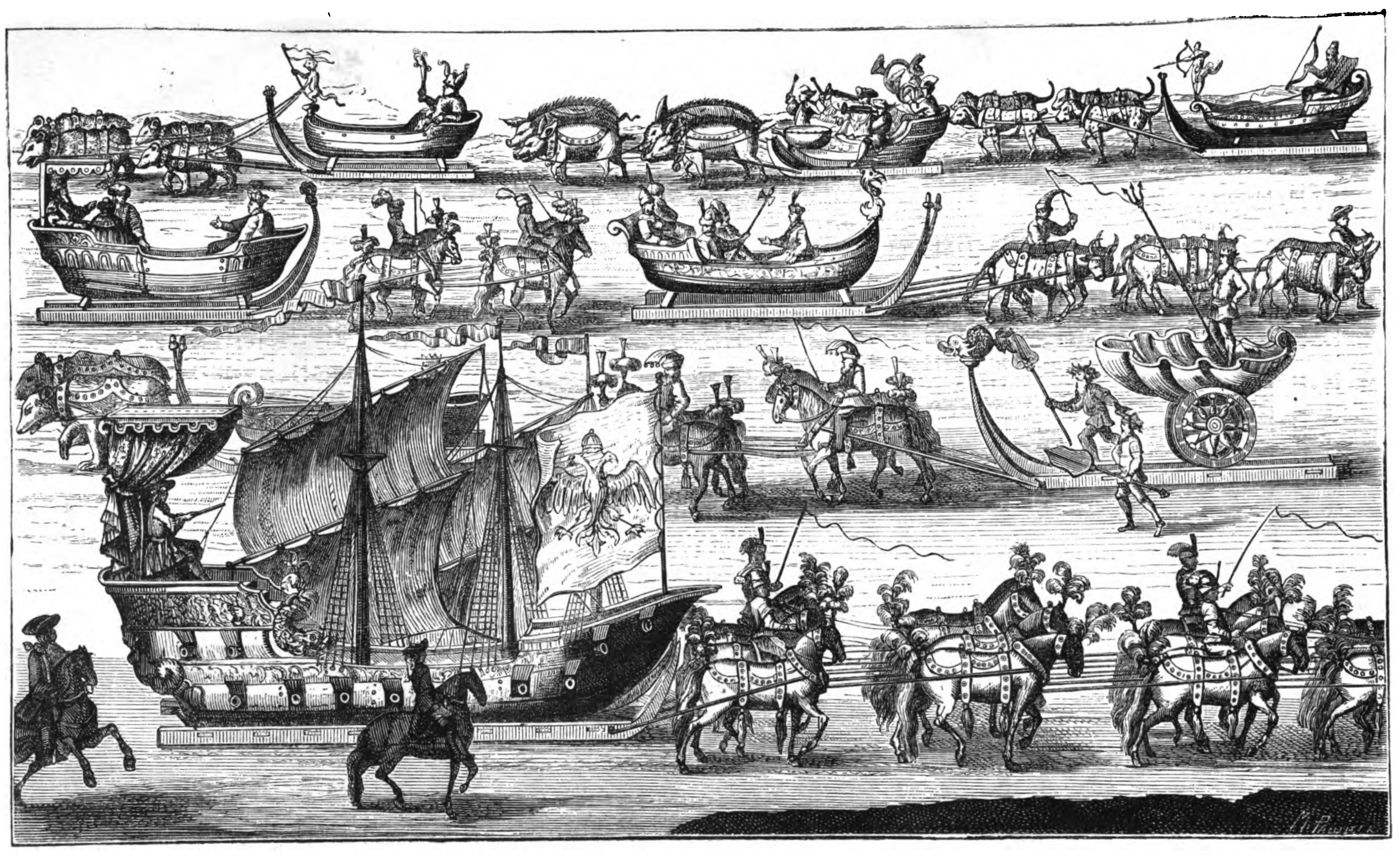
Ништадскій миръ, которымъ заключилась двадцатилѣтняя борьба Россіи съ Швеціей за обладаніе восточнымъ Балтійскимъ поморьемъ, имѣетъ громадное значеніе въ русской исторіи. Въ Ништадѣ скрѣпилась навсегда связь Россія съ образованнымъ міромъ, открылся обширный путь для ея промышленности и торговли, положенъ краеугольный камень рѣшительному перевѣсу ея на сѣверѣ. Съ этого времени, по мѣткому выраженію С. М. Соловьева, кончился степной періодъ русской исторіи и начался періодъ морской; подлѣ западной Европы, для общей дѣятельности съ нею, явилась новая Европа, — восточная. Недаромъ Петръ Великій смотрѣлъ на Ништадскій договоръ, какъ на залогъ грядущаго величія Россіи, и, со слезами радости на глазахъ, говорилъ своимъ сподвижникамъ: „Зѣло желаю, чтобы весь нашъ народъ прямо узналъ, чтӧ Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить". Понятно, что заключеніе столь славнаго мира было отпраздновано цѣлымъ рядомъ невиданныхъ до тѣхъ поръ торжествъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ по своей оригинальности пятидневный маскарадъ, происходившій въ началѣ 1722 года въ Москвѣ.

Въ замѣчательномъ собраніи русскихъ гравюръ Д. А. Ровинскаго сохранился экземпляръ рѣдчайшей современной гравюры, изображающей этотъ курьезный маскарадъ. Прилагая здѣсь точную съ нея копію, считаю нелишнимъ привести и описаніе перваго, наиболѣе интереснаго, дня маскарада, сохранившееся въ дневникѣ очевидца, голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца.

30-го января, наканунѣ празднества, всѣ лица, участвовавшія въ маскарадѣ, собрались въ подмосковное село Всесвятское, въ которомъ заранѣе все уже было приготовлено для небывалаго зрѣлища. Переночевавъ здѣсь, участники на другой день рано утромъ одѣлись въ маскарадныя платья и, послѣ завтрака, двинулись къ предмѣстью Москвы, гдѣ и приготовились окончательно къ торжественному въѣзду, происходившему въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди всѣхъ ѣхалъ шутовской маршалъ, окруженный группой самыхъ забавныхъ масокъ. За ними слѣдовалъ глава „всепьянѣйшаго собора“ князь-папа, И. И. Бутурлинъ. Онъ сидѣлъ въ большихъ саняхъ, на возвышеніи въ видѣ трона, въ папскомъ одѣяніи, т. е. въ длинной, красной, бархатной мантіи, подбитой горностаемъ. Въ ногахъ у него красовался, верхомъ на бочкѣ, превосходно гримированный Бахусъ, державшій въ правой рукѣ большой кубокъ, а въ лѣвой посудину съ виномъ. Потомъ ѣхала, верхомъ на волахъ, свита князя-папы, т. е. кардиналы въ полныхъ облаченіяхъ. Послѣ нихъ, въ маленькихъ саняхъ, запряженныхъ четырьмя пестрыми свиньями, двигался царскій шутъ, наряженный въ самый курьезный костюмъ. Затѣмъ слѣдовалъ Нептунъ, въ коронѣ, съ длинной сѣдою бородою и съ трезубцемъ въ правой рукѣ. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе раковины, и имѣлъ передъ собою двухъ сиренъ или морскихъ чудовищъ. За нимъ ѣхала въ гондолѣ „князь-игуменья“ Стрѣшнева въ костюмѣ аббатисы, окруженная монахинями. Послѣ нея ѣхалъ со свитой настоящій маршалъ маскарада, князь Меншиковъ, въ огромной лодкѣ, поставленной на полозьяхъ и украшенной на кормѣ золоченой фигурой Фортуны; на носу лодки стояли литаврщикъ и два трубача. Князь и его свита были наряжены аббатами; онъ самъ сидѣлъ отдѣльно у кормы, а прочіе на скамьяхъ, по трое на каждой. За нимъ слѣдовала въ крытой баркѣ, или гондолѣ, княгиня Меншикова, съ своею сестрою и нѣсколькими дамами, одѣтыми испанками. Потомъ ѣхалъ „князь-кесарь“ Ромодановскій, въ мантіи, подбитой горностаемъ, имѣя около себя нѣсколькихъ смѣшныхъ наперсниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ облаченъ въ курфиршескую мантію. Князь-кесарь сидѣлъ въ бѣлой лодкѣ, украшенной спереди и сзади медвѣжьими чучелами, необыкновенно хорошо сдѣланными. За нимъ двигалась въ крытой гондолѣ вдовствующая царица Прасковья Ѳедоровна, съ дочерью; царица была въ старинной русской одеждѣ, а дочь ея въ пастушескомъ

платьѣ. Далѣе слѣдовалъ въ очень натурально и красиво сдѣланной галерѣ, съ поднятыми парусами, великій адмиралъ Апраксинъ съ своею свитою: онъ былъ одѣтъ гамбургскимъ бургомистромъ. За нимъ ѣхали въ старой, настоящей шлюпкѣ, поставленной на полозья, придворныя дамы вдовствующей царицы; потомъ слѣдовала шлюпка съ лоцманами, усердно бросавшими лотъ; это были все морскіе офицеры. За ними двигался громадный корабль самого императора (длиною въ 30 футовъ), сдѣланный совершенно на подобіе линейнаго корабля; на немъ было множество деревянныхъ и 10 небольшихъ, настоящихъ пушекъ, изъ которыхъ повременамъ палили; кромѣ того, онъ имѣлъ большую каюту съ окнами, три мачты со всѣми принадлежностями, паруса и проч., однимъ словомъ, такъ походилъ на большое, настоящее судно, что въ немъ можно было найти все, до послѣдней бичевки, и даже маленькую корабельную лодочку позади, въ которой могли помѣститься два человѣка. Самъ императоръ командовалъ кораблемъ, имѣя при себѣ 8 или 9 маленькихъ мальчиковъ въ одинаковыхъ боцманскихъ костюмахъ и одного роста, нѣсколькихъ генераловъ, одѣтыхъ барабанщиками, и нѣкоторыхъ своихъ денщиковъ и фаворитовъ. Государь дѣлалъ съ своими маленькими матросами на сухомъ пути всѣ маневры, возможные только на морѣ. Когда процессія двигалась по вѣтру, онъ распускалъ всѣ паруса, что, конечно не мало помогало 15 лошадямъ, тянувшимъ корабль; если дулъ боковой вѣтеръ, то и паруса тотчасъ направлялись какъ слѣдовало; при поворотахъ принимались тѣ же самыя мѣры, какъ на морѣ. Всѣхъ удивляла необыкновенная ловкость и смѣлость, съ которыми маленькая команда царя лазила по канатамъ и мачтамъ. За кораблемъ государя ѣхала императрица съ своими придворными дамами, въ великолѣпной, вызолоченой гондолѣ, имѣвшей небольшую печь и обитой внутри красным бархатомъ и широкими галунами. Гондолу тащили восемь рослыхъ лошадей. Форрейторы и кучеръ были въ зеленыхъ матросскихъ костюмахъ съ золотою оторочкою и имѣли на шапкахъ небольшіе плюмажи. Спереди сидѣли придворные кавалеры, одѣтые арапами, а позади стояли и трубили два волторниста въ охотничьихъ костюмахъ. Кромѣ того, у кормы стоялъ мундшенкъ, одѣтый въ великолѣпный красивый бархатный костюмъ съ золотыми галунами. Императрица, сидѣвшая въ закрытой со всѣхъ сторонъ баркѣ такъ же хорошо и покойно, какъ въ комнатѣ, нѣсколько разъ мѣняла свой костюмъ, являясь то голландкой, то амазонкой, то

МАСКАРАДЪ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1722 ГОДУ.

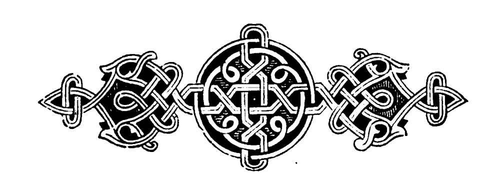
Съ весьма рѣдкой гравюры того времени.

въ красномъ бархатномъ платьѣ, обложенномъ серебромъ, то въ голубомъ, съ разными камзолами и другими принадлежностями; она имѣла на боку осыпанную брилліантами шпагу, а черезъ плечо екатериненскую ленту съ прекрасною брилліантовою звѣздою; въ рукахъ у нея было копье, а на головѣ бѣлокурый парикъ и шляпа съ бѣлымъ перомъ. За государыней ѣхалъ, въ буерѣ, ея маршалъ съ другими кавалерами. Затѣмъ, слѣдовали члены „всепьянѣйшаго собора", одѣтые арлекинами, скарамушами, журавлями и т. п. въ громаднѣйшихъ саняхъ устроенныхъ особеннымъ образомъ, а именно со скамьями, которыя спереди шли ровно, а потомъ поднимались все выше и выше, въ видѣ амфитеатра, такъ что сидѣвшіе вверху приходились ногами наравнѣ съ головами сидѣвшихъ внизу. Сзади этой машины, изображавшей изъ себя нѣчто въ родѣ головы дракона, были прицѣплены, связанные между собою, 20 крошечныхъ саней, обитыхъ полотномъ и вмѣщавшихъ въ себѣ по одной маскѣ. Далѣе ѣхали сани, запряженныя шестеркой бурыхъ медвѣдей, которыми правилъ человѣкъ весь зашитый въ медвѣжью шкуру, а потомъ длинныя, очень легкія сибирскія сани, везомыя 10-ю собаками и управляемыя старымъ камчадаломъ, въ національномъ костюмѣ. Затѣмъ, слѣдовали сани герцога голштинскаго, въ видѣ большой лодки; на переднемъ концѣ ихъ былъ придѣланъ большой, рѣзной, вызолоченый левъ, съ мечомъ въ правой лапѣ, а сзади, у кормы, также рѣзная, высеребреная фигура Паллады. Въ саняхъ, кромѣ герцога и его свиты, помѣщались волторнисты и музыканты. За герцогомъ, въ саняхъ, также имѣвшихъ видъ лодки съ большимъ вымпеломъ изъ голубой тафты съ нашитыми золотыми виноградными кистями, ѣхали иностранные министры, въ голубыхъ шелковыхъ домино. За ними, въ большой же лодкѣ съ палаткой изъ краснаго сукна, ѣхали дамы двора герцога голштинскаго, костюмированныя скарамушами. Далѣе слѣдовалъ князь валахскій, со свитой, на турецкомъ суднѣ, имѣвшемъ пять небольшихъ пушекъ, изъ которыхъ онъ всякій разъ отвѣчалъ, когда палили съ императорскаго корабля. Въ кормѣ этого судна было устроено возвышеніе, уложенное множествомъ подушекъ; князь возсѣдалъ на нихъ подъ балдахиномъ изъ бѣлой тафты. Онъ былъ одѣтъ въ великолѣпный турецкій костюмъ, такъ же какъ и его свита, изъ которой одинъ чалмоносецъ ѣхалъ возлѣ его саней на маленькомъ ослѣ.

Вообще, весь маскарадный поѣздъ состоялъ изъ 60 саней, изъ которыхъ подъ самыми небольшими было не менѣе шести

лошадей. Слѣдовательно, рядъ выходилъ очень длинный, такъ что, по приказанію государя, десять унтеръ-офицеровъ гвардіи, посаженные на коней, постоянно разъѣзжали для наблюденія за порядкомъ. Маски отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ; между прочимъ, гвардейскіе офицеры были одѣты латниками, англійскіе купцы — жокеями, нѣмецкіе купцы — остъ-индскими мореходами, и т. п. Дамы были костюмированы преимущественно испанками, крестьянками, пастушками, скарамушами и т. п. Самыя послѣднія большія сани поѣзда были сдѣланы на подобіе обыкновенной колбасной повозки; въ нихъ сидѣли десять слугъ князя-папы въ длинныхъ красныхъ кафтанахъ и высокихъ кверху заостренныхъ шапкахъ. Поѣздъ замыкалъ, въ маленькихъ саняхъ, вице-маршалъ маскарада, генералъ Матюшкинъ, одѣтый гамбургскимъ бургомистромъ.

Въ такомъ порядкѣ маскарадная процессія доѣхала до тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ на Тверской улицѣ богачемъ Строгановымъ, который предложилъ участникамъ угощеніе въ особо построенномъ для этого домѣ. Отсюда поѣздъ двинулся къ Красной площади и Кремлю, по которому сдѣлалъ два круга, и, наконецъ, остановился у императорскаго дворца. Такъ какъ было уже 5 часовъ вечера и наступила темнота, то всѣ получили позволеніе отправиться по домамъ, съ тѣмъ чтобы на завтрашній день собраться снова въ назначенное мѣсто для повторенія невиданной на Руси потѣхи.

ПРИДВОРНЫЙ И ДОМАШНІЙ БЫТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИВАНОВНЫ.

Императрица Анна Ивановна вступила на престолъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, испытавъ до этого много горя, непріятностей и униженій. Съ дѣтства не любимая матерью, она выросла на рукахъ мамокъ, среди распущенной дворни и разнаго рода ханжей, юродивыхъ и святошъ, постоянно наполнявшихъ домъ царицы Прасковьи Өедоровны, прозванный Петромъ Великимъ „госпиталемъ всевозможныхъ уродовъ и пустосвятовъ“. Хотя царица и нанимала для своихъ дочерей учителей-иностранцевъ: нѣмца Іоанна-Дитриха Остермана и француза Рамбурха, но ученіе этихъ педагоговъ принесло царевнамъ мало пользы; по крайней мѣрѣ, Анна Ивановна, несмотря на то, что впослѣдствіи долгое время жила въ Курляндіи, окруженная нѣмцами, никогда не выучилась свободно говорить по-нѣмецки и тщательно избѣгала объясненій на этомъ языкѣ. Семнадцати лѣтъ Анна Ивановна была выдана замужъ за герцога курляндскаго Фридриха-Карла и черезъ два мѣсяца послѣ брака овдовѣла. Петръ Великій поселилъ молодую вдову въ Митавѣ, подъ надзоромъ гофмейстера Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, и приказалъ отпускать ей на содержаніе изъ курляндскихъ доходовъ „столько, безъ чего прожить нельзя“, такъ что герцогиня всегда нуждалась въ деньгахъ и для пріобрѣтенія ихъ должна была прибѣгать къ униженнымъ просьбамъ и займамъ. Имущественное положеніе Анны Ивановны въ Курляндіи лучше всего рисуется въ ея собственноручномъ письмѣ къ Петру Великому, написанномъ въ 1722 году:

„Всемилостивѣйшій государь батюшка-дядюшка!

„Извѣстно вашему величеству, что я въ Митаву съ собою ничего не привезла, а въ Митавѣ-жъ ничего не получила и

стояла въ пустомъ мѣщанскомъ дворѣ, того ради, что надлежитъ въ хоромы, до двора, поварни, конюшни, кареты и лошади и прочее,—все покупано и дѣлано вновь. А приходъ мой деньгами и припасами всего 12,680 талеровъ; изъ того числа въ расходѣ въ годъ по самой крайней нуждѣ къ столу, поварнѣ, конюшнѣ, на жалованье и на ливрею служителямъ, и на содержаніе драгунской роты—всего 12,254 талера, а въ остаткѣ только 426 талеровъ. И такимъ остаткомъ какъ себя платьемъ, бѣльемъ, кружевами и, по возможности, алмазами и серебромъ, лошадьми, такъ и прочимъ въ новомъ и пустомъ дворѣ не только по моей чести, но и противъ прежнихъ курляндскихъ вдовствующихъ герцогинь весьма содержать себя не могу. Также и партикулярныя, шляхетскія жены ювели (т. е. ювелирные) и прочіе уборы имѣютъ не убогія, изъ чего мнѣ въ здѣшнихъ краяхъ не безподозрительно есть. И хотя я, по милости вашего величества, пожалованными мнѣ въ прошломъ 1721 году деньгами и управила нѣкоторые, самые нужные домовые и на себѣ уборы, однако еще много на себѣ долгу за крестъ и складень бриллiантовый, за серебро и за уборъ камаоръ и за нынѣшнее черное платье (т. е. трауръ)—10,000 талеровъ, которыхъ мнѣ ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашнихъ нужныхъ потребъ принуждена въ долгъ больше входить, а не имѣя чѣмъ платить и кредиту нигдѣ не будетъ“.

Раннее и бездѣтное вдовство, въ странѣ слабой, за вліяніе надъ которой спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны Ивановны игрушку политическихъ соображеній. Всѣ бѣдные принцы добивались ея руки, чтобы получить въ приданое Курляндію; планы о ея бракѣ составлялись и раздѣлывались, смотря по отношеніямъ между Россіей, Польшей и Пруссіей.

Положеніе герцогини, тягостное при ея великомъ дядѣ, распоряжавшемся всѣми дѣлами племянницы, какъ своими собственными, не улучшилось ни при Екатеринѣ I, ни при Петрѣ II. Она встрѣчала всюду только огорченія и препятствія. Унизительная роль, которую Аннѣ Ивановнѣ приходилось играть такъ долго, было особенно чувствительна для нея, одаренной отъ природы характеромъ жестокимъ, гордымъ, властолюбивымъ. На тридцать седьмомъ году, судьба, казалось, улыбнулась ей: „благородное россійское шляхетство“ избрало ее императрицей. Однако и тутъ примѣшалось неожиданное препятствіе: вмѣстѣ съ актомъ избранія, депутаты привезли въ Митаву ограничительные пункты. Наконецъ, Аннѣ Ивановнѣ удалось разорвать связывав-

шія ее путы и сдѣлаться самодержавной; но тутъ въ сердце пожилой императрицы, и безъ того наполненное горькими воспоминаніями, вкралось новое, роковое сомнѣніе: дадутъ ли спокойно пользоваться властью? Благодаря энергическому движенію гвардіи, пункты, ограничивавшіе самодержавіе, были уничтожены; но между знатными и сильными людьми осталось много недовольныхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ къ нимъ могли пристать и другіе, а въ Голштиніи росъ опасный соперникъ,—родной внукъ Петра Великаго или „чертушка", какъ называла его Анна Ивановна. Стремясь удержаться на шаткомъ престолѣ, она, по необходимости, должна была сосредоточить власть въ рукахъ людей вполнѣ ей преданныхъ, интересы которыхъ были тѣсно связаны съ ея интересами и которымъ грозила бы неминуемая бѣда, еслибы власть перешла въ руки русской знати. Эти люди были иностранцы. Но возвышеніемъ иноземцевъ и особенно одного изъ нихъ, не имѣвшаго въ глазахъ народа никакого права на возвышеніе, оскорблялись русскіе. Анна Ивановна, при своемъ неоспоримомъ умѣ, конечно, сознавала это и нотому не могла быть спокойной. Она жила въ постоянномъ страхѣ, тревожно и подозрительно осматриваясь по сторонамъ. Чтобы успокоиться и забыться среди тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, для женщины, неспособной, подобно Аннѣ Ивановнѣ, уходить во внутренній міръ души и вызывать оттуда успокоеніе, оставалось одно средство — внѣшнія развлеченія, празднества, окруженіе себя существами, которыя развлекали бы каждую минуту и гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство.

Русскій дворъ, отличавшійся при Петрѣ Великомъ своею малочисленностью и простотой обычаевъ, совершенно преобразился при Аннѣ Ивановнѣ. Императрица хотѣла непремѣнно, чтобы дворъ ея не уступалъ въ пышности и великолѣпіи всѣмъ другимъ европейскимъ дворамъ. Она учреждала множество новыхъ придворныхъ должностей и завела многочисленный штатъ служителей, итальянскую оперу, балетъ, нѣмецкую труппу, два оркестра музыки; приказала выстроить, вмѣсто довольно тѣснаго императорскаго зимняго дома, большой трехъ-этажный каменный дворецъ, вмѣщавшій въ себѣ церковь, театральную и тронную залы и семьдесят покоевъ различной величины, роскошно меблированныхъ и отдѣланныхъ. При дворѣ начались торжественные пріемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминаціи, фейерверки и тому подобныя увеселенія. Любовь императрицы къ пышности и блеску не только истощила государственную

казну, но вовлекла въ громадные расходы придворныхъ и вельможъ, которые, соревнуя другъ передъ другомъ, старались угодить вкусамъ Анны Ивановны и тѣмъ обратить на себя ея вниманіе. „Многіе изъ знатныхъ людей, — говоритъ современникъ (князь М. М. Щербатовъ)—стали имѣть открытые столы; вмѣсто сдѣланной изъ простого дерева мебели, начали не иную употреблять, какъ англійскую, сдѣланную изъ краснаго дерева мегагеня; домы увеличились и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть; стали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая непристойнымъ имѣть комнату безъ обоевъ; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большіе стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали, богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахрамами, лучшія и дорогія лошади; богатыя, тяжелыя, позлащенныя и посеребреныя шоры, съ кутасами шелковыми, и съ золотомъ, или серебромъ, также богатыя ливреи стали употребляться. Всякая роскошь приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому пріемлется всѣми съ охотою и по мѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ перенимая малые, повсюда начала она являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко къ источнику милостей, а низшіе,—по вельможамъ, для той же причины“. Правда, попойки, которыми прежде непремѣнно оканчивались всякія торжества и собранія, теперь были совершенно изгнаны изъ придворныхъ обычаевъ, потому что Анна Ивановна не могла видѣть и боялась пьяныхъ; но за то при дворѣ появились азартныя игры и нерѣдко въ одну ставку въ фараонъ или квинтичъ (Quinze) проигрывалось до двадцати тысячъ рублей. Сама императрица не была пристрастна къ игрѣ и если играла, то для того, чтобы проиграть. Въ такихъ случаяхъ она держала банкъ и ставить могли лишь тѣ, кого она называла. Выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, а съ проигравшаго императрица никогда не требовала уплаты. Кромѣ картъ, на придворныхъ банкетахъ играли еще въ шахматы и на билліардѣ, для чего были даже устроены особыя комнаты, носившія названія „шахматной“ и „билліардной“. Угощеніе на придворныхъ празднествахъ было всегда обильное, хотя и довольно однообразное; къ обѣду или ужину обыкновенно подавались, во всѣхъ возможныхъ видахъ, говядина, телятина, ветчина, дичь, аршинныя стерляди, щуки и другія рыбы, грибныя блюды, паштеты, „кабаньи головы въ рейнвейнѣ“ „шпер-

гель“ (спаржа) гороховые стручья и т. д. Всѣ кушанья щедро приправлялись пряностями: корицею, гвоздикою, перцемъ, мускатнымъ орѣхомъ и даже „тертымъ оленьимъ рогомъ“. Изъ сластей употреблялись: „шалей“, т. е. желе, мороженое, конфекты, цукербродтъ, разнообразныя варенья, пастилы и мармелады, имбирь въ патокѣ; затѣмъ фрукты, каштаны, орѣхи и т. п. Изъ напитковъ подавались водки разнаго сорта, напримѣръ, „приказная“, „коричневая“, „гданская“, „боярская“, ратафія; вина: шампанское, рейнвейнъ, сектъ, „базаракъ“, „корзикъ“, венгерское, португальское, шпанское, волошское, бургонское, пиво, полъ-пиво, медъ, квасъ, кислые щи и т. п. На расходы по придворному столу, указомъ 1733 г., было велѣно отпускать ежегодно по 67,000 руб. При парадныхъ обѣдахъ, скатерти искусно перевязывались алыми и зеленами лентами и подшпиливались булавками, а столы украшались разными фигурами и „атрибутами“; была даже устроена особая „гора банкетная деревянная, сверху корона съ крестомъ и скипетръ, и мечи золоченые“. Кромѣ того, ставились въ пирамидахъ искусственные цвѣты, большой запасъ ихъ постоянно хранился у кухеншрейбера,—такъ въ 1739 г. у него имѣлось: 9,525 цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ „на итальянскій вкусъ“ и 8,570 штукъ цвѣтовъ „малыхъ, китайскихъ, бумажныхъ, на проволокѣ, разнымъ маneромъ“; залы освѣщались восковыми свѣчами „съ золотомъ и безъ золота“, а на свѣчи надѣвались „налѣпы банкентные, большой и малой руки, бѣлые, желтые и др.“.

Въ дворцовой театральной залѣ представлялись итальянскія оперы, комедіи и интермедіи съ балетами. Итальянская труппа, которой управлялъ извѣстный тогда композиторъ — капельмейстеръ Араія, была выписана въ Россію въ 1733 г. Въ составъ ея входили „комидіанты“, пѣвчіе, танцоры и музыканты, исполнявшіе концертную музыку и игравшіе во время торжественныхъ обѣдовъ. Постановкой балетовъ завѣдывалъ учитель танцевъ въ шляхетскомъ корпусѣ, Ланде; онъ завелъ собственную танцовальную школу, въ которую императрица сама выбрала изъ дворцовой прислуги двѣнадцать красивыхъ дѣвочекъ и двѣнадцать мальчиковъ; изъ нихъ впослѣдствіи вышли очень хорошіе танцовщики и танцовщицы. Нѣмецкая труппа существовала съ 1738 по 1740 годъ; она была выписана изъ Лейпцига и представляла комедіи и фарсы. Русскія пьесы, большею частью, „сказки въ лицахъ и діалогахъ“, ставились весьма рѣдко и разыгрывались придворными кавалерами и дамами. Кромѣ того, при дворѣ чи-

слился „комедіантъ персидскаго манера“ по фамиліи Лазаревъ. Какого рода было его мастерство неизвѣстно, но изъ того обстоятельства, что онъ обучалъ своихъ учениковъ „разнымъ штукамъ“ и что для представленій его требовались такіе предметы, какъ „сабли“, „перчатки“ и т. п., можно заключить, что онъ былъ фокусникъ и акробатъ; любопытно, что въ числѣ его учениковъ находилась одна „капральская дочь“. Мѣста въ театральныя представленія раздавались безденежно, по чинамъ и званію зрителей.

Шутъ Балакиревъ.
Съ старинной литографіи.

Извѣстно, что господствующей страстью Бирона были лошади. По этому поводу Манштейнъ занесъ въ свои записки слѣдующую остроту, сказанную австрійскимъ посланникомъ Остейномъ: „когда графъ Биронъ говоритъ о лошадяхъ, онъ говоритъ какъ человѣкъ; когда же онъ говоритъ о людяхъ и съ людьми, то выражается какъ лошадь“. Императрица поручила знаменитому архитектору, графу Растрелли, воздвигнуть вблизи дворца огромный манежъ, или, какъ тогда называли, „конскую школу“, роскошно украшенную снаружи и внутри. Конюшенный штатъ состоялъ изъ 393 служителей и мастеровыхъ и 379 лошадей, со-

держаніе которыхъ обходилось ежегодно въ 58,000 рублей. Однихъ только сѣдель по списку 1740 г. хранилось 212 штукъ и въ числѣ ихъ значились, напримѣръ, такіе: „сѣдло турецкое съ яхонтами и изумрудами, при немъ серебряныя, вызолоченныя стремена съ алмазами и яхонтовыми искрами, удило серебряное, мундштучное, оголовь и наперстъ съ золотымъ съ алмазами наборомъ, решма серебряная, вызолоченная съ алмазами, чендарь глазетовый, шитый сѣребромъ". Анна Ивановна, посѣщавшая манежъ сперва изъ угожденія своему любимцу, потомъ сама пристрастилась къ лошадямъ и, не смотря на свои сорокъ лѣтъ и полноту, даже выучилась ѣздить верхомъ. Въ манежѣ для нея была отдѣлана особая комната, гдѣ она нерѣдко занималась дѣлами и давала аудіенціи.

Анна Ивановна очень любила всякихъ птицъ и въ особенности „пѣвчихъ" и „ученыхъ" и была страстной ружейной охотницей. Почти во всѣхъ комнатахъ дворца висѣли клѣтки, въ которыхъ пѣли и стрекотали разныя канарейки, чижи, соловьи, скворцы, снигири, параклитки, перепела, египетскіе голуби и т. д. При попугаяхъ состояла особая смотрительница, нѣмка Варлендъ, обучавшая ихъ говорить. Въ одномъ изъ дворцовыхъ садовъ были выстроены отдѣльныя зданія, называвшіяся „менажеріями", гдѣ содержались и размножались всевозможныя породы птицъ. Очень часто птицъ этихъ выпускали въ садъ, примыкавшій къ дворцу, и императрица забавлялась тѣмъ, что стрѣляла ихъ изъ ружья или изъ лука.

Придворныя охоты составляли предметъ особенной заботы Анны Ивановны и она лично дѣлала всѣ распоряженія, ихъ касавшіяся. Неоднократными указами всѣмъ частнымъ лицамъ строжайше воспрещалось, подъ страхомъ ссылки въ каторжныя работы, охотиться на разстояніи 30 верстъ отъ Петербурга и близь лежащихъ мѣстъ. Придворныя охоты содержались въ Петербургѣ, Петергофѣ и Москвѣ; онѣ находились въ вѣдѣніи канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ и на нихъ ежегодно расходовалось до 18,000 рублей. По всей Россіи покупались, ловились и доставлялись въ „звѣровые дворы" всевозможные звѣри: медвѣди, волки, кабаны, олени, дикія козы, лисицы, барсуки, рыси, зайцы и такъ далѣе. О количествѣ ихъ можно судить изъ того, что, напримѣръ, въ 1740 г., изъ одной Москвы было прислано 600 штукъ русаковъ. Охотничьи собаки были самыхъ разнообразныхъ породъ: борзыя, гончія, меделянскія, датскія, лягавыя, „таксели" (таксы), „бассеты", „биклесы", „хорты", „русскія" и

т. п. По „ягтъ-штату“ опредѣлено было содержать только 138 собакъ, но въ дѣйствительности число ихъ всегда значительно превышало эту норму; такъ, въ 1740 г. нашъ посолъ въ Парижѣ князь Кантеміръ купилъ для императрицы за 1,100 рублей 34 пары собакъ „бассетовъ“, а вслѣдъ затѣмъ посолъ въ Англіи, князь Щербатовъ, прислалъ пріобрѣтенныя имъ за 2,234 рубля 63 пары гончихъ, биклесовъ, борзыхъ и хортовъ. При собакахъ состояли: одинъ оберъ-егерь, четыре егеря, шесть пикеровъ, десять охотниковъ, восемь наварщиковъ, три тенетника и четыре служителя. Любимымъ мѣстомъ охоты императрицы былъ Петергофскій паркъ. Для охоты въ паркѣ обыкновенно разставлялись „полотна“, между которыми гончія собаки гоняли звѣрей; полотенъ этихъ требовалось такое громадное количество, что для храненія ихъ былъ выстроенъ отдѣльный цейхгаузъ, находившійся въ вѣдѣніи цейхъ-кнехта. Практиковался еще способъ охоты, называвшейся „парфорсъ-яхтъ“. Онъ заключался въ томъ, что первоначально устраивалась облава, а затѣмъ цѣлое общество охотниковъ травило и стрѣляло разнаго рода звѣрей; для доставленія охотниковъ къ мѣсту охоты держались особые экипажи „яхтъ-вагены“. Ружья для императрицы изготовлялись преимущественно на Сестрорѣцкомъ заводѣ и отличались богатой отдѣлкой, золотыми насѣчками, фигурными ложами; во время охоты они заряжались всегда оберъ-егеремъ Бемомъ, причемъ пули вкладывались въ гильзы, смазанныя саломъ. Императрица стрѣляла отлично, почти безъ промаха, и нерѣдко убивала пулей птицъ въ летъ. Объ охотничьихъ ея подвигахъ иногда публиковалось въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; такъ, въ № 64, за 1740 годъ, напечатано слѣдующее извѣстіе: „Съ 10-го іюня по 26-е августа ея величество, для особливаго своего удовольствія, какъ парфорсъ-яхтою, такъ и собственноручно, слѣдующихъ звѣрей и птицъ застрѣлить изволила: 9 оленей, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ“. Кромѣ охоты, лѣтомъ Анна Ивановна развлекалась уженьемъ рыбы, катаньемъ на шлюпкахъ, изъ которыхъ была составлена небольшая флотилія съ 24 матросами, подъ командою флотскаго офицера, или катаньемъ по парку „въ качалкахъ“, маленькихъ колясочкахъ, запряженныхъ малорослыми лошадками.

Въ обыкновенные дни, когда не было при дворѣ пріемовъ, императрица любила проводить время въ комнатахъ своего любимца или у себя въ спальнѣ, среди шутовъ и приживалокъ.

Надѣвъ капотъ изъ турецкой матеріи небесно-голубого или зеленаго цвѣта, предпочитаемаго ею другимъ, и повязавъ, по-мѣщански, голову краснымъ платкомъ, она вышивала съ женою Бирона, съ которой была очень дружна, въ пяльцахъ или играла съ ея дѣтьми въ мячъ, воланъ, пускала имъ змѣи, забавлялась ихъ шалостями и выходками, часто грубыми и дерзкими, но всегда проходившими безнаказанно для этихъ испорченныхъ баловней. Шутовъ и приживалокъ разнаго рода состояло при императрицѣ множество. Среди нихъ были карлы, карлицы, татарчата, калмычата, калмычки, персіянки, арабки, монахини, разныя старухи, называвшіяся „сидѣльницами“ и т. п. Иныя изъ нихъ носили особыя прозвища, указывающія на ихъ физическіе недостатки или особенности, напр., „Мать Безножка“, Дарья Долгая“, „Акулина Лобанова“, „Дѣвушка Дворянка“, „Екатерина Кокша“, „Баба Материна“ и проч. Всѣ онѣ были обязаны болтать безъ умолку и Анна Ивановна просиживала цѣлые часы, слушая ихъ глупую болтовню и смотря на ихъ кривлянья. Личностей, обладавшихъ завиднымъ для многихъ даромъ говорить, не уставая, всякій вздоръ, розыскивали по всей Россіи и немедленно препровождали ко двору. Въ государственномъ архивѣ сохранилось нѣсколько собственноручныхъ писемъ Анны Ивановны, доказывающихъ ея заботливость о пополненіи своего интимнаго штата разными болтуньями и дурами. Такъ, наприм., императрица писала въ Москву: „у вдовы Загряжской,Авдотьи Ивановны, живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только, чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я беру ее изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы, какъ сказываютъ, что она много говоритъ“. Въ другой разъ государыня писала въ Переяславль: „поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ, или изъ посадскихъ, которая бы похожа была на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобы годны были ей на перемѣну; ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сорока и также-бъ говорливы, какъ та, Новокщенова, или какъ были княжны Настасья и Анисья Мещерскія“.

До насъ дошелъ любопытный разсказъ жены управляющаго дворцовымъ селомъ Дѣдиновымъ, Настасьи Шестаковой, о томъ, какъ въ іюнѣ 1738 г. она провела день во дворцѣ у императрицы. Разсказъ этотъ такъ ярко и вмѣстѣ съ тѣмъ безъискусственно рисуетъ домашній бытъ Анны Ивановны, что мы приводимъ его цѣликомъ:

„Божіею милостію и заступленіемъ пресвятыя Богородицы и повелѣніемъ ея императорскаго величества приведена была во дворецъ лѣтній, и привели меня въ дежурную къ Андрею Ивановичу Ушакову, а его превосходительство велѣлъ меня проводить чрезъ садъ въ покои, гдѣ живетъ княгиня Аграфена Александровна Щербатая, и какъ шла садомъ, стоялъ лакей на дорогѣ и спросилъ: „не вы ли Филатовна?“ И я о себѣ сказала: „я“. И взялъ меня лакей и довелъ меня до крыльца передъ почивальню и привелъ къ княгинѣ. Княгиня пошла и доложила обо мнѣ, и изволили ея императорское величество прислать Анну Федоровну Юшкову: „не скучно-ль, тебѣ, Филатовна, посиди“, и посадила со мною отъ скуки говорить Анну Федоровну Волкову, полковницу. А какъ пришло время обѣдать, посадили меня за столъ съ княгинею Голицыною, съ полковницею Анною Васильевною, съ Парасковьею Дмитреевною Колышкиною, съ Акулиною Васильевною, съ Марьею Михайловною Возницыною, съ каморъ-юнфорою Матреною Евстифѣевною, съ Маргаритою Федоровною, съ матерью Александрою Григорьевною, а иныхъ и не упомню.

„А какъ пришелъ часъ вечерни, изволила ея величество прислать Анну Федоровну Юшкову: „ночуй-де у меня, Филатовна!“ И я сказала: „воля ея императорскаго величества“. А какъ изволила откушать ввечеру и изволила раздѣться, то меня княгиня привела въ почивальную предъ ея величество, и изволила меня къ ручкѣ пожаловать и тѣшилась: взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажно больно мнѣ было. И изволила привесть меня къ окну и изволила мнѣ глядѣть въ глаза, сказала: „стара очень, никакъ какъ была Филатовна — только пожелтѣла“. И я сказала: „уже, матушка, запустила себя: прежде пачкавалась бѣлилами, брови марала, румянилась“. И ея величество изволила говорить: „румяниться не надобно, а брови марай“. И много тѣшилась и изволила про свое величество спросить: „стара я стала, Филатовна?“ И я сказала: „никакъ матушка, ни маленькой старинки въ вашемъ величествѣ!“ — „Какова же я толщиною съ Авдотью Ивановну?“ И я сказала: „нельзя, матушка, смѣнить ваше величество съ нею, она вдвое толще“. Только изволила сказать: „вотъ, вотъ, видишь ли!“ А какъ замолчу, то изволитъ сказать: „ну, говори, Филатовна!“ И я скажу: „не знаю, что, матушка, говорить: душа во мнѣ трепещется, дай отдохнуть“. И ея величеству это смѣшно стало, изволила тѣшиться: „поди ко мнѣ поближе“. И мнѣ стала ея

величества милость и страшна и мила, упала передъ ножками въ землю и цѣлую юбочку. А ея величество тѣшится: „подымите ее“. А княгиня меня тащитъ за рукавъ кверху, я и пуще не умѣю встать. И такъ моя матушка свѣтла была, что отъ радости ночью плакала и спать не могла. „Ну, Филатовна, говори!“ „Не знаю, матушка, что говорить“.—„Разсказывай про разбойниковъ!“ Меня уже горе взяло: „я молъ съ разбойниками не живала“. И изволила приказывать, что я дѣлаю, скажи Авдотьѣ Ивановнѣ. И долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать, а меня княгиня опять взяла къ себѣ, а княгиня живетъ передъ почивальнею. А по утру опять меня привели въ почивальную передъ ея величествомъ въ десятомъ часу, и первое слово изволила сказать: „чаю тебѣ не мягко спать было?“ И опять упала въ землю передъ ея величество, и изволила тѣшиться: „подымите ее; ну, Филатовна, разсказывай!“ И я стала говорить: „вчерася, матушка, день я сидѣла, какъ къ исповѣди готовилась: сердце все во мнѣ трепетало“. И ея величество тѣшилась: „а нынѣча что?“ „А сегодня, матушка, къ причастью готовилась“. И такъ изволила моя матушка свѣтла быть, что сказать не умѣю. „Ну Филатовна, говори!“ И я скажу: „не знаю уже что говорить, всемилостивая“.—„Гдѣ твой мужъ и у какихъ дѣлъ?“ И я сказала: „въ селѣ Дѣдиновѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ управителемъ“. Матушка изволила вспамятовать: „вы-де были въ новгородскихъ?“—„Тѣ молъ волости, государыня, отданы въ Невскій монастырь“. — „Гдѣ-жъ де вамъ лучше, въ новгородскихъ или въ коломенскихъ?“ И я сказала: „въ новгородскихъ лучше было, государыня“. И ея величество изволила сказать: „да для тебя не отъимать ихъ стать. А гдѣ вы живете, богаты ли мужики!“—„Богаты, матушка“.—„Для чего-жъ вы отъ нихъ не богаты?“ — „У меня молъ мужъ говоритъ, всемилостивѣйшая государыня, какъ я лягу спать ничего не боюся, и подушка въ головахъ не вертится“. И ея величество изволила сказать: „эдакъ лучше, Филатовна: не пользуетъ имѣнія въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти“. И я въ землю поклонилася. А какъ замолчу, изволитъ сказать: „ну Филатовна, говори“. И я скажу: „матушка, уже все высказала“.—„Еще не все: скажитко, стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ?“ — „Видѣла я, государыня, князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій) учитъ княжну стрѣлять изъ окна, а поставлена мишень на заборѣ“.—„Попадаетъ ли она?“—„Иное, матушка, попадаетъ, а иное кривенько“. — „А птицъ стрѣляетъ ли?“ — „Видѣла, государыня, посадили голубя близко

мишени и застрѣлила въ крыло, и голубь ходилъ на кривобокъ, а въ другой разъ уже пристрѣлила".— „А другія дамы стрѣляютъ ли?" — „Не могу, матушка, донесть, не видывала". Изволила мать моя милостиво разспрашивать, покамѣсть кушать изволила. А какъ убраться изволила, то пожаловала меня къ ручкѣ: „Прости, Филатовна, а я опять по тебя пришлю: поклонись Григорью Петровичу, Авдотьѣ Ивановнѣ". И изволила приказать Аннѣ Ѳедоровнѣ Юшковой: „вели отвесть Филатовну на верейкѣ лакеямъ, да и проводить". И пожаловала мнѣ сто рублевъ; изволила сказать: „я-де помню село Дѣдиново: съ матушкою ѣздила молиться къ Миколѣ". А я молвила: „нутко молъ, матушка, нынѣ пожалуй къ Миколѣ-та Чудотворцу помолиться". И ея величество изволила сказать: „молись Богу, Филатовна, какъ миръ будетъ". Изволила меня послать, чтобы я ходила по саду: „Погляди, Филатовна, моихъ птицъ". И какъ привели меня въ садъ, и ходятъ двѣ птицы величиною и отъ копытъ вышиною съ большую лошадь, копыты коровьи, колѣнки лошадиныя, бедра лошадиныя, а какъ подымешь крыло—бедра голы, какъ тѣло птичье, а шея какъ у лебедя длинна, мѣръ въ семь или восемь, длиннѣе лебяжьей; головка гусиная и носокъ меньше гусинаго; а перье на ней такое, что на шляпахъ носятъ. И какъ я стала дивиться такой великой вещи и промолвила: „какъ-та ихъ зовутъ", то остановилъ меня лакей: „постой". И побѣжалъ отъ меня во дворецъ и прибѣжа ко мнѣ возвратно: „изволила государыня сказать: эту птицу зовутъ строкофамиль; она де яйцы тѣ несетъ, что въ церквахъ по панакадиламъ привѣшиваютъ".

Состоявшія при императрицѣ приживалки и шуты, болтая, сообщали ей сплетни, ходившія по городу, и интимныя дрязги изъ семейной жизни придворныхъ; но Анна Ивановна этимъ не удовлетворялась: ее интересовали не однѣ только петербургскія сплетни, но и московскія; съ этой цѣлью она вела постоянную переписку съ родственникомъ своимъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ, С. А. Салтыковымъ, поручая ему тайно узнавать и доносить ей о домашнихъ дѣлахъ разныхъ лицъ. Въ свои комнатныя фрейлины она выбирала преимущественно такихъ дѣвицъ, которыя имѣли хорошіе голоса. Когда императрица оставалась въ своей опочивальнѣ, фрейлины должны были сидѣть въ сосѣдней комнатѣ и заниматься рукодѣліями, вышиваніемъ, вязаніемъ. Соскучившись, Анна Ивановна отворяла къ нимъ дверь и говорила: — „Ну, дѣвки, пойте!" — и дѣвки пѣли до тѣхъ поръ, пока государыня не кричала: „довольно!" Иногда, она тре-

бовала къ себѣ гвардейскихъ солдатъ съ ихъ женами и приказывала имъ плясать по-русски и водить хороводы, въ которыхъ заставляла принимать участіе присутствующихъ вельможъ. Она не чуждалась и литературныхъ развлеченій: узнавъ какъ-то, что Тредьяковскій написалъ стихотвореніе игриваго содержанія, она призвала автора къ себѣ и велѣла ему прочитать свое произведеніе. Тредьяковскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ этомъ чтеніи: „Имѣлъ счастіе читать государынѣ императрицѣ, у камина, стоя на колѣняхъ передъ ея императорскимъ величествомъ, и по окончаніи онаго чтенія удостоился получить изъ собственныхъ ея императорскаго величества рукъ всемилостивѣйшую оплеушину“.

Анна Ивановна, вообще, была очень строга къ своимъ приближеннымъ и обращалась съ ними крайне сурово. Такъ, напримѣръ, однажды двѣ фрейлины, сестры Салтыковы, которыхъ она заставила пѣть цѣлый вечеръ, осмѣлились, наконецъ, замѣтить ей, что онѣ уже много пѣли и устали. Императрица, не терпѣвшая никакихъ возраженій, до такой степени разгнѣвалась на бѣдныхъ дѣвушекъ, что тутъ же прибила ихъ и отправила на цѣлую недѣлю стирать бѣлье на прачешномъ дворѣ. Въ другой разъ, узнавъ, что на одномъ частномъ балу какія-то дамы очень хорошо танцовали, она послала за ними и приказала танцовать въ своемъ присутствіи. Дамы начали танецъ, но, смущенныя грознымъ видомъ государыни, смѣшались, перепутали фигуры и въ нерѣшимости остановились. Императрица молча поднялась съ своего кресла, подошла къ помертвѣвшимъ отъ страха танцоркамъ, отвѣсила каждой по пощечинѣ и затѣмъ, возвратившись на мѣсто, велѣла снова начать танецъ. Анна Ивановна очень благоволила къ статсъ-дамѣ, графинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Чернышевой, потому что она хорошо умѣла разсказывать городскія новости и анекдоты; но, не смотря на это, никогда не позволяла ей садиться при себѣ. Однажды Чернышева, разговаривая съ императрицей, почувствовала себя дурно и едва могла стоять на ногахъ. Анна Ивановна, замѣтивъ это, сказала своей собесѣдницѣ: — „ты можешь опереться на столъ, служанка заслонитъ тебя и, такимъ образомъ, я не буду видѣть твоей позы“.

Шуты при дворѣ Анны Ивановны не имѣли того значенія, которымъ пользовались при Петрѣ Великомъ. Пѣтръ держалъ шутовъ не для собственной только забавы и увеселенія, но какъ одно изъ орудій насмѣшки, употреблявшейся имъ иногда про-

тивъ грубыхъ предразсудковъ и невѣжества, коренившихся въ тогдашнемъ обществѣ. Шуты Петра очень часто рѣзкой и ядовитой остротой клеймили пороки и обнаруживали злоупотребленія лицъ, даже самыхъ близкихъ къ государю. Когда вельможи жаловались Петру на слишкомъ безцеремонное обхожденіе шутовъ, онъ отвѣчалъ: „что вы хотите чтобы я съ ними сдѣлалъ? вѣдь они дураки!“ Шуты же Анны Ивановны не смѣли никому высказывать правды въ глаза и, по доброй волѣ или принужденію, исполняли роль простыхъ скомороховъ, потѣшая свою повели-

Шутъ Лакоста.

Съ старинной гравюры.

тельницу забавными выходками, паясничествомъ, сказками и прибаутками. По свидѣтельству Державина, всякій разъ, какъ императрица слушала обѣдню въ придворной церкви, шуты ея садились въ лукошки въ той комнатѣ, черезъ которую ей нужно было проходить во внутренніе покои, и кудахтали, подражая насѣдкамъ. Иногда Анна Ивановна заставляла ихъ становиться гуськомъ, лицомъ къ стѣнѣ и по очереди толкать одинъ другаго изъ всей силы; шуты приходили въ азартъ, дрались, таскали другъ друга за волосы и царапались до крови. Императрица, а

въ угоду ей и весь дворъ, восхищались такимъ зрѣлищемъ и помирали со смѣху. Для поощренія и награжденія своихъ шутовъ Анна Ивановна учредила даже особый шутовской орденъ „св. Бенедикта“, весьма схожій съ крестомъ ордена св. Александра Невскаго и носившійся въ петлицѣ на красной лентѣ.

Оффиціальныхъ шутовъ при императрицѣ находилось шесть человѣкъ: Балакиревъ и д'Акоста, унаслѣдованные ею отъ Петра Великаго, Педрилло, графъ Апраксинъ, князь Волконскій и князь Голицынъ. Появленіе при дворѣ въ роли шутовъ лицъ изъ родовитой русской знати восходитъ къ XVII столѣтію. У Ивана Грознаго былъ шутъ, князь Осипъ Гвоздевъ, котораго грозный царь и убилъ, шутя. Въ шутовскихъ обрядахъ, свадьбахъ и маскарадахъ петровскаго времени главными актерами съ титуломъ „князя-папы“ и „князь-игуменьи“ фигурировали: думный дьякъ Н. М. Зотовъ, бояринъ И. И. Бутурлинъ, вдова окольничаго Д. Г. Ржевская, статсъ-дама княгиня Н. П. Голицына и др. Анна Ивановна имѣла свои причины продолжать такое униженіе стариннаго боярства, помня хорошо, какъ оно стремилось, при ея воцареніи, ограничить сомодержавіе въ свою пользу. Чтобы можно было составить нѣкоторое понятіе о личности шутовъ Анны Ивановны, мы постараемся сгруппировать тѣ немногія и отрывочныя свѣдѣнія о нихъ, которыя разбросаны въ документахъ и мемуарахъ того времени.

Иванъ Емельяновичъ Балакиревъ, сынъ бѣднаго дворянина, былъ сперва стряпчимъ въ Хутынскомъ монастырѣ, близь Новгорода, а потомъ, вытребованный въ 1718 г., наравнѣ съ другими дворянами, въ Петербургъ на службу, опредѣленъ „къ инженерному ученію“. Въ столицѣ онъ случайно познакомился съ царскимъ любимцемъ, камергеромъ Монсомъ, понравился ему своимъ веселымъ характеромъ, балагурствомъ и находчивостью, и сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ. Монсъ, уже владѣвшій тогда сердцемъ императрицы Екатерины I, доставилъ Балакиреву мѣсто камеръ-лакея, поручалъ ему вывѣдывать и выслушивать придворные новости и разговоры, и при его содѣйствіи продавалъ разнымъ лицамъ свои услуги и заступничество. Прикинувшись шутомъ, бывшій стряпчій съумѣлъ обратить на себя вниманіе Петра Великаго и получилъ право острить и дурачиться въ его присутствіи. Однако, Балакиреву недолго пришлось пользоваться выгодами своего новаго положенія. Арестованный въ 1724 г. вмѣстѣ съ Монсомъ, онъ подвергся пыткѣ и за „разныя плутовства“ наказанъ нещадно батогами и сосланъ въ Ро-

гервикъ въ крѣпостныя работы. По вступленіи на престолъ Екатерины I, Балакиревъ былъ возвращенъ изъ ссылки и опредѣленъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Не смотря на всѣ старанія и хлопоты, онъ только въ царствованіе Анны Ивановны попалъ снова ко двору и получилъ званіе придворнаго шута. Наученный горькимъ опытомъ, Балакиревъ велъ себя очень осторожно и заботился болѣе всего о томъ, чтобы обезпечить себя на черный день. Анна Ивановна, повидимому, благоволила къ нему; по крайней мѣрѣ, когда, въ 1732 г., Балакиревъ женился на дочери посадскаго Морозова и не получилъ обѣщанныхъ ему въ приданое 2,000 руб., императрица приказала немедленно и не принимая никакихъ отговорокъ „доправить" эти деньги съ Морозова и отдать ихъ Балакиреву. Въ другой разъ, онъ вздумалъ разыграть лотерею и Анна Ивановна усердно хлопотала о раздачѣ билетовъ. „При семъ посылаю вамъ — писала она въ Москву С. А. Салтыкову — бумажку: Балакиревъ лошадь проигрываетъ въ лотъ, и вы изволь въ Москвѣ приказать, чтобъ подписались, кто хочетъ и сколько кто хочетъ, и ты пожалуй подпиши, а у насъ всѣ пишутъ". Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что многочисленные анекдоты о Балакиревѣ, изданные нѣсколько разъ и во множествѣ экземпляровъ, большею частью выдуманы или заимствованы изъ польскихъ книжекъ подобнаго же содержанія. Ни одинъ изъ современныхъ Петру Великому писателей, разсказывая о царскихъ забавахъ, даже не упоминаетъ имени Балакирева.

Янъ д'Акоста, португальскій жидъ, нѣсколько лѣтъ странствовалъ по Европѣ, перебиваясь мелкими аферами; держалъ маклерскую контору въ Гамбургѣ и, наконецъ, присталъ, въ качествѣ приживальщика, къ бывшему тамъ русскому резиденту, съ которымъ и пріѣхалъ въ Россію. Смѣшная фигура, умѣнье говорить понемногу на всѣхъ европейскихъ языкахъ и свойственная еврейскому племени способность поддѣлаться и угодить каждому, доставили ему мѣсто придворнаго шута. Онъ былъ чрезвычайно хитеръ и превосходно зналъ священное писаніе. Петръ Великій любилъ вступать съ нимъ въ богословскіе споры и за усердную шутовскую службу пожаловалъ ему титулъ „самоѣдскаго короля" и подарилъ безлюдный и песчаный островъ Соммерсъ, одинъ изъ среднихъ острововъ Финскаго залива.

Пьетро Мира, обыкновенно звавшійся сокращенно Педрилло, родомъ неаполитанецъ, явился въ Петербургъ въ началѣ царствованія Анны Ивановны пѣть роли буффа и играть на скрипкѣ

въ придворной итальянской оперѣ. Не поладивъ, однако, съ главнымъ опернымъ капельмейстеромъ, Арайо, смѣтливый Педрилло перечислился въ придворные шуты и такъ удачно исполнялъ свою новую обязанность, что скоро сдѣлался любимцемъ императрицы и неизмѣннымъ карточнымъ ея партнеромъ. На придворныхъ банкетахъ она обыкновенно поручала Педрилло держать вмѣсто себя банкъ и расплачиваться при проигрышахъ. Благодаря этому обстоятельству, Педрилло съумѣлъ въ короткое время скопить изрядный капиталецъ, съ которымъ потомъ благоразумно удалился во-свояси. О ловкости его въ наживаніи денегъ можно судить изъ слѣдующаго анекдота, разсказаннаго въ запискахъ Манштейна: жена Педрилло была очень невзрачна собою; однажды Биронъ, желая посмѣяться надъ нимъ по этому поводу, спросилъ его: — „Правду ли говорятъ, что ты женатъ на козѣ?“ — „Не только правда, — отвѣчалъ находчивый шутъ — но жена моя беременна и должна надняхъ родить; смѣю надѣяться, что ваше высочество будете столь милостивы, что не откажетесь, по русскому обычаю, навѣстить родильницу и подарить что нибудь на зубокъ младенцу“. Биронъ расхохотался и обѣщалъ исполнить просьбу. Черезъ нѣсколько дней Педрилло пришелъ къ Бирону съ радостнымъ лицомъ и объявилъ, что жена его, коза, благополучно разрѣшилась отъ бремени, и напомнилъ объ обѣщаніи. Выходка эта очень понравилась Аннѣ Ивановнѣ и она пригласила весь дворъ навѣстить шута и поздравить его съ семейной радостью. Педрилло досталъ козу, разукрасилъ ее лентами и бантами, уложилъ съ собою въ постель и съ серьезнымъ видомъ принималъ поздравленія. Каждый, разумѣется, былъ обязанъ класть подарокъ подъ подушку шута, который пріобрѣлъ, такимъ образомъ, въ одно утро нѣсколько сотъ рублей. Кромѣ шутовскихъ обязанностей, Педрилло исполнялъ еще разныя порученія императрицы. Черезъ его посредство выписывались иногда изъ Италіи пѣвцы и пѣвицы для итальянской труппы и покупались для двора драгоцѣнные камни, матеріи и разныя бездѣлушки. Съ этой цѣлью онъ неоднократно посылался заграницу и даже вступалъ въ переписку съ владѣтельными особами. Когда въ 1735 г., испанцы вторглись въ Тоскану, управляемую слабоумнымъ и бездѣтнымъ герцогомъ Гастономъ Медичи, Анна Ивановна, желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, поручила Педрилло устроить покупку, по дешевой цѣнѣ, знаменитаго тосканскаго алмаза. Сохранилось письмо, съ которымъ шутъ, по ея приказанію, обратился къ герцогу.

„Королевское высочество, — писалъ онъ, — я поныне должность мою исполнить и вашему высочеству писать пренебрегъ; но понеже сія оказія нынѣ подается, чтобы ея императорскому величеству, моей самодержицѣ, служить, привлекаетъ меня васъ симъ утруждать. И тако объявляю, что понеже здѣсь получена вѣдомость, что владѣніе вашего королевскаго высочества вступленіемъ непріятельскихъ войскъ едва не разорено, а именно: отъ вандальскихъ войскъ, которыя свирѣпыми и жестокими своими поступками разорили земли и, требуя великія контрибуціи, въ бѣдственное состояніе приводятъ подданныхъ вашихъ. Того ради, для облегченія вашего отъ толикаго нападенія, представляю вамъ со стороны сей августѣйшей моей императрицы 15,000 россійскаго войска, да авангардію 40,000 казаковъ и калмыковъ; и надѣюсь, что по прибытіи сего храбраго войска гишпанскія войска стараться будутъ уходить спастись и всю свою храбрость для безопасенія среди Африки содержать, а генералъ Монтемаръ и весь гишпанскій дворъ и въ Мадридѣ не безъ опасности будутъ. Однако-же, надлежитъ для содержанія сихъ храбрыхъ войскъ, чтобы ваше королевское высочество приказалъ приготовить довольное число самой крѣпкой гданской водки, такой, какую ваше королевское высочество пивалъ, будучи въ Богеміи, и оною охотно напивался до-пьяна. Соблаговолите принять мое предложеніе и увидите, что владѣнія ваши возстановятся, подданные ваши веселиться станутъ и жизнь вашего королевскаго высочества двадцать лѣтъ еще продолжится. Чаю-жъ я, что по причинѣ текущаго бѣдствія, казна ваша истощена деньгами и для того представляю вамъ купить вашъ самобольшой алмазъ, о которомъ слава происходитъ, что больше его въ Италіи не имѣется; ежели не дорогою цѣною оный продать намѣрены, то я вамъ купца нашелъ (ибо правду вамъ сказать) и я хочу малою прибылью попользоваться. Ея императорское величество намѣрена тотъ алмазъ купить и деньги за оный заплатить; но изволитъ, чтобъ я себя купцомъ представилъ и торговалъ. Я бы надѣялся, что ваше королевское высочество, не имѣя наслѣдниковъ, не пренебрежетъ сею оказіею и продажею сего алмаза къ ненуждѣ себя приведетъ, понеже великій Богъ вѣдаетъ, кому, послѣ преставленія вашего, имѣніе ваше достанется. Я вамъ сіе представляю, какъ истинный неаполитанецъ и добрый пріятель, и чаю, что такимъ и отъ вашего королевскаго высочества признанъ буду. Безъ замедленія соблаговолите отвѣтъ мнѣ дать и рѣшительно намѣреніе свое объявить, чтобъ я могъ деньги и вышесказан-

ныя войска приготовить и бездѣльникамъ гишпанцамъ напускъ дать“.

Неизвѣстно, послѣдовалъ ли отвѣтъ на это посланіе; но тосканскій алмазъ, вѣсившій 139½ каратовъ, не достался Аннѣ Ивановнѣ, а попалъ въ руки австрійскаго императора. Странное содержаніе письма и выборъ корреспондента объясняется отчасти слабоуміемъ герцога Гастона и личнымъ знакомствомъ его съ Педрилло (какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ выраженій въ письмѣ).

Камергеръ князь Никита Федоровичъ Волконскій имѣлъ нѣкоторое положеніе при дворѣ Петра Великаго и Екатерины I, единственно благодаря женѣ своей, Аграфенѣ Петровнѣ, рожденной Бестужевой-Рюминой, отличавшейся умомъ, свѣтскимъ образованіемъ, честолюбіемъ и безпокойнымъ характеромъ. Волконскій былъ человѣкъ полупомѣшанный, добровольно разыгрывавшій роль шута, и сдѣлался извѣстнымъ Аннѣ Ивановнѣ еще въ Митавѣ, куда онъ неоднократно пріѣзжалъ въ гости къ своему тестю, Петру Михайловичу Бестужеву. Княгиня Аграфена Петровна была вынуждена отстранить мужа отъ управленія имѣніями, потому что онъ тратилъ доходы безпорядочно, на собакъ, сказочниковъ и всякихъ приживальщиковъ. Волконская ненавидѣла дочерей царя Ивана Алексѣевича, и въ особенности Анну Ивановну, которой въ царствованіе Екатерины I причинила много непріятностей. Въ 1728 году, княгиня Аграфена Петровна за тайныя политическія сношенія свои съ австрійскимъ посломъ графомъ Рабутиномъ, и другія придворныя интриги, была сослана, по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта, въ заключеніе въ Тихвинскій монастырь. Анна Ивановна, вступивъ на престолъ, старалась мстить своему безсильному врагу тѣмъ, что подвергала княгиню всевозможнымъ стѣсненіямъ и лишеніямъ, которыя ускорили ея кончину, послѣдовавшую въ 1732 г. Когда княгиня Аграфена Петровна была отправлена въ ссылку, князь Никита Федоровичъ поселился въ своемъ имѣніи, сельцѣ Селявинѣ, Переяславскаго уѣзда, гдѣ вполнѣ отдался своимъ причудамъ. Получивъ извѣстіе о смерти Волконской, Анна Ивановна вспомнила о ея мужѣ и его шутовскихъ выходкахъ, когда-то доставлявшихъ ей немалое развлеченіе среди митавской скуки, и поспѣшила навести о немъ справки. „Семенъ Андреевичъ! — писала она Салтыкову въ Москву, — объявляю вамъ, что княгиня Аграфена Волконская умерла, того ради изволь сыскать ея мужа, князя Никиту Волконскаго, и къ намъ его немедленно

выслать въ Петербургъ и скажи ему, что ему велѣно быть за милость, а не за гнѣвъ". Волконскій былъ доставленъ въ Петербургъ, и императрица оказала ему свою милость: пожаловала сумасшедшаго князя въ шуты! До какой степени это занимало Анну Ивановну, можно судить изъ слѣдующаго письма ея къ Салтыкову: „Пошли кого нарочно князь Никиты Волконскаго въ деревню его Селявино и вели разспросить людей, которые больше при немъ были въ бытность его тамъ, какъ онъ жилъ и съ кѣмъ сосѣдями знался и какъ ихъ принималъ, спѣсиво или просто, такъ же, чѣмъ забавлялся, съ собаками-ль ѣздилъ, или другую какую имѣлъ забаву, и собакъ много-ль держалъ, и каковы, а когда дома, то каково жилъ, и чисто ли въ хоромахъ у него было, и какова была пища, не ѣдалъ ли кочерыжекъ и не леживалъ ли на печи, и о томъ обо всемъ и тѣхъ его людей разспроси ихъ подлинно, вели взять сказки и пришли къ намъ, и гдѣ онъ сыпалъ, бывали-ль у него тутъ горшки и кувшины, такъ же и деревянная посуда, и о томъ обо всемъ его житіи, сдѣлавъ тетрадку и надписавъ подлинно и подписать „житіе князь Никиты Волконскаго", и къ житію вели приписать, спрося у людей, сколько у него рубахъ было и по скольку дней онъ нашивалъ рубаху". Черезъ нѣсколько времени она опять писала Салтыкову: „По полученіи сего изволь послать въ домъ князь Никиты Волконскаго и всѣ письма его взять и сюда къ намъ прислать, а намъ письма его надобны ради смѣха". Въ 1734 г., поручая Салтыкову исполнить въ Москвѣ разныя комиссіи, императрица прибавляла въ письмѣ: „Да здѣсь, играючи, женила я князь Никиту Волконскаго на Голицыномъ и при семъ прилагается его письмо къ человѣку его, въ которомъ написано, что онъ женился вправду, и ты оное сошли къ нему въ домъ стороною, чтобъ тотъ человѣкъ не дознался и о томъ ему ничего сказывать не вели, а отдать такъ, что будто то письмо прямо отъ него писано". На Волконскаго была возложена обязанность кормить и ухаживать за любимой императрицыной собачкой, называвшейся „Цытринькой". Содержаніе собачкѣ отпускалось изъ запасовъ Дворцовой конторы и выдача его производилась порядкомъ, установленнымъ для записки расхода дворцовыхъ припасовъ. „Цытринькѣ" было опредѣлено въ кормъ на каждый день „по кружкѣ сливокъ молочныхъ". Волконскій ежедневно долженъ былъ обращаться за сливками къ придворному кухеншрейберу, который, въ ежемѣсячныхъ отчетахъ, подаваемыхъ въ дворцовую контору на ревизію объ израсходованныхъ имъ столовыхъ при-

пасахъ, всегда отдѣльною статьею писалъ расходъ, сдѣланный на собачку, такъ: „Отпущено, по требованію князя Никиты Волконскаго, для кормленія собачки Цытриньки съ такого-то по такое-то число сливокъ молочныхъ по кружкѣ въ каждый день“. Подъ этой статьею всегда значилась росписка Волконскаго въ пріемѣ сливокъ.

Графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, племянникъ извѣстнаго петровскаго адмирала, графа Федора Матвѣевича, началъ службу камеръ-юнкеромъ при Екатеринѣ I, и въ 1729 г. женился на княжнѣ Еленѣ Михайловнѣ Голицыной, дочери князя Михаила Алексѣевича Голицына, о которомъ будетъ сказано далѣе. Мы не знаемъ достовѣрно, когда и по какимъ причинамъ онъ былъ сдѣланъ шутомъ; но есть указанія, что Апраксинъ нисколько не тяготился своей унизительной ролью, исполнялъ ее съ рѣдкимъ усердіемъ до самой кончины, въ 1738 г., и часто получалъ отъ императрицы крупные денежные подарки; такъ, напримѣръ, въ 1733 году ему было пожаловано 6,000 руб. изъ суммъ Преображенскаго полка. Въ запискахъ Порошина находится, между прочимъ, слѣдующая замѣтка: „Графъ Никита Ивановичъ Панинъ разсказывалъ о шутѣ императрицы Анны Ивановны, графѣ Апраксинѣ, что онъ несносный былъ шутъ, обижалъ всегда другихъ и за то часто битъ бывалъ“.

Князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, внукъ знаменитаго боярина и любимца царевны Софьи, Василія Васильевича, и сынъ пермскаго намѣстника, князя Алексѣя Васильевича Голицына, родился въ 1688 году, незадолго до того, какъ дѣдъ и отецъ его, лишенные чиновъ и помѣстій, были отправлены въ ссылку въ Пинегу. Когда князь Михаилъ Алексѣевичъ достигъ совершеннолѣтія, Петръ Великій опредѣлилъ его солдатомъ въ полевые полки, гдѣ онъ, на сороковомъ году отъ рожденія, съ трудомъ достигъ чина маіора. Потерявъ въ 1729 г. первую жену, Марфу Максимовну, рожденную Хвостову, отъ которой имѣлъ сына, князя Алексѣя, умершаго бездѣтнымъ, и дочь Елену, вышедшую за графа Апраксина, Голицынъ испросилъ себѣ позволеніе ѣхать заграницу. Слабоумный отъ природы, онъ, во время пребыванія своего во Флоренціи, влюбился въ одну итальянку низкаго происхожденія, женился на ней и по ея внушенію перешелъ въ католическую вѣру. По возвращеніи въ Россію, въ 1732 г., князь Михаилъ Алексѣевичъ жилъ въ Москвѣ, тщательно скрывая отъ всѣхъ жену и перемѣну религіи; обстоятельство это скоро обнаружилось, привело въ отчаяніе всю мно-

Ледяной домъ и шутовская свадьба въ немъ въ царствованіе Анны Ивановны.

Съ рѣдкой гравюры того времени.

гочисленную фамилію Голицыныхъ и, разумѣется, дошло до свѣдѣнія императрицы, которой поступокъ Голицына былъ объясненъ его крайнимъ слабоуміемъ. Она велѣла представить его себѣ, пришла въ восхищеніе отъ его глупости и тотчасъ же сдѣлала своимъ шутомъ. — „Семенъ Андреевичъ! — писала она Салтыкову 20-го февраля 1733 г. — благодарна за присылку Голицына; онъ здѣсь всѣхъ дураковъ побѣдилъ; ежели еще такой же въ его пору сыщется, то немедленно увѣдомь". Разумѣется, бракъ князя Михаила Алексѣевича былъ признанъ недѣйствительнымъ, и онъ болѣе уже не увидѣлъ своей жены-итальянки. Голицыну, въ числѣ прочихъ шутовскихъ обязанностей, было поручено подавать императрицѣ квасъ, вслѣдствіе чего придворные прозвали его „квасникомъ". Прозвищемъ этимъ онъ именовался даже въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени. Любопытно, что, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ объ отцѣ его, князѣ Алексѣѣ Васильевичѣ, императрица называетъ послѣдняго княземъ Алексѣемъ Кислищинымъ.

Въ числѣ приживалокъ Анны Ивановны находилась одна калмычка, Авдотья Ивановна, пользовавшаяся особеннымъ благоволеніемъ императрицы и носившая, въ честь ея любимаго блюда, фамилію „Бужениновой". Калмычка эта, уже немолодая и очень некрасивая собой, какъ-то въ разговорѣ выразила Аннѣ Ивановнѣ охоту выйдти замужъ. Посмѣявшись надъ такимъ желаніемъ, императрица спросила Буженинову, есть ли у нея въ виду женихъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказала, что беретъ на себя устройство ея судьбы. На другой же день шестидесятилѣтнему Голицыну было объявлено, что государыня нашла для него невѣсту, и чтобы онъ готовился къ свадьбѣ, всѣ расходы которой ея величество принимаетъ на свой счетъ. Мысль императрицы — женить шута на шутихѣ — встрѣтила полное сочувствіе въ кругу ея приближенныхъ. Камергеръ Татищевъ подалъ идею — построить для этой цѣли на Невѣ домъ изъ льда и обвѣнчать въ немъ молодыхъ „курьезнымъ образомъ". Немедленно была составлена, подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго, особая „маскарадная комиссія", которой порученъ высшій надзоръ и скорѣйшее исполненіе предложенія Татищева.

Комиссія избрала для постройки „Ледяного дома" мѣсто на Невѣ, между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ. Матеріаломъ при постройкѣ служилъ только чистый ледъ; его разрубали большими плитами, клали ихъ одну на другую и для связи по-

ливали водою. Архитектура дома была довольно изящна. Онъ имѣлъ восемь саженъ въ длину, двѣ съ половиной въ ширину и три въ вышину. Кругомъ всей крыши тянулась сквозная галлерея, украшенная столбами и статуями; крыльцо, съ рѣзнымъ фронтисписомъ, вело въ сѣни, раздѣлявшія зданіе на двѣ большія комнаты; сѣни освѣщались четырьмя, а каждая комната — пятью окнами, со стеклами изъ тончайшаго льда. Оконные и дверные косяки и простѣночные пилястры были выкрашены зеленою краскою подъ мраморъ. За ледяными стеклами стояли, писанныя на полотнѣ, „смѣшныя картины", освѣщавшіяся по ночамъ извнутри множествомъ свѣчей. Передъ домомъ были разставлены шесть ледяныхъ трехъ-фунтовыхъ пушекъ и двѣ двухъ-пудовыя мортиры, изъ которыхъ не разъ стрѣляли. У воротъ, сдѣланныхъ также изъ льда, красовались два ледяные дельфина, выбрасывавшіе изъ челюстей, съ помощью насосовъ, огонь отъ зажженной нефти. На воротахъ стояли горшки съ ледяными вѣтками и листьями. На ледяныхъ вѣткахъ сидѣли ледяныя птицы. По сторонамъ дома, на пьедесталахъ съ фронтисписами, возвышались остроконечныя, четырехугольныя пирамиды. Въ каждомъ боку ихъ было устроено по круглому окну, около которыхъ снаружи находились размалеванныя часовыя доски. Внутри пирамидъ висѣли большіе бумажные, восьмиугольные фонари, разрисованные „всякими смѣшными фигурами". Ночью въ пирамиды влѣзали люди, вставляли свѣчи въ фонари и поворачивали ихъ передъ окнами, къ великой потѣхѣ постоянно толпившихся здѣсь зрителей. Послѣдніе съ любопытствомъ тѣснились также около стоявшаго, по правую сторону дома, ледяного слона въ натуральную величину. На слонѣ сидѣлъ ледяной персіянинъ, двое другихъ такихъ же персіянъ стояли по сторонамъ. „Сей слонъ — разсказываетъ очевидецъ — внутри былъ пустъ и столь хитро сдѣланъ, что днемъ воду вышиною на двадцать четыре фута пускалъ; ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ".

Внутреннее убранство дома вполнѣ соотвѣтствовало его оригинальной наружности. Въ одной комнатѣ стояли: туалетъ, два зеркала, нѣсколько шандаловъ, карманные часы, большая двухспальная кровать, табуретъ и каминъ съ ледяными дровами. Въ другой комнатѣ были столъ рѣзной работы, два дивана, два кресла и рѣзной поставецъ, въ которомъ находилась точеная

чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда. Въ углахъ этой комнаты красовались двѣ статуи, изображавшія купидоновъ, а на столѣ стояли большіе часы и лежали карты съ марками. Всѣ эти вещи, безъ исключенія, были весьма искусно сдѣланы изъ льда и выкрашены „приличными натуральными красками". Ледяныя дрова и свѣчи намазывались нефтью и горѣли.

Кромѣ того, при „Ледяномъ домѣ", по русскому обычаю, была выстроена ледяная же баня; ее нѣсколько разъ топили, и охотники могли въ ней париться.

По именному высочайшему повелѣнію, къ „курьезной" свадьбѣ Голицына съ Бужениновой были доставлены въ Петербургъ, изъ разныхъ концовъ Россіи, по два человѣка обоего пола всѣхъ племенъ и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ. Всего набралось триста человѣкъ. Маскарадная комиссія снабдила каждую пару мѣстной народной одеждой и музыкальнымъ инструментомъ.

6-го февраля 1740 года, въ день, назначенный для празднества, послѣ бракосочетанія сіятельнаго шута, совершеннаго обычнымъ порядкомъ въ церкви, разноплеменные „поѣзжане" потянулись со сборнаго пункта длиннымъ поѣздомъ. Тутъ были: абхазцы, остяки, мордва, чуваши, черемисы, вятичи, самоѣды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, хохлы, чухонцы и множество другихъ „разноязычниковъ и разночинцевъ", каждый въ своемъ національномъ костюмѣ и съ своей прекрасной половиной. Одни ѣхали на верблюдахъ, другіе—на оленяхъ, третьи—на собакахъ, четвертые — на волахъ, пятые — на козлахъ, шестые — на свиньяхъ и т. д., „съ принадлежащею каждому роду музыкаліею и разными игрушками, въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторые въ образѣ птицъ странныхъ". Шествіе открывали „молодые"; красовавшіеся въ большой желѣзной клѣткѣ, поставленной на слонѣ.

Свадебный поѣздъ, управляемый Волынскимъ и Татищевымъ, съ музыкою и пѣснями, проѣхавъ мимо дворца и по всѣмъ главнымъ улицамъ, остановился у манежа герцога курляндскаго. Здѣсь, на нѣсколькихъ длинныхъ столахъ, былъ приготовленъ изобильный обѣдъ, за которымъ каждая пара имѣла свое народное блюдо и свой любимый напитокъ. Во время обѣда Третьяковскій привѣтствовалъ молодыхъ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

„Здравствуйте, женившись, дуракъ и дурка,
Еще... тота и фигурка!
Теперь-то прямое время намъ повеселиться,

Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься.
Квасникъ-дуракъ и Буженинова...
Сошлись любовію, но любовь ихъ гадка.
Ну, мордва, ну, чуваши, ну, самоѣды!
Начните веселье, молодые дѣды!
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки.
Ахъ, вижу, какъ вы теперь рады!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи, весна, свищи красна!
Невозможно вамъ имѣть лучшее время:
Спрягся ханскій сынъ, взялъ ханское племя,
Ханскій сынъ Квасникъ, Буженинова ханка.
Кому того не видно, кажетъ ихъ осанка.
О пара! о не стара!
Не жить они станутъ, но зоблить сахаръ.
И такъ надлежитъ новобрачныхъ привѣтствовать нынѣ,
Дабы они все свое время жили въ благостынѣ:
Спалось бы имъ, да вралось, пилось бы, да ѣлось.
Здравствуйте-жъ, женившись, дуракъ и дурка.
Еще... тота и фигурка!"

Послѣ обѣда „разноязычныя" пары плясали каждая свою національную пляску, подъ свою національную музыку. Потѣшное зрѣлище это чрезвычайно забавляло императрицу и вельможныхъ зрителей. По окончаніи бала, пестрый поѣздъ, предшествуемый по-прежнему „молодыми", возсѣдавшими въ клѣткѣ на слонѣ, отправился въ „Ледяной домъ", который горѣлъ огнями, эффектно дробившимися и переливавшимися въ его прозрачныхъ стѣнахъ и окнахъ; ледяные дельфины и ледяной слонъ метали потоки яркаго пламени; „смѣшныя" картины въ пирамидахъ вертѣлись, къ полному удовольствію многочисленной публики, встрѣчавшей новобрачныхъ громкими криками.

Молодыхъ, съ различными церемоніями, уложили на ледяную постель, а къ дому приставили караулъ, изъ опасенія, чтобы счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсѣмъ теплое и удобное ложе...

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ „курьезнаго праздника" императрица Анна Ивановна скончалась, завѣщавъ, какъ извѣстно, русскій престолъ племяннику своему, принцу Брауншвейгскому, Іоанну Антоновичу. За малолѣтствомъ послѣдняго, управленіе государствомъ перешло въ руки матери его, принцессы Анны Леопольдовны, женщины доброй, мягкой, обладавшей прекрасными душевными качествами. Анна Леопольдовна, въ первый

же день своего правленія, уволила всѣхъ шутовъ, наградивъ ихъ приличными подарками. Съ этого времени оффиціальное званіе „придворнаго шута“ уничтожилось навсегда. Хотя потомъ шуты и продолжали появляться при дворѣ, но уже подъ другимъ именемъ и не въ шутовской одеждѣ.

Въ заключеніе нашего очерка намъ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ князя Михаила Алексѣевича Голицына и его женъ.

Когда Голицынъ былъ отправленъ, по приказанію императрицы, въ 1733 г., изъ Москвы въ Петербургъ и сдѣлался шутомъ, объ его женѣ итальянкѣ совсѣмъ забыли. Только черезъ два года Анна Ивановна почему-то вспомнила о ней и поручила Салтыкову узнать „подъ рукою“, гдѣ она живетъ, какое имѣетъ пропитаніе и отъ кого, а если выѣхала изъ Москвы, то куда и „на чьемъ囗коштѣ“. Салтыковъ дозналъ, что Голицына проживаетъ въ Нѣмецкой слободѣ и велѣлъ каптенармусу Преображенскаго полка Лакостову навести точныя о ней справки. Лакостовъ 21-го января 1735 г. донесъ слѣдующее:

„Пришелъ я католицкой церкви къ патеру Фабіянусу и объявилъ ему, что я пріѣхалъ изъ Воронежа офицеръ, и при отъѣздѣ оттуда просилъ меня итальянскій патеръ, который при вице-адмиралѣ Змаевичѣ службу отправляетъ, чтобъ я увѣдомился о женѣ князя Михайла Алексѣевича Голицына, на которой женился онъ, князь Голицынъ, въ Италіи, гдѣ отечество ея нынѣ, отъ кого она пропитаніе имѣетъ и на чьемъ коштѣ живетъ. На что оный Фабіянусъ объявилъ мнѣ: она нанимаетъ квартиру бѣдную и въ той квартирѣ хозяинъ выставилъ двери и окошки за то, что она княгиня за квартиру не платитъ, а ей де не токмо платить деньги, и дневной пищи не имѣетъ; и для ея бѣдности далъ ей два рубля денегъ, и не откуда, никакой помощи къ пропитанію не имѣетъ, и валяется де на полу, постлать и одѣться нечѣмъ; въ праздникъ Рождества Христова пришла сюда и говоритъ де мнѣ, что я умираю съ голоду, не имѣю куска хлѣба, и въ то время далъ ей денегъ семь алтынъ; она де хуже всякой нищей, одежи и пищи никакой не имѣетъ. И приказалъ оный Фабіянусъ служителю своему указать квартиру, гдѣ она живетъ; въ Старой Басманной, въ домѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, у сержантской жены Андреевской, Полозова вдовы Марьи Федоровой, въ маленькой комнаточкѣ, найму даетъ по три рубля въ годъ. Оная княгиня объявила мнѣ, что она отъ князя Михаила Алексѣевича Голицына ничего послѣ разлу-

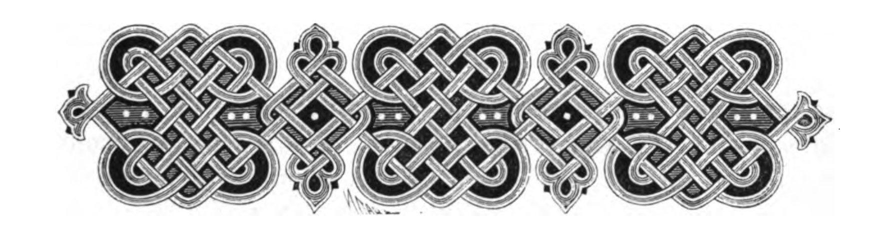
ченія съ нимъ отъ него не получала, и пищи ни откуда не имѣетъ, развѣ кто милостыню подастъ, и со рвеніемъ говорила: „хотя бы де мнѣ дьяволъ денегъ далъ, я бы ему душу свою отдала; видишь де ты, какое на мнѣ платье и какая у меня постель". Одежда на ней понитянная, черная, ветха: постель наволока холстинная толстая, набита сѣномъ; одѣвается нагольною шубою ветхою. При томъ же она говорила и тужила; гдѣ де нынѣ мой сынъ, князь Иванъ, котораго я родила съ нимъ, княземъ Михайломъ Алексѣевичемъ [1]).

Послѣ донесенія Лакостова мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о княгинѣ Голицыной до 7-го сентября 1736 года. Въ этотъ день императрица написала Салтыкову; „Семенъ Андреевичъ! Вели въ слободѣ Нѣмецкой сыскать Голицына жену итальянку и какъ скорѣе пришли ее къ намъ на почтѣ въ Петербургъ, давъ провожатаго, чтобъ ее бережно довезъ; только бы никто про это не вѣдалъ въ Москвѣ, пока къ намъ пріѣдетъ, и дорогою не вели сказывать, что она ѣдетъ. А какъ привезутъ ее въ Петербургъ, вели явиться у генерала Ушакова тайнымъ же образомъ". Зачѣмъ такъ внезапно потребовалась Аннѣ Ивановнѣ Голицына и что сталось съ послѣдней по доставленіи ея въ тайную канцелярію къ Ушакову,—неизвѣстно. Можно только предполагать, что ея бѣдствія въ Россіи окончились высылкой заграницу.

По упраздненіи правительницей въ 1741 году должности придворныхъ шутовъ, князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ удалился въ Москву, гдѣ его жена-калмычка вскорѣ умерла. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей: князя Алексѣя, умершаго холостымъ, и князя Андрея, женившагося на Аннѣ Ѳедоровнѣ Хитрово и оставившаго многочисленное потомство. Въ 1744 г. князь Михаилъ Алексѣевичъ обвѣнчался въ четвертый разъ съ Аграфеной Алексѣевной Хвостовой, съ которой прижилъ трехъ дочерей. Онъ скончался въ 1778 г. въ глубокой старости и полуразрушенную могилу его еще весьма недавно можно было видѣть въ селѣ Братовщинѣ, по дорогѣ отъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру.

---

[1]) Объ этомъ сынѣ князя Михаила Алексѣевича не упоминается ни въ одномъ изъ родословій князей Голицыныхъ (Долгорукова, Серчевскаго). Вѣроятно, отнятый отъ матери, онъ умеръ въ младенчествѣ.

АРЕСТЪ И ССЫЛКА БИРОНА.

8-го ноября 1740 года, въ третьемъ часу ночи, офицеры лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, находившіеся въ караулѣ на главной гауптвахтѣ Зимняго дворца, были внезапно разбужены адъютантомъ фельдмаршала Миниха, подполковникомъ Манштейномъ, который сообщилъ имъ, что мать малолѣтняго императора Ивана Антоновича, принцесса Анна Леопольдовна, имѣя поручить имъ важное и секретное дѣло, проситъ ихъ немедленно явиться къ ней.

Такое позднее и неожиданное приглашеніе чрезвычайно изумило офицеровъ; однако они поспѣшили повиноваться. Манштейнъ провелъ ихъ, черезъ черную лѣстницу дворца, прямо въ уборную принцессы. Анна Леопольдовна тотчасъ же вышла къ нимъ, сопровождаемая фельдмаршаломъ и любимой фрейлиной своей, баронессой Юліаной Менгденъ. Миловидное лицо принцессы было блѣдно, глаза заплаканы; нетвердымъ, прерывающимся отъ сильнаго внутренняго волненія голосомъ, она, въ короткихъ словахъ, передала офицерамъ, что регентъ имперіи, герцогъ Курляндскій Биронъ, ежедневно наноситъ ей и ея супругу всевозможныя оскорбленія и униженія; что онъ намѣревается выслать ее съ семействомъ заграницу, съ цѣлью захватить окончательно въ свои руки правленіе государствомъ; что она не можетъ болѣе переносить его грубыхъ и неблагородныхъ поступковъ съ ней, считаетъ обязанностію своей, для общаго блага, противодѣйствовать его честолюбивымъ замысламъ и потому рѣшилась арестовать его; что порученіе это возложено ею на фельдмаршала Миниха и она надѣется, что офицеры, всегда отличавшіеся преданностію государю и отечеству, не откажутся повиноваться и помо-

гать своему начальнику въ предпріятіи, отъ исхода котораго зависитъ счастіе и спокойствіе цѣлой имперіи.

Слезы и одушевленіе принцессы, справедливость жалобъ ея противъ человѣка, всѣми втайнѣ ненавидимаго, не могли не вызвать сочувствія къ ея дѣйствительно тягостному и унизительному положенію. Офицеры, ни минуты не колеблясь, отвѣчали, что они готовы исполнить приказаніе принцессы, и обѣщали не жалѣть жизни для достиженія успѣха. Отвѣтъ этотъ привелъ Анну Леопольдовну въ такое восхищеніе, что она, зарыдавъ, бросилась на шею фельдмаршалу; потомъ обняла офицеровъ и умоляла ихъ не медлить.

Успокоивъ и упросивъ принцессу во всемъ положиться на него, Минихъ отправился вмѣстѣ съ офицерами къ главному караулу, вызвалъ его въ ружье и, обратясь къ солдатамъ, сказалъ:

— Хотите ли вы государю служить? Вѣдаете, что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ (Елисаветѣ Петровнѣ), племяннику ея (герцогу Голштинскому), императору и родителямъ его есть утѣсненіе и надобно его взять!

Солдаты въ одинъ голосъ отвѣчали: „готовы государю съ радостью служить!“

Тогда фельдмаршалъ спросилъ: „ружья у васъ заряжены-ль?“ и, узнавъ, что не заряжены, велѣлъ зарядить; затѣмъ, оставивъ на гауптвахтѣ, при знамени, одного офицера и сорокъ рядовыхъ, съ остальными восьмидесятью человѣками пошелъ къ Лѣтнему дворцу, гдѣ тогда жилъ Биронъ [1]).

Не доходя шаговъ двухъсотъ до дворца, Минихъ послалъ Манштейна впередъ объявить приказаніе принцессы офицерамъ, находившимся въ караулѣ у регента; они не только не оказали никакого сопротивленія, но даже предложили свои услуги для арестованія Бирона.

Получивъ такое благопріятное извѣстіе, Минихъ велѣлъ Манштейну идти съ двадцатью гренадерами въ комнаты регента и взять его живого или мертваго.

---

[1]) Деревянный лѣтній дворецъ существовалъ съ 1732 г., въ Лѣтнемъ саду, на мѣстѣ нынѣшней великолѣпной рѣшетки. Здѣсь императрица Анна Ивановна ежегодно проводила исходъ лѣта и начало осени и здѣсь же умерла, 17 октября 1740 г., не успѣвъ переѣхать, по обыкновенію, въ Зимній дворецъ. 19 октября, младенецъ-императоръ Иванъ Антоновичъ былъ церемоніально перенесенъ, по приказанію регента, изъ Лѣтняго дворца въ Зимній; самъ же регентъ остался въ Лѣтнемъ дворцѣ, располагая быть у тѣла покойной императрицы до дня погребенія, назначеннаго на 23-е декабря.

Манштейнъ, войдя во дворецъ и боясь встревожить герцога шумомъ, приказалъ своимъ спутникамъ слѣдовать за собою издали. Часовые, стоявшіе въ покояхъ регента, зная Манштейна въ лицо, всюду пропускали его, полагая, что онъ посланъ къ герцогу съ какимъ нибудь важнымъ дѣломъ. Пройдя нѣсколько комнатъ, Манштейнъ остановился въ недоумѣніи. Онъ не зналъ, гдѣ была спальня герцога, и опасался спросить объ этомъ у служителей. Послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, Манштейнъ рѣшился идти на-удачу. Пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверью запертой на ключъ; къ счастію, по оплошности слугъ, она не была задвинута сверху и снизу задвижками, а потому Манштейнъ безъ особенныхъ усилій отворилъ ее. Здѣсь онъ нашелъ герцога и герцогиню, спавшихъ на широкой двухспальной кровати такимъ крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ, что стукъ, произведенный дверью, не разбудилъ ихъ.

Манштейнъ подошелъ къ кровати, отдернулъ занавѣсь и громко сказалъ, что желаетъ говорить съ герцогомъ. Герцогъ и герцогиня проснулись и, испуганные его голосомъ, подняли крикъ. Биронъ соскочилъ на полъ и намѣревался спрятаться подъ кровать, но Манштейнъ, находившійся у той стороны постели, гдѣ лежала герцогиня, быстро обѣжалъ кругомъ, бросился на него, крѣпко обхватилъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли солдаты.

Биронъ оборонялся отъ Манштейна и его гренадеровъ съ мужествомъ и силою отчаянія. Онъ барахтался, отбивался направо и налѣво кулаками и нѣсколько разъ вырывался изъ рукъ обступившихъ его преображенцевъ. Ожесточенные этимъ сопротивленіемъ, солдаты пустили въ дѣло приклады, сбили регента съ ногъ, заткнули ему ротъ платкомъ, связали руки офицерскимъ шарфомъ, накинули на него солдатскую шинель, вытащили вонъ, посадили въ нарочно приготовленную Минихомъ карету и отвезли въ Зимній дворецъ.

Герцогиня въ одной рубашкѣ выбѣжала на улицу вслѣдъ за своимъ мужемъ, увлекаемымъ солдатами. Одинъ изъ нихъ притащилъ ее, полумертвую отъ страха и окоченѣвшую отъ холода, къ Манштейну, и спросилъ, что съ нею дѣлать? Манштейнъ велѣлъ отвести герцогиню обратно во дворецъ, но солдату показалось тягостнымъ исполнить такое порученіе, и онъ бросилъ жену регента въ снѣгъ. Караульный капитанъ, увидя герцогиню въ этомъ положеніи, приказалъ одѣть ее и отнести въ комнаты [1]).

[1]) Биронъ былъ женатъ на Бенигнѣ-Готлибъ Тротта-фонъ-Трейденъ, род. въ 1703 г. ум. въ 1783 г. Отъ этого брака онъ имѣлъ двоихъ сыновей: Петра, род.

Вслѣдъ за регентомъ были арестованы и отвезены подъ караулъ въ Зимній дворецъ: братъ его, командиръ Измайловскаго полка, Густавъ Биронъ и любимецъ его—кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ то время, какъ Манштейнъ съ двадцатью гренадерами рѣшалъ судьбу Бирона, Анна Леопольдовна, въ борьбѣ со страхомъ и надеждою, томимая неизвѣстностью, ходила по пустыннымъ заламъ дворца. Войдя въ пріемную комнату, гдѣ спалъ бывшій въ эту ночь дежурнымъ сынъ фельдмаршала, камергеръ Минихъ, принцесса, обезсиленная душевной тревогой, въ изнеможеніи сѣла къ нему на кровать. Тотъ проснулся, вскочилъ и, ничего не зная о происходившемъ, съ испугомъ смотрѣлъ на Анну Леопольдовну.

— Знаешь ли, мой любезный Минихъ, трепещущимъ голосомъ сказала ему принцесса, что̀ предпринялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать регента. Дай Боже, чтобы это благополучно удалось.

Изумленный Минихъ старался успокоить ее, увѣряя, что если отецъ его рѣшился на такой смѣлый поступокъ, то вѣроятно принялъ надежныя мѣры къ обезпеченію успѣха. Нѣсколько успокоенная этими словами, принцесса пошла въ комнату малютки-императора, куда вскорѣ явился и мужъ ея, принцъ Антонъ Ульрихъ. Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ они ожидали извѣстій отъ Миниха.

Фельдмаршалъ не замедлилъ вывести супруговъ изъ ихъ тягостнаго положенія. Онъ самъ доложилъ принцессѣ объ арестованіи регента и поспѣшилъ разослать гонцовъ ко всѣмъ министрамъ и другимъ сановникамъ, съ объявленіемъ о такомъ радостномъ событіи и приглашеніемъ прибыть во дворецъ для принесенія поздравленія принцессѣ. Съ тою же цѣлью приказано было всѣмъ находившимся въ Петербургѣ полкамъ собраться на дворцовой площади. Минихъ позаботился также послать двухъ преданныхъ ему офицеровъ въ Москву и Ригу, для взятія подъ стражу тамошнихъ генералъ-губернаторовъ, Карла Бирона и генерала Бисмарка, зятя регента.

Вѣсть о низверженіи Бирона мгновенно облетѣла городъ и произвела общій, искренній восторгъ. Не болѣе какъ черезъ

въ 1724 г., бывшаго потомъ герцогомъ Курляндскимъ и умершаго въ 1800 г., и Карла, род. въ 1728 г. ум. въ 1801 г., и дочь Гедвигу-Елисавету, род. въ 1727 г., бывшую съ 1759-го г. замужемъ за барономъ А. И. Черкасовымъ и умершую около 1796-го года.

часъ, дворцовый лугъ, набережная Невы, нынѣшняя Милліонная, и другія улицы, прилегавшія ко дворцу, буквально запрудились придворными экипажами, войсками, проходившими на свои мѣста съ знаменами и барабаннымъ боемъ, и народомъ, стекавшимся со всѣхъ концовъ Петербурга. Всюду слышались крики радости, поздравленія, цѣлованія... Принцесса приказала выкатить толпѣ нѣсколько бочекъ вина. Онѣ были встрѣчены громкими „ура“! и роспиты въ одну минуту. Во многихъ мѣстахъ запылали огни; солдаты и горожане, смѣшавшись между собой, пестрыми группами расположились около костровъ, яркое зарево которыхъ, освѣщая эту оживленную картину, было видимо далеко въ окрестностяхъ. Иностранные послы и придворные, не имѣя возможности подъѣхать ко дворцу въ экипажахъ, оставляли ихъ и пѣшкомъ, съ трудомъ проталкиваясь сквозь густыя массы народа, добирались до покоевъ принцессы, гдѣ уже толпилось множество офицеровъ и другихъ должностныхъ лицъ. Въ наскоро составленномъ собраніи изъ первѣйшихъ чиновъ двора, было положено просить Анну Леопольдовну принять, до совершеннолѣтія ея сына, правленіе, съ титуломъ „правительницы и императорскаго высочества“. Принцесса, выслушавъ это рѣшеніе, разумѣется, тотчасъ же согласилась на него. Всѣ присутствовавшіе немедленно отправились въ придворную церковь, гдѣ, послѣ благодарственнаго молебствія, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, присягнули въ вѣрности императору и новой правительницѣ.

Биронъ содержался до утра 9-го ноября въ караульной Зимняго дворца, а потомъ, вмѣстѣ съ семействомъ, былъ поревезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Для изслѣдованія его преступленій правительница учредила особую комиссію, которая, окончивъ черезъ пять мѣсяцевъ свои занятія, признала герцога Курляндскаго виновнымъ: въ насильственномъ захватѣ обманомъ регентства на время малолѣтства императора, намѣреніи удалить изъ Россіи императорскую фамилію съ цѣлью утвердить престолъ за собой и за своимъ потомствомъ и во множествѣ другихъ второстененныхъ преступленій [1]). По единогласному рѣшенію членовъ комиссіи, Биронъ былъ приговоренъ къ смертной казни—четвертованіемъ; но правительница замѣнила этотъ

---

[1]) Подробное извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла надъ Бирономъ напечатано въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1862 г ч. I, стр. 28—149.

Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Соколова.

приговоръ вѣчнымъ заточеніемъ, съ конфискаціей всего движимаго и недвижимаго имущества.

Согласно совѣту кабинетъ-министра князя Черкасскаго, долгое время бывшаго сибирскимъ губернаторомъ, правительница назначила мѣстомъ ссылки Бирона городокъ Пелымъ (нынѣ слобода Тобольской губерніи, Туринскаго уѣзда), разстояніемъ отъ Петербурга около 3,000 верстъ. Для помѣщенія Бирона съ семействомъ было приказано немедленно выстроить въ Пелымѣ небольшой домъ со службами и обнести его со всѣхъ сторонъ высокимъ палисадомъ. Планъ наружнаго фасада и внутренняго расположенія дома, состоявшаго всего изъ четырехъ комнатъ, былъ начерченъ фельдмаршаломъ Минихомъ, конечно, не предполагавшимъ въ ту минуту, что это же самое мѣсто скоро сдѣлается его двадцатилѣтней тюрьмой.

Для сопровожденія Бирона и надзора за нимъ въ Пелымѣ были назначены лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Викентьевъ, поручикъ Дурново и двѣнадцать человѣкъ солдатъ отъ разныхъ полковъ.

Въ инструкціи, данной изъ кабинета конвойнымъ офицерамъ, приказывалось: „содержать арестантовъ подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ неисходно и всегдашнее смотрѣніе имѣть, чтобъ никто изъ нихъ никакимъ образомъ уйти не могъ и въ тамошнюю ихъ бытность никого къ нимъ не допускать, бумаги и чернилъ не давать“.

На содержаніе Бирона съ семействомъ было велѣно отпускать „изъ сибирскихъ доходовъ“ по 15-ти рублей въ сутки (т.-е. 5,475 р. въ годъ). Для услугъ съ ссыльными были отправлены два лакея, Александръ Кубанецъ и сибирякъ Илья Степановъ, двѣ женщины—„дѣвка арапка Софья“ и „дѣвка турчанка Катерина“ и два повара. На содержаніе всѣхъ ихъ положено выдавать „особливо по 100 рублей въ годъ“.

Такъ какъ Биронъ, его жена и дѣти были лютеранскаго вѣроисповѣданія, то правительница приказала послать въ Пелымъ пастора, назначивъ ему 150 рублей ежегоднаго жалованья.

Вмѣстѣ съ Бирономъ былъ сосланъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, „за тяжкую вину, вмѣсто смертной казни“, лекарь Вахтлеръ. Караульнымъ офицерамъ было предписано держать его подъ крѣпкимъ карауломъ и, въ случаѣ надобности, употреблять для леченія арестантовъ.

13-го іюня 1741 г., Викентьевъ и Дурново повезли Бирона и его семейство, подъ конвоемъ, изъ Шлиссельбурга. Они ѣхали

тихо, съ частыми и продолжительными роздыхами и прибыли въ Пелымъ лишь въ началѣ ноября [1]).

Внезапный переходъ отъ могущества и неограниченнаго самоуправства къ ничтожеству и забвенію произвелъ въ характерѣ Бирона рѣзкую перемѣну и подѣйствовалъ на его крѣпкое здоровье. Онъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, впалъ въ уныніе и вскорѣ по пріѣздѣ въ Пелымъ серьезно заболѣлъ. Лекарь Вахтлеръ не могъ оказать страждущему помощи потому, что не имѣлъ съ собой необходимыхъ лекарствъ; достать же ихъ скоро не было никакой возможности. Считая свою болѣзнь неизлечимой, Биронъ готовился къ смерти, проводилъ цѣлые дни въ религіозныхъ бесѣдахъ съ пасторомъ или читалъ библію и другія священныя книги. Къ довершенію несчастій герцога, 28-го декабря, въ полночь, въ его спальнѣ загорѣлся, отъ лопнувшей печной трубы, потолокъ. Огонь быстро охватилъ весь домъ, такъ что караульные солдаты съ трудомъ успѣли вытащить изъ пламени арестантовъ и часть ихъ пожитковъ. Викентьевъ перевезъ Бирона съ семействомъ въ городъ и помѣстилъ въ домѣ у воеводы.

Въ началѣ января 1742 года, до Пелыма достигла вѣсть объ арестованіи малолѣтняго императора и его родителей и о восшествіи на престолъ цесаревны Елисаветы Петровны. Новость эта оживила Бирона. Во время своего значенія, онъ оказалъ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколько услугъ и потому могъ надѣяться, что она, сдѣлавшись императрицей, вспомнитъ о немъ и облег-

---

[1]) Пелымъ лежитъ близъ сліянія двухъ рѣкъ: Пелыми и Тавды. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ дремучими первобытными лѣсами хвойныхъ породъ. Окрестности его на далекое пространство никогда не были обитаемы по причинѣ множества „зибуновъ" или бездонныхъ пропастей, обманчиво покрытыхъ зеленью и цвѣтами. Вѣчно сырая почва этого края заключаетъ въ себѣ необыкновенную растительную силу: кедръ, ель, сосна, пихта и лиственница достигаютъ здѣсь часто четырехъ саженъ въ объемѣ и до тридцати саженъ въ вышину. Ловля и продажа звѣрей и рыбъ, въ изобиліи наполняющихъ пелымскіе лѣса и рѣки, составляютъ единственный источникъ пропитанія жителей—полудикихъ вогуловъ. Въ теченіе зимы, продолжающейся отъ октября до мая, сообщеніе Пелыма съ другими сибирскими городами крайне затруднительно по случаю глубокихъ снѣговъ; лѣтомъ же обитатели его получаютъ необходимые для жизни припасы водою по Тавдѣ.

Изъ современнаго Бирону описанія Пелыма видно, что городокъ этотъ состоялъ тогда изъ небольшой деревянной крѣпости или, вѣрнѣе, острога, вооруженнаго двумя мѣдными пушками и четырьмя чугунными пищалями, двухъ церквей и нѣсколькихъ десятковъ обывательскихъ домовъ. Въ крѣпости жили: воевода, два фискала, надсмотрщикъ крѣпостной конторы, пять боярскихъ дѣтей и шестьдесятъ рядовыхъ казаковъ и пушкарей. Число горожанъ неизвѣстно.

Домъ, назначенный для помѣщенія герцога Курляндскаго и его семейства, былъ выстроенъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости, на крутомъ, обрывистомъ берегу Тавды, лицомъ къ густой, непроницаемой тайгѣ.

читъ его участь. Надежды его не замедлили оправдаться. 28-го января, въ Пелымъ прискакалъ сенатскій курьеръ съ императорскимъ указомъ, возвращавшимъ герцогу полную свободу и шлезвигское имѣніе Вартенбергъ, полученное имъ въ подарокъ отъ прусскаго короля еще въ 1731 году и конфискованное у него вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, при ссылкѣ.

Биронъ, еще неоправившійся отъ своего недуга и съ трудомъ ходившій по комнатѣ, поспѣшилъ оставить Пелымъ. Онъ намѣревался проѣхать прямо въ Курляндію, но на дорогѣ внезапно получилъ новый указъ императрицы, которымъ ему повелѣвалось отправиться въ Ярославль и жить тамъ безвыѣздно. Причина, вызвавшая подобное распоряженіе, неизвѣстна. По словамъ саксонскаго резидента Петцольда, оно произошло вслѣдствіе настояній князей А. М. Черкасскаго и Н. Ю. Трубецкого, руководившихся при этомъ личными интересами и враждой къ Бирону. Какъ бы то ни было, Викентьевъ и Дурново, миновавъ, согласно присланному имъ секретному приказанію, Москву, 26-го марта привезли бывшаго регента въ Ярославль, гдѣ для жительства его былъ отведенъ большой каменный магистратскій домъ съ садомъ, на берегу Волги [1]).

Трудный и далекій путь усилилъ болѣзнь герцога и принудилъ его опять слечь въ постель. Императрица, находившаяся въ это время въ Москвѣ, узнавъ объ опасномъ положеніи Бирона, послала къ нему своего лейбъ-медика Лестока. Послѣдній пробылъ въ Ярославлѣ нѣсколько дней и не только помогъ герцогу своимъ искусствомъ, но, по возвращеніи ко двору, исходатайствовалъ ему значительныя льготы. Государыня дозволила Бирону принимать къ себѣ всѣхъ, кого онъ пожелаетъ, и выѣзжать самому въ гости и на охоту, однакожъ не далѣе какъ на двадцать верстъ кругомъ Ярославля, „за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ“, то есть, въ сопровожденіи караульнаго офицера. Сверхъ того, по приказанію императрицы, Бирону были присланы изъ Петербурга, принадлежавшіе ему, библіотека, мебель, посуда, охотничьи собаки, ружья, экипажи и нѣсколько лошадей.

Такимъ образомъ, благодаря снисходительности Елисаветы Петровны, герцогъ могъ пользоваться въ Ярославлѣ нѣкоторой свободой и удобствами. Однако, несмотря на это, и самъ Биронъ и его семейство были очень недовольны своимъ новымъ положе-

---

[1]) По отъѣздѣ Бирона изъ Ярославля, въ 1761-мъ году, домъ этотъ былъ передѣланъ въ острогъ, а въ 1820-мъ году изъ кирпичей его построена первая полицейская часть.

ніемъ, жаловались на недостаточность отпускаемаго имъ содержанія и тяготились неволей и зависимостью отъ караульныхъ офицеровъ.

Въ особенности досадовала на свою судьбу дочь Бирона, Гедвига-Елизавета. Оторванная отъ блестящей придворной среды, къ которой постоянно стремились всѣ ея помыслы и желанія, она страшно скучала и считала себя несчастнѣйшимъ существомъ на землѣ. Тоска и досада Гедвиги-Елизаветы усиливались еще болѣе отъ постоянныхъ преслѣдованій отца, нелюбившаго ее за то, что она была горбата и нехороша собой. Биронъ имѣлъ крайне вспыльчивый и раздражительный характеръ. Малѣйшая неудача или непріятность приводили его въ сильный гнѣвъ, который онъ обыкновенно изливалъ на своихъ приближенныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ, преимущественно передъ всѣми, доставалось, разумѣется, нелюбимой дочери. Съ первыхъ же дней по пріѣздѣ въ Ярославль, Гедвига-Елизавета начала придумывать средства избавиться отъ отцовскаго гнета и снова занять мѣсто при дворѣ. Она постаралась, прежде всего, расположить въ свою пользу вліятельныхъ лицъ, жившихъ въ городѣ, надѣясь черезъ ихъ ходатайство и связи достигнуть своей цѣли; но скоро убѣдившись въ несбыточности этой надежды, обратилась къ другому плану,—написала письмо къ начальнику тайной канцеляріи, графу Шувалову, и просила его принять участіе въ ея положеніи. Когда и это не привело ни къ какому результату, Гедвига-Елизавета рѣшилась на отчаянную попытку бѣжать изъ отцовскаго дома. Удобный случай для этого представился, однакожъ, не ранѣе 1749 года. Въ этомъ году императрица переѣхала со всѣмъ дворомъ въ Москву и, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицкую Лавру. Узнавъ о пребываніи государыни въ полутораста верстахъ отъ Ярославля, Гедвига-Елизавета поспѣшила привести въ исполненіе свой замыселъ. 15-го апрѣля ночью, она явилась къ женѣ ярославскаго воеводы, Бобрищевой-Пушкиной, и, обливаясь слезами, объяснила ей, что давно уже чувствуетъ душевную потребность принять православіе, но что отецъ, не желая допустить до этого, подвергаетъ ее такимъ жестокимъ преслѣдованіямъ, которыя она не въ силахъ болѣе переносить. При этомъ, принцесса неотступно умоляла Пушкину немедленно отвести ее въ Троицкую Лавру, гдѣ она хотѣла лично просить императрицу о заступничествѣ и покровительствѣ. Пушкина обрадовалась случаю обратить на себя вниманіе государыни, и въ ту же ночь отправилась съ Гедвигой-Елизаветой въ Лавру.

По прiѣздѣ въ монастырь, Пушкина представила принцессу графинѣ Шуваловой, занимавшей при императрицѣ должность первой статсъ-дамы. Гедвига-Елизавета съумѣла поддѣлаться къ старой графинѣ и возбудила въ ней такое горячее участiе къ себѣ, что Шувалова взялась ходатайствовать за нее передъ государыней. Благодаря этому обстоятельству, принцесса была выставлена въ глазахъ императрицы несчастной жертвой родительскихъ преслѣдованiй, будто бы навлеченныхъ ею усердiемъ къ православной вѣрѣ. Елисавета Петровна была, какъ извѣстно, чрезвычайно религiозна и предана церкви, а потому поступокъ принцессы заслужилъ полное ея одобренiе. Она сочла священной обязанностью принять подъ свое покровительство „бѣдную овечку“ и приказала привести ее къ себѣ. Явясь къ императрицѣ, Гедвига-Елизавета упала на колѣни, зарыдала и не могла произнести отъ смущенiя ни одного слова.... Императрица растрогалась, обласкала принцессу и обѣщала тотчасъ же по возвращенiи въ Москву присоединить ее къ православiю. Дѣйствительно, черезъ три недѣли послѣ этого, Гедвига-Елизавета торжественно приняла православiе къ церкви Головинскаго дворца, причемъ получила имя Екатерины Ивановны. Такъ какъ принцесса не имѣла никакихъ средствъ къ существованiю, то императрица придумала для нея должность главной надзирательницы надъ фрейлинами, съ весьма, впрочемъ, ограниченнымъ содержанiемъ.

Бѣгство дочери и въ особенности переходъ ея въ православiе привели Бирона въ страшное отчаянiе и негодованiе, такъ что императрица, узнавъ о нравственномъ состоянiи герцога и опасаясь, чтобы онъ, въ порывѣ горя, не покусился на свою жизнь, сочла нужнымъ послать караулившему его офицеру предписанiе „имѣть неустанное за онымъ Бирономъ наблюденiе, дабы какого зла себѣ не учинилъ и въ какомъ разсужденiи далѣе будетъ состоять, о томъ секретно доносить и для гулянья съ нимъ ѣздить самому, а другихъ не посылать.“ Однако опасенiя императрицы оказались напрасными. Биронъ остался живъ, черезъ нѣсколько недѣль совершенно успокоился и даже, уступая желанiю государыни, простилъ дочь.

Въ это же время Бирону приходилось испытывать еще и другiя непрiятности. По своей неуживчивости и раздражительности, онъ безпрестанно ссорился съ капитанъ-поручикомъ Дурново, который былъ назначенъ, въ 1745 году, вмѣсто Викентьева, старшимъ приставомъ при герцогской фамилiи. Ссоры эти превратились наконецъ въ явную вражду и Дурново, пользуясь своею

властью, началъ дѣлать Бирону разныя притѣсненія и придирки. Герцогъ неоднократно жаловался на грубость и придирчивость Дурново ярославскому воеводѣ, но жалобы эти почему-то оставлялись безъ послѣдствій и только въ 1753 году косвеннымъ путемъ дошли до государыни. Елисавета Петровна тотчасъ же велѣла смѣнить Дурново и отдать его подъ судъ при сенатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица выразила желаніе, чтобы Биронъ подробно сообщилъ о всѣхъ сдѣланныхъ ему обидахъ и притѣсненіяхъ. Такое вниманіе привело герцога въ восхищеніе. Онъ поспѣшилъ написать императрицѣ письмо, которое впервые печатается, и притомъ вполнѣ, съ подлиннаго современнаго перевода, сохранившагося въ дѣлахъ архива Мин. Иностран. Дѣлъ:

„За всѣ тѣ высочайшія милости, которыя ея императорское величество, въ первый день ея величества высоко-славнаго государствованія, намъ бѣднымъ, въ самой крайней нуждѣ и утѣсненіи, оказать повелѣла и которыми ея величество, и по сей часъ такъ щедро и милосердно жаловать благоволитъ, что мы ко освященнымъ сея великія монархини стопамъ со всеподданническимъ благодареніемъ припадаемъ, всенижайше прося, чтобъ оное высокоматернее милосердіе намъ и впредь пожаловано было.

„Пріѣхавшій, марта 25-го дня, гвардіи капитанъ-поручикъ г. Булгаковъ, по указу правительствующаго сената, намъ объявилъ, чтобъ мы наши жалобы на бывшаго у насъ на караулѣ капитанъ-поручика Дурного подали; во исполненіе котораго, съ должнѣйшимъ послушаніемъ то приносимъ.

„Какъ мы въ нашей крайней бѣдѣ, высочайшею ея императорскаго величества милостію обрадованы были, то съ самаго того времени офицеры насъ подъ честнымъ и свободнымъ надзираніемъ имѣли, такожъ мы на самихъ ихъ ссылаемся, представляя ихъ свидѣтелями, какимъ образомъ мы со всеглубочайшимъ почтеніемъ всегда старались ничего не предпринять, чтобъ въ противность всеосвященному соизволенію нашей всемилостивѣйшей императрицы было.

„А какъ команду принялъ офицеръ Дурной, то мы многія обиды и огорченія чрезъ восемь лѣтъ отъ него терпѣли. Понеже онъ безъ причины перемѣнилъ приказъ въ его командѣ, чтобъ моихъ дѣтей безъ солдатъ съ двора не выпускать, которые во все время безъ караула выхаживали, и для того часто, какъ только ему угодно явится, караулъ къ воротамъ приставлялъ, а потомъ, какъ они такимъ образомъ по недѣли содержаны были,

и его злость минется, то онъ опять караулъ отъ воротъ въ надлежащее мѣсто свесть, и во всемъ по прежнему порядку поступать велитъ. А когда дворъ въ С.-Петербургѣ благоволилъ находиться, въ то время мы отъ него по большей части обиды нести принуждены были, понеже онъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года моимъ дѣтямъ, когда они хотѣли отъ наигорчайшаго своего уединенія проходиться, наижесточайшимъ образомъ чрезъ солдатъ не дозволилъ.

„А какъ мы изъ высочайшей ея императорскаго величества милости россійскихъ пять поваровъ имѣли, то оный офицеръ Дурной имъ приказалъ по недѣлѣ у себя варить и имѣть дневанье, такожъ и сіе многимъ здѣшнимъ жителямъ извѣстно, сколь долгое время тогда опасно прилипчивая болѣзнь въ его домѣ находилась, понеже здѣшній городской лекарь его двѣнадцать человѣкъ (болѣвшихъ) салваціею вылечилъ, и такъ двое лучшихъ поваровъ ушли, а по нашему мнѣнію, по причинѣ той, опасались, чтобъ и они сею злою болѣзнію заражены быть не могли, такожъ и для избѣжанія многихъ побоевъ, понеже онъ часто ихъ въ самую работу изъ моей кухни бралъ; у партикулярныхъ людей, также у нѣкоторыхъ солдатъ стряпать принуждалъ, а на мѣсто двухъ ушедшихъ и одного умершаго исходатайствовалъ онъ, чрезъ свой ложный аттестатъ, одного непотребнаго малаго, который за его мошенническія злодѣйства всегда презрителенъ былъ, такожъ года съ два въ тюрьмѣ сидитъ, при здѣшней провинціальной канцеляріи. Теперь уже легко усмотрѣть можно, съ какимъ попеченіемъ и огорченіемъ мы часто за столъ со слезами саживались, также по крайней нуждѣ (понеже два ушли, одинъ умеръ и одинъ подъ карауломъ) должны мы были одного иностраннаго — принять, которому мы, хотя оное намъ также весьма трудно было, изъ однихъ намъ, только на столъ назначенныхъ, денегъ плату давать должны.

„Какъ мы въ Ярославль пріѣхали, то сперва здѣсь высочайшая милость нашей всемилостивѣйшей императрицы присланнымъ указомъ объявлена, чтобъ намъ хорошая квартира дана была, что такъ и учинено, однако оный домъ магистратскій, а сколь долго мы въ немъ живемъ, я всегда починивать приказывалъ, многое къ тому пристроилъ и нашимъ коштомъ 11 лѣтъ содержанъ, что намъ весьма трудно, и для того пришли въ долги, понеже намъ сверхъ того не дѣлалъ, но когда магистратъ что велитъ построить, то онъ не зналъ, сколько ему своего неудовольствія въ томъ показать, и съ нами грубо поступалъ, кото-

рое я и моя бѣдная опечаленная фамилія 8 лѣтъ молчаливо терпѣли, чтобъ просьбою не могли утрудить.

„А сверхъ того всякому извѣстно, что сей офицеръ Дурной не въ показанныхъ ему палатахъ живетъ, такожъ дрова и все другое отъ магистрата получаетъ, а мы по сіе число все покупать должны, изъ чего ясно видно, что Дурной не въ силу всемилостивѣйше даннаго ему указа съ нами поступалъ; но противное оказывалъ, ибо онъ за насъ, ни въ какомъ случаѣ, не вступался.

„Надъ нѣкоторыми нашими служителями желалъ Дурной господствовать, понеже онъ имъ жалованье безъ моего вѣдома, по своему благоразсужденію давалъ.

„Изъ г. Петербурга и по нынѣ не имѣли мы въ нашемъ крайнемъ несчастіи болѣе двухъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна турчанка, а другая арабка, а понеже первая замужъ вышла, то мы должны и послѣднюю, по его многократному требованію и сватовству (что каждому извѣстно), чтобъ быть только лишь отъ него въ покоѣ, въ сію пришедшую осень за пастора отдать.

„А почему Дурной оной арабкѣ (и чрезъ его милостивое стараніе учинившейся пасторшѣ) еще и по сіе время непринадлежащее жалованье выдаетъ, то мнѣ оное неизвѣстно, однакожъ намъ его сватовство (которое для посмѣянія всему городу было) весьма чувствительно; ибо моя супруга, въ часто случающихся ей въ болѣзни припадкахъ, по нынѣ никого на ея мѣсто не имѣетъ.

„Еще-жъ капитанъ-поручикъ Дурной искалъ людей на насъ доносить, что будто бы они были обижены, имъ совѣтовалъ, и приказалъ прошеніе написать, которое въ подлинникѣ находится, и письменно доказать можно, что его злое намѣреніе туда простиралось, желая насъ въ худую славу, также и при высочайшемъ мѣстѣ тѣмъ насъ въ ненависть и немилость привесть.

„Въ Шлиссельбургѣ двое изъ нашихъ воспитанниковъ отъ насъ отпущены, изъ которыхъ одинъ былъ тунгузецъ, а другой кубанской татаріи; и какъ мы онаго послѣдняго примѣтили (что его худое поведеніе до того касалось, понеже онъ злыми и богопротивными людьми къ тому приведенъ), приказалъ я его въ здѣшнюю провинціальную канцелярію отослать, ибо мы опасались, чтобъ онъ еще какого злодѣйства не учинилъ; оный малый, именемъ Александръ, въ упомянутой канцеляріи, сколько лишь намъ извѣстно, слѣдующее объявилъ:

„Прошлаго года, какъ онъ отъ меня посланъ былъ къ господину Дурнову, оный ему сказалъ, что онъ дворцовый служитель,

потомъ обнадеживалъ его, что ежели оный малый не желаетъ у насъ служить, то за него стараться будетъ, только чтобъ онъ на насъ ему жалобу принесъ; по которому обѣщанію онъ, Александръ, тѣмъ наиболѣе къ нему присталъ, а намъ невѣренъ сталъ, понеже ему показались обнадеживанія и обѣщанія капитанъ-поручика Дурнова, къ тому-жъ онъ часто видѣлъ, какъ худо онъ съ нами поступаетъ, и изъ квартиры безъ караула многократно не выпускалъ.

„Научалъ онъ на моего меньшаго сына отставнаго сержанта бить челомъ.

„Солдата Линева безъ наказанія и изслѣдованія отпустилъ, что онъ, стоя на караулѣ, у малаго нѣсколько рублей денегъ отнялъ.

„По дальнему допросу сказалъ, что онъ, Александръ, по вышеобъявленному обнадеживанію господина Дурнова, осмѣлился, во вторникъ на первой недѣлѣ сего великаго поста, чтобъ убѣжать за его ослушаніе должнаго наказанія, уйти къ господину Дурнову и искать у него защищенія; чего ради капитанъ-поручикъ ему приказалъ на насъ доношеніе написать и ему подать, на что Александръ отвѣтствовалъ, что онъ того сдѣлать не можетъ, понеже онъ о своихъ господахъ ничего худаго не знаетъ.

„О семъ его неслыханномъ поступкѣ ярославская канцелярія лучшее извѣстіе подать можетъ. А послѣ допроса онаго Александра въ провинціальной канцеляріи, намъ онъ обратно отданъ, откуда на другой день по утру, какъ онъ одѣвалъ моего бо̀льшаго сына, изъ его горницы, по приказу господина капитанъ-поручика Дурнова, сержантомъ и солдатами взятъ подъ караулъ, и къ нему отведенъ; а что онъ тамъ съ нимъ дѣлалъ, то намъ неизвѣстно; и для того мы принятаго здѣсь нашего нѣмецкаго служителя къ нему посылали, чтобъ о томъ провѣдать, котораго офицеръ тотчасъ арестовалъ, и хотѣлъ-было его приказать сѣчь. Чрезъ часъ послѣ того пришелъ онъ (Дурной) къ намъ совсѣмъ перемѣнившись изъ лица, отъ злости. Къ нашему счастію случились тогда быть находящимся при канцеляріи подполковнику Артамону Левашову и отставному маіору Коковцеву, безъ которыхъ свидѣтелей чаятельно онъ о какомъ собственно изобрѣтеніи на насъ бѣдныхъ правительствующему сенату отрепортовалъ, и говоритъ мнѣ съ угрозою: знаю ли я кто онъ таковъ? и какъ я дерзновеніе принялъ, безъ его позволенія, того малаго въ здѣшнюю провинціальную канцелярію послать? А я ему отвѣтствовалъ весьма инаково и упустительно, что я къ нему тогда

стоявшаго у насъ на караулѣ сержанта Шипова посылалъ, чтобъ онъ малаго допросилъ, такожъ по прошествіи нѣкотораго времени и самъ ему припамятовалъ, чтобъ онъ что хотѣлъ съ нимъ сдѣлалъ, только я отъ него ничего въ отвѣтъ неполуча, принужденъ былъ упомянутаго малаго въ здѣшнюю провинціальную канцелярію отослать. Упомянутый сержантъ Шиповъ стоялъ тогда при томъ, и сказалъ оное своему командиру, въ глаза, что онъ о всемъ вышеупомянутомъ ему объявлялъ, такъ какъ я ему приказывалъ.

„Потомъ (Дурной) осердившись сказалъ, что онъ „равно какъ бы былъ у свиней“. Меньшой мой сынъ отвѣтствовалъ: „мы не хотимъ браниться; довольно того, что подполковникъ и маіоръ слышатъ, какъ вы насъ подчиваете“.

„Господинъ Дурной, повторяя свои прежнія слова, сказалъ, что онъ „еще хуже былъ, какъ у свиней“. Сей его гнѣвъ такимъ образомъ умножился, что онъ съ великою яростію изъ дому вышелъ, и караулъ у воротъ приставилъ, со строгимъ объ насъ приказомъ.

„Когда мои дѣти ему прежде того о его поступкахъ представляли, то онъ, по своему обыкновенію, экскузами отличался, или удивительно проклиная исправить хотѣлъ, мы же всегда противное тому провѣдывали.

„Такія его многократныя перемѣны въ его приказахъ, которые онъ своей командѣ давалъ, понеже мы думали, что оные высочайшимъ указомъ повелѣно, и о томъ у насъ немалое безпокойство, печали и великія алтераціи причинились. Мы же все оное сносили, и въ молчаніи уединенномъ на высочайшую ея императорскаго величества милость уповали, которую мы всегда признаваемъ, и за перемѣну капитана, припадая къ стопамъ, благодареніе приносимъ, и со всесовершеннѣйшимъ почтеніемъ, о высочайшемъ благополучіи нашей всемилостивѣйшей императрицы вѣчно Всемогущаго, съ искреннимъ тщаніемъ, и изъ истиннаго подданства, вѣрнонижайшими сердцами, молить будемъ. Марта 30 дня, 1753 года. Е. Іоганъ. Г. Ф. К.[1])“.

„Переводилъ переводчикъ Николай Дурасовъ“.

Дурново, сдавъ команду и арестантовъ смѣнившему его капитанъ-поручику Преображенскаго полка Булгакову, отправился въ Петербургъ и явился въ сенатъ, гдѣ на предложенные ему вопросные пункты далъ, 3-го іюня 1753 г., слѣдующее показаніе:

[1]) Т. е. Gerzog von Kurland.

„Въ бытность мою при Биронѣ съ фамиліей, чтобъ дѣти его Бирона, хотя прежде безъ караула и выхаживали, но по усмотрѣннымъ мною причинамъ, безъ солдатъ съ двора невыпущать я приказывалъ для того, чтобъ безъ присмотра съ двора не сходили, ибо оные живутъ въ разныхъ покояхъ, а часовому на крыльцѣ усмотрѣть не можно; а иногда тотъ караулъ отъ воротъ и сводилъ и приказывалъ отпускать ихъ съ присмотромъ, и то я чинилъ въ силу данныхъ мнѣ 1741 года, ноября 29 дня и 1749 года, іюня отъ 4 числа, указовъ; а когда они проходиться хотѣли, то отъ меня запрещенія не было, а позволяемо было, съ тѣмъ, чтобъ за ними солдаты были, а безъ того-бъ не ходили.

„Поваровъ я у себя по недѣлѣ варить и дневанье имѣть никогда неприказывалъ, точію, которые отъ него Бирона смѣнялись, то изъ нихъ двухъ по смѣнѣ, за пьянствомъ ихъ, въ квартиру отпускать не велѣлъ, а приказывалъ имъ быть на моей квартирѣ по недѣлѣ безъисходнымъ; а стряпать ихъ какъ у себя, такъ и у постороннихъ и у солдатъ непринуждалъ, а когда у меня или у постороннихъ случались компаніи, то какъ я, такъ и посторонніе, для стряпанья прашивали тѣхъ поваровъ у него Бирона и съ его позволенія употребляли. На мѣсто-жъ убылыхъ поваровъ, одного поварскаго сына Черкасова, который прежде жилъ у меньшаго его, Биронова, сына и потомъ учился на той же его Бироновой кухнѣ, и, по прошенію отца его, онаго повара о опредѣленіи его на кухню къ нему Бирону я въ сенатъ представлялъ, о чемъ и ему Бирону тогда-жъ до представленія сказывалъ, на что и онъ Биронъ говорилъ, чтобъ представить, почему и представилъ и указъ получилъ; а непотребства и злодѣйства тогда за нимъ никакого видно не было.

„Въ отведенномъ ему Бирону домѣ о починкѣ и пристройкѣ ему Бирону въ магистратъ представить не только недозволять или запрещать, но и самъ я о томъ въ магистратъ словесно неоднократно представлялъ и всегда починки и пристройки исправляемы были отъ того магистрата.

„Я жилъ въ отведенномъ отъ магистрата домѣ и дрова получалъ отъ того магистрата, по ихъ доброй волѣ, безъ принужденія, а кромѣ дровъ ничего не получалъ; а Бирону отпуска дровъ и ничего другаго отъ магистрата не было и я безъ указа не требовалъ, а покупалъ онъ Биронъ изъ получаемыхъ на содержаніе свое денегъ отъ себя.

„Служителямъ опредѣленное жалованье каждому порознь раздавалъ я какъ и прежде меня сначала другими офицерами

раздавалось, съ его Бирона воли, черезъ унтеръ-офицеровъ, кои деньги изъ казны принимали; а о выдачѣ арабки за пастора никакого требованія и сватовства я не употреблялъ, но точію доказывалъ ему Бирону, что пасторъ желаетъ на ней жениться и для того ко мнѣ приходилъ; и выдана она, по приказу его Бирона, самимъ имъ Бирономъ и у него Бирона въ домѣ.

„Никакихъ людей доносить на него Бирона ни о чемъ я не искалъ и никому не совѣтовалъ и прошеній подавать не приказывалъ.

„Служителю его Бирона Александру того, якобы онъ дворцовый, не говаривалъ; а говорилъ, что онъ опредѣленный и обстоитъ въ спискѣ у нихъ служителемъ и что ежели онъ не желаетъ у него служить, то чтобъ за него я старался—никогда не обнадеживалъ; точію оный служитель Александръ на большаго его Бирона сына однажды пришедъ ко мнѣ, на первой недѣлѣ великаго поста нынѣшняго года, жалобу приложилъ о битьѣ его и о худыхъ поступкахъ, къ которымъ его онъ, Бироновъ сынъ, принуждалъ. И о томъ я приказывалъ ему доношеніе къ себѣ подать для того, что ежели-бъ слѣдовало что представить, то представилъ-бы, а о прочемъ ему-бъ Бирону объявить, а на меньшаго его сына ни въ чемъ бить челомъ отставнаго сержанта я не научалъ; но только приходилъ ко мнѣ отставной гвардіи сержантъ съ жалобою на него, Биронова сына, въ битьѣ жены его, съ чего я посылалъ его сержанта ту жалобу принесть къ отцу его Бирону, точію оный сынъ его недопустилъ; и потомъ того сержанта къ нему Бирону я съ тою жалобою приводилъ, котораго они и удовольствовали; а на солдата Линева никакой жалобы я неслыхалъ, и у какого малаго тотъ солдатъ нѣсколько денегъ отнялъ,—о томъ я извѣстенъ не былъ; а про служителя Александра я, увѣдавъ, что онъ былъ содержанъ въ провинціальной канцеляріи, посылалъ унтеръ-офицера привести къ себѣ для спросу: для чего онъ въ той канцеляріи задержанъ былъ? о чемъ его я самъ и спрашивалъ письменно; а изъ покоевъ ли его Бирона его брали, или на дворѣ, того я не вѣдаю; и по спросѣ того-жъ числа отпустилъ, и что по спросу оказалось, въ сенатъ репортовалъ. А пришедшаго тогда ко мнѣ отъ него Бирона нѣмецкаго служителя неарестовалъ, но токмо съ показанія онаго Александра, что его тотъ нѣмецкій служитель въ канцелярію отводилъ, приказывалъ я въ квартирѣ своей ему подождать, пока освѣдомлюсь: не собою-ль онъ то дѣлалъ, а сѣчь его никакого намѣренія не имѣлъ.

„Такихъ рѣчей ему Бирону: знаетъ ли кто я таковъ, и какъ онъ Биронъ дерзновеніе принялъ, безъ моего позволенія, того малаго въ провинціальную канцелярію послать, я ни при комъ никогда неговорилъ, а говорилъ ему Бирону, что какъ онъ Биронъ послалъ того служителя, необъявя мнѣ, и то весьма не хорошо, ибо ему въ канцелярію никакого сношенія имѣть не должно, а что ему Бирону надобно, то-бъ объявилъ мнѣ.

„На оное Биронъ мнѣ хотя и говорилъ, якобы онъ того служителя принужденъ въ провинціальную канцелярію послать, для того будто отъ меня никакого отвѣта неполучилъ; но точію я ему отвѣтствовалъ, что предъ тѣмъ временемъ присылалъ онъ Биронъ ко мнѣ требовать солдатъ, чтобъ того служителя высѣчь, почему сержантъ съ солдатами и посланы были, но потомъ Биронъ тому сержанту объявилъ, что уже онъ его простилъ, и сѣчь не хочетъ, о чемъ и самъ мнѣ объявилъ, а притомъ ему Бирону того, что я, ровно какъ-бы былъ у свиней — неговаривалъ и на отвѣтствіе большаго его Бирона сына такими рѣчами, что я еще хуже былъ какъ у свиней, я не повторялъ; а говорилъ съ учтивостію такимъ образомъ, что: хотя-бы я и у свиней былъ, то-бъ и тутъ долженъ о своемъ вѣдомствѣ знать, а мнѣ о посылкѣ того малаго и сообщено не было, и потомъ я вышедъ отъ нихъ изъ дому, у воротъ караулъ приставить велѣлъ, съ такимъ о нихъ приказомъ, какъ и письменно отъ меня дано на основаніи мнѣ даннаго указа, дабы изъ двора безъ присмотра не сходили.

„Я имѣлъ высочайшіе ея императорскаго величества указы, каковы въ оригиналѣ и опредѣленному на смѣну мнѣ офицеру сданы; грубыхъ поступковъ и обидъ имъ Бирону съ фамиліею непоказывалъ, а вышеобъявленнымъ образомъ, какъ здѣсь показано, поступалъ я въ силу тѣхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ.

„И о всемъ вышеозначенномъ показалъ я самую истину, и ничего неутаилъ подъ опасеніемъ военнаго суда.

„Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Степанъ Дурново".

Сенатъ, повидимому, очень равнодушно отнесся къ дѣлу Бирона съ Дурново. По крайней мѣрѣ, снявъ съ послѣдняго показаніе, онъ не счелъ нужнымъ дополнять и продолжать слѣдствіе и только лишь пять съ половиной мѣсяцевъ спустя поднесъ императрицѣ докладъ, который также приводимъ здѣсь въ подлинникѣ:

„Высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ, объявленнымъ въ сенатѣ чрезъ господина генералъ-адъютанта и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова, марта 14 дня, сего 1753 года, повелѣно находящагося въ Ярославлѣ при бывшемъ герцогѣ Биронѣ лейбъ-гвардіи капитана Дурново, о коемъ вашему императорскому величеству извѣстно, что явился въ нѣкоторыхъ непорядочныхъ противъ его, Бирона, поступкахъ, чего ему и въ инструкціи не написано, другимъ оберъ-офицеромъ смѣнить и какіе онъ непорядки чинилъ, о томъ отъ реченнаго бывшаго герцога взявъ извѣстіе, сенату чрезъ кого надлежитъ изслѣдовать и вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доложить.

„По тому вашего императорскаго величества высочайшему указу, на смѣну находящагося въ Ярославлѣ, при помянутомъ бывшемъ герцогѣ Биронѣ, капитана-поручика Дурнова, отправленъ изъ сената съ указомъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Булгаковъ, который его, Дурнова, и смѣнилъ; а о чинимыхъ имъ Дурновымъ непорядочныхъ противъ Бирона поступкахъ, взятое отъ него Бирона на нѣмецкомъ діалектѣ, за его рукою, извѣстіе, прислалъ при рапортѣ своемъ, также и онъ Дурновъ явился въ сенатъ.

„И по переводѣ того извѣстія на россійскій діалектъ, противъ онаго по учиненнымъ вопроснымъ пунктамъ, онъ капитанъ-поручикъ Дурновъ передъ собраніемъ сената допрашиванъ. И во исполненіе онаго вашего императорскаго величества указа, означенное отъ него Бирона взятое за его рукою извѣстіе, въ переводѣ и съ допроса копіи, вашему императорскому величеству сенатъ всеподданнѣйше при семъ поднося, представляетъ:

„Хотя онъ Дурновъ въ допросѣ своемъ въ показанныхъ на него противъ Бирона непорядочныхъ поступкахъ и производимыхъ ему Бирону обидахъ и не признался, слѣдствія же и очныхъ ставокъ не произвожено, но правительствующій сенатъ изъ собственнаго его Дурнова въ допросѣ показанія, усматриваетъ его, Дурнова, противные даннымъ ему указамъ и непорядочные съ обидою ему Бирону и его фамиліи, поступки, а именно:

„1) По своей волѣ онъ Дурновъ къ воротамъ караулъ приставлялъ, а иногда сводилъ и опять приставлялъ, съ приказаніемъ дабы изъ двора безъ присмотра не сходили, чрезъ что ему Бирону и сомнительство наносимо было, якобы по особо данному указу такъ съ ними поступать велѣно; а ему Дурнову кромѣ данныхъ ему отъ вашего императорскаго величества ноя-

бря 29 дня 1741 года, марта 30 дня 1742 года, іюня 4 дня 1749 года, указовъ, по которымъ велѣно куда они вытти похотятъ болѣе 20 верстъ, то ихъ за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ отпускать и во удовольствіи снабжать, дабы они ни въ чемъ нужды не имѣли; другихъ, въ отмѣну оныхъ, никакихъ указовъ дано не было; почему ему Дурнову въ приставливаніи къ воротамъ карауловъ перемѣнъ собою чинить и тѣмъ имъ сомнѣніе наносить не надлежало.

„2) Изъ опредѣленныхъ къ нему Бирону поваровъ, двухъ онъ Дурновъ на квартирѣ своей, якобы за пьянствомъ ихъ безъисходныхъ удерживалъ и неотпускалъ; на квартиру-жъ свою дрова онъ Дурновъ отъ магистрата получалъ, безъ указнаго повелѣнія, а Биронъ изъ даваемыхъ на его содержаніе покупалъ.

„3) Служителямъ его Бирона опредѣленныя изъ казны деньги онъ Дурновъ команды своей черезъ унтеръ-офицеровъ раздавалъ и въ то вступался собою не дѣльно, ибо по данному ему Дурнову указу велѣно опредѣленныя на содержаніе всѣхъ ихъ деньги, также если есть и оставшіе у офицеровъ, которые уже имъ подлежатъ отдать, и впредь принимая изъ подлежащихъ мѣстъ, отдавать имъ въ руки, а офицерамъ, состоящимъ при нихъ на караулѣ, до тѣхъ денегъ не касаться.

„4) Служителю его Бирона, Александру, который на большаго Биронова сына жалобы ему Дурнову приносилъ, онъ Дурновъ толковалъ, что де онъ опредѣленный и обстоитъ въ спискѣ у нихъ служитель, и о той жалобѣ доношеніе къ себѣ подать приказывалъ; и потомъ изъ покоевъ его Бирона, черезъ посланнаго унтеръ-офицера, того служителя для спроса къ себѣ бралъ и пришедшаго отъ Бирона для провѣдыванія нѣмецкаго служителя въ квартирѣ своей удерживалъ, что ему Дурнову чинить не надлежало.

„Сверхъ же того онъ Дурновъ и персонально имъ Биронамъ неучтиво такими рѣчьми говорилъ, что хотябъ онъ Дурновъ и у свиней былъ, тобъ и тутъ долженъ о своемъ вѣдомствѣ знать, и потомъ онъ Дурновъ, вышедъ отъ нихъ изъ дому, у воротъ караулъ приставлялъ, въ чемъ и въ допросѣ своемъ не заперся.

„За такіе его Дурнова, въ бытность при немъ Биронѣ, непорядочные поступки, что съ нимъ учинить повелѣно будетъ, сенатъ проситъ вашего императорскаго величества высочайшаго указа. А до полученія онаго сенатомъ опредѣлено ему капитанъ-поручику Дурнову, яко находящемуся подъ слѣдствіемъ, отъ полку жалованье производить половинное. Подлинное под-

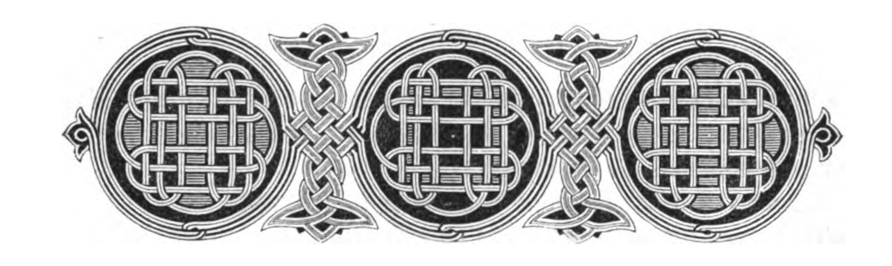
писали: Александръ Бутурлинъ, князь Борисъ Юсуповъ, Иванъ Бахметьевъ, князь Иванъ Щербатовъ, князь Иванъ Одоевской. 14 ноября, 1753 года".

Докладъ этотъ, подобно множеству другихъ бумагъ, представлявшихся на разсмотрѣніе императрицы, пролежалъ болѣе двухъ лѣтъ безъ всякой резолюціи и Дурново, считаясь подъ судомъ при сенатѣ и получая половинное содержаніе, находился въ полку и исполнялъ всѣ служебныя обязанности. Наконецъ, въ 1755-мъ году, онъ былъ произведенъ изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи въ полковники въ армію. Видя въ своемъ производствѣ какъ бы признаніе своей невинности, Дурново подалъ на высочайшее имя прошеніе и ходатайствовалъ о выдачѣ ему удержаннаго жалованья и раціоновъ за все время бытности подъ судомъ. Тогда дѣло его вторично было доложено государынѣ, которая изустно повелѣла освободить Дурново отъ суда, оставивъ просьбу его о выдачѣ удержаннаго жалованья безъ удовлетворенія.

Что касается Бирона, то въ 1762 году, при восшествіи на престолъ Петра III, онъ, какъ извѣстно, получилъ свободу и просилъ разрѣшенія ѣхать въ Курляндію; но императоръ, намѣревавшійся сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ своего дядю принца Георга Голштинскаго, удержалъ его въ Петербургѣ и послѣ долгихъ переговоровъ принудилъ подписать отреченіе отъ герцогскихъ правъ на Курляндію въ пользу принца Георга. Однако императрица Екатерина II, вскорѣ послѣ своего воцаренія, устранила сдѣлку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и возстановила перваго во всѣхъ его правахъ.

Биронъ управлялъ Курляндіей до 1769 года, когда, одряхлѣвъ совершенно, передалъ власть своему старшему сыну Петру. Биронъ умеръ въ Митавѣ, 17-го декабря 1772 года. Бальзамированный трупъ его, съ горбатымъ носомъ и жесткими чертами лица, одѣтый въ бархатный коричневый кафтанъ французскаго покроя съ нашитой на груди андреевской звѣздой, покоится въ склепѣ герцогскаго дворца и до сихъ поръ показывается желающимъ за цѣлковый, заплаченный кистеру.

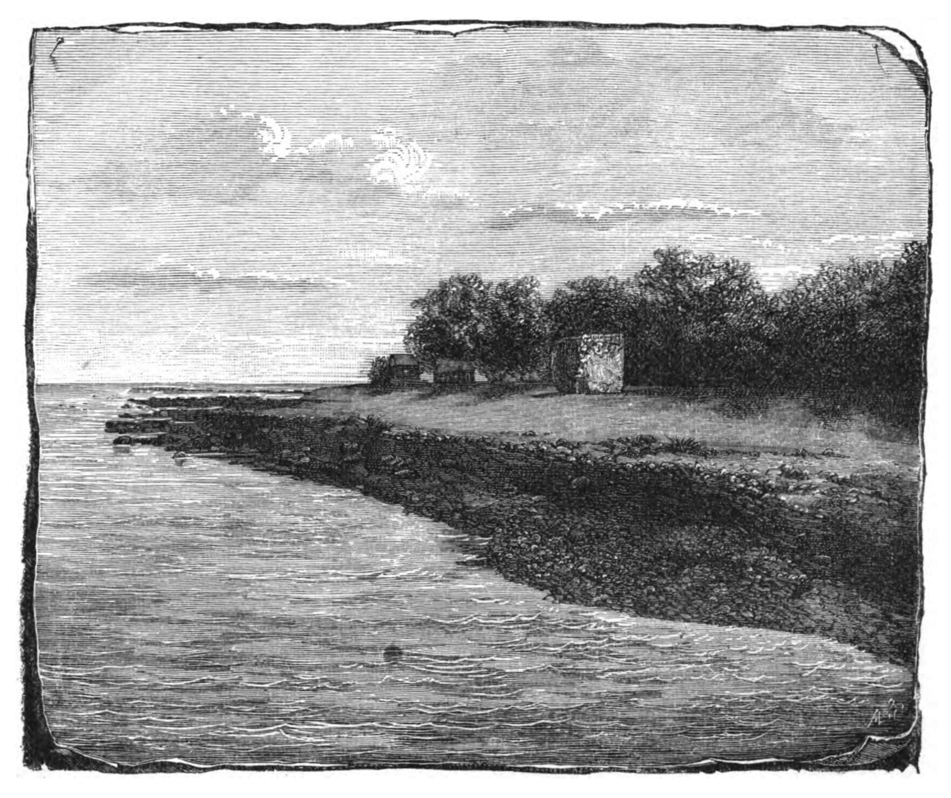
ПАМЯТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ СЕСТРОРѢЦКѢ.

Вскорѣ послѣ основанія Петербурга и Кронштадта, Петръ Великій, убѣдившись въ затруднительности снабженія создаваемаго имъ балтійскаго флота огнестрѣльнымъ оружіемъ и другими воинскими припасами изъ внутреннихъ губерній Россіи, рѣшилъ построить вблизи столицы обширный оружейный заводъ со всѣми усовершенствованіями, видѣнными имъ заграницей. Выборъ мѣста для такого важнаго сооруженія требовалъ особеннаго вниманія, и потому Петръ лично изслѣдовалъ всѣ окрестности, и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ подходящую мѣстность въ 26 верстахъ отъ Петербурга къ сѣверо-западу, на береговой, песчаной отлогости, въ двухъ верстахъ отъ впаденія рѣки Сестры въ Финскій заливъ.

Изобиліе воды, необозримые лѣса, близость моря, столицы и Кронштадта вполнѣ удовлетворяли желаніямъ Петра. Здѣсь, на крутомъ поворотѣ рѣки Сестры, образующемъ какъ бы полуостровъ, онъ заложилъ, въ 1716 году, главную плотину и распланировалъ зданія будущаго завода, названнаго имъ Систербекскимъ, или Сестрорѣцкимъ. Всѣ строительныя работы были возложены на приписныхъ крестьянъ Выборгскаго уѣзда, Кивиновanской и Новокирхской деревень. Для руководства же этими крестьянами были переселены на постоянное жительство въ заводъ нѣсколько искуснѣйшихъ олонецкихъ плотниковъ съ семействами.

До заключенія мира съ Швеціей, Петръ, озабоченный гораздо болѣе важными государственными дѣлами, не имѣлъ возможности наблюдать за ходомъ работъ въ Сестрорѣцкѣ, и потому постройки подвигались впередъ очень медленно. Но въ

1720 году, когда начались мирные переговоры на Аландскомъ конгрессѣ и Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ, постройка завода оживилась съ необычайной энергіей, такъ что черезъ годъ главная плотина, всѣ деревянныя фабрики, казармы для помѣщенія рабочихъ, были уже совершенно окончены, и къ величайшему удовольствію государя заводъ открылъ свои дѣйствія въ 1722 году изготовленіемъ фузей и другаго оружія.

Остатки дворца Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.

Съ фотографіи художника Савельева.

Въ 1724 году, въ Сестрорѣцкъ были выписаны изъ Пруссіи, Швеціи и Польши искусные мастера для отдѣлки оружія и принадлежностей къ нему по европейскимъ образцамъ, съ условіемъ, чтобы къ окончанію контрактнаго срока они вполнѣ научили своему ремеслу избранное число сестрорѣцкихъ оружейниковъ, за что, сверхъ условленной цѣны, правительство обязалось наградить ихъ особыми суммами.

При обзорѣ заводскихъ окрестностей, Петру очень понравилось мѣстоположеніе выдавшагося въ Финскій заливъ мыса, и онъ, въ 1720 году, приказалъ выстроить на немъ, по плану имъ самимъ составленному, трехъ-этажный каменный дворецъ, который и былъ совершенно оконченъ на слѣдующій годъ. Во время частыхъ посѣщеній завода, государь останавливался въ этомъ дворцѣ и въ свободные часы занимался разведеніемъ сада съ

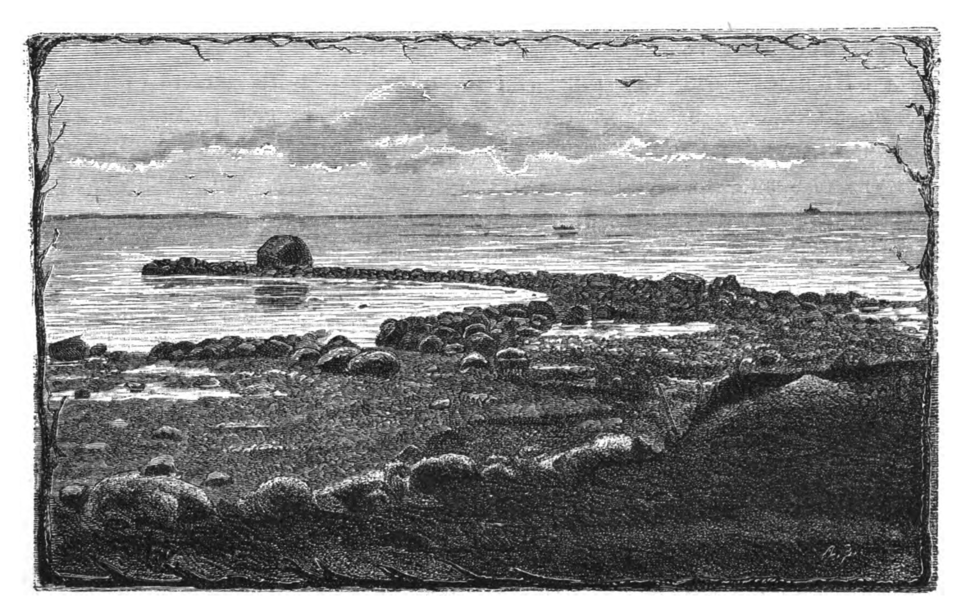
Дубовая роща, посаженная Петромъ Великимъ въ Сестрорѣцкѣ.

Съ фотографіи художника Савельева.

фруктовыми деревьями. По дорогѣ отъ завода къ дворцу тянулась дубовая аллея, болѣе похожая на рощу; многіе изъ дубовъ, по сохраняющемуся среди сестрорѣцкихъ жителей преданію, были посажены и взлелѣяны рукою Петра Великаго. Большая часть ихъ и до сихъ поръ пощажена бурями и всесокрушающимъ временемъ. Дворецъ былъ убранъ очень просто, но со вкусомъ, и заключалъ въ себѣ все необходимое для загородной дачи. Въ

церковь, устроенную во дворцѣ, при ея освященіи государь перенесъ изъ Петербургскаго Троицкаго собора образъ св. Николая чудотворца. Садъ и его дубовыя аллеи были окружены рвомъ въ полъ-сажени глубиною, а внутри находились пруды. Хотя они теперь и заросли, но правильность береговъ ихъ видна до сихъ поръ.

Противъ дворца, на юго-востокъ, была устроена небольшая гавань, въ которой помѣщались суда, приходившія изъ Кронштадта за издѣліями завода, или привозившія въ послѣдній съѣстные припасы и матеріалы для работъ. Береговая часть гавани была укрѣплена бревенчатыми сваями въ два ряда, съ значительною насыпью, служившею какъ бы бульваромъ передъ дворцомъ. Отъ гавани въ настоящее время сохранились еще коегдѣ остатки свай.

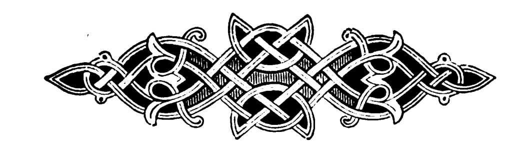
Мѣсто, гдѣ находилась бесѣдка Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.
Съ фотографіи художника Савельева.

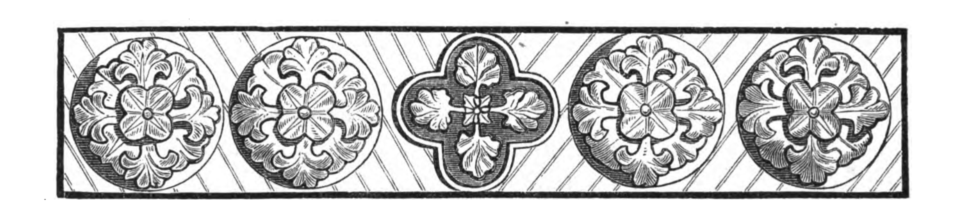
На огромномъ гранитномъ рифѣ, выдавшемся въ заливъ, въ ста саженяхъ отъ берега, противъ дворца, была построена на желѣзныхъ рамахъ бесѣдка, гдѣ Петръ любилъ угощать почетныхъ гостей, посѣщавшихъ Сестрорѣцкъ. На этой скалѣ, обнажающейся при убыли воды отъ продолжительнаго сѣверо-восточ-

наго вѣтра, и теперь еще замѣтны мѣста, залитыя свинцомъ, гдѣ были укрѣплены рамы бесѣдки.

По кончинѣ Петра Великаго, дворецъ Сестрорѣцкій, не посѣщаемый никѣмъ, оставался въ запустѣніи и началъ мало-по-малу разрушаться. Всѣ украшенія его и утварь, какъ-то: зеркала, драпировки, мебель, были взяты обратно въ гофъ-интендантскую контору, а иконостасъ и церковныя принадлежности пожертвованы въ Петропавловскую Сестрорѣцкую церковь, гдѣ хранятся до сего времени. Церковь эта первоначально была деревянная, но въ 1782 году вмѣсто нея стали строить каменную, и императрица Екатерина II разрѣшила разобрать полуразрушенный дворецъ и употребить оставшійся отъ него кирпичъ на церковную постройку.

Надалеко отъ Сестрорѣцка находится селеніе Лахта, памятное тѣмъ, что здѣсь въ октябрѣ 1724 года Петръ Великій, спасая ставшій на мель ботъ съ солдатами, получилъ ту смертельную болѣзнь, которая черезъ два мѣсяца свела его въ могилу. Изъ гранитныхъ глыбъ, окружающихъ берега близь Лахты, впослѣдствіи взятъ громадный камень, служащій подножіемъ конной статуи великаго царя на Сенатской площади, въ Петербургѣ.

ХОЛМОГОРСКАЯ СТАРИНА.

Сѣверная Двина за 112 верстъ до впаденія въ Бѣлое море образуетъ своими рукавами нѣсколько острововъ. На одномъ изъ нихъ находится уѣздный городъ Архангельской губерніи — Холмогоры. Съ восточной стороны онъ прилегаетъ къ рукаву Двины, называемому Куроползкою, а съ остальныхъ трехъ сторонъ окруженъ обширными и роскошными лугами, омываемыми рѣчкою Оногрою. По этимъ лугамъ идетъ въ Холмогоры почтовая дорога. Ровно и гладко стелется она, — не въ примѣръ всѣмъ другимъ архангельскимъ дорогамъ. Взоры путешественника, утомленные однообразными, унылыми видами дикой архангельской природы, съ пустынными полянами, кочками и болотами, лѣсами съ чахлыми, малорослыми деревьями, отдыхаютъ на веселыхъ, раскинувшихся въ даль лугахъ, замыкаемыхъ волнистою линіею холмовъ и пригорковъ съ разбросанными на нихъ деревнями.

Но насколько живописны окрестности Холмогоръ, настолько же некрасивъ и бѣденъ самый городъ. Посрединѣ его тянется грязная, кривая улица, прерываемая пустырями, заросшими травой. Сотни полторы домовъ, искривленныхъ и почернѣвшихъ отъ ветхости, виднѣются въ разныхъ направленіяхъ на двухъ верстномъ пространствѣ. Единственный въ городѣ каменный казенный домъ представляется роскошными палатами среди своихъ убогихъ деревянныхъ сосѣдей... И еще грязнѣе и унылѣе кажется городъ, когда взглянешь на его роскошную рѣку, на зеленые острова съ деревнями на холмахъ и полями по косогорамъ.

А между тѣмъ этотъ городокъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ на Руси и игралъ нѣкогда довольно важную роль въ исторіи сѣверо-востока нашего отечества. Пронеслись надъ нимъ

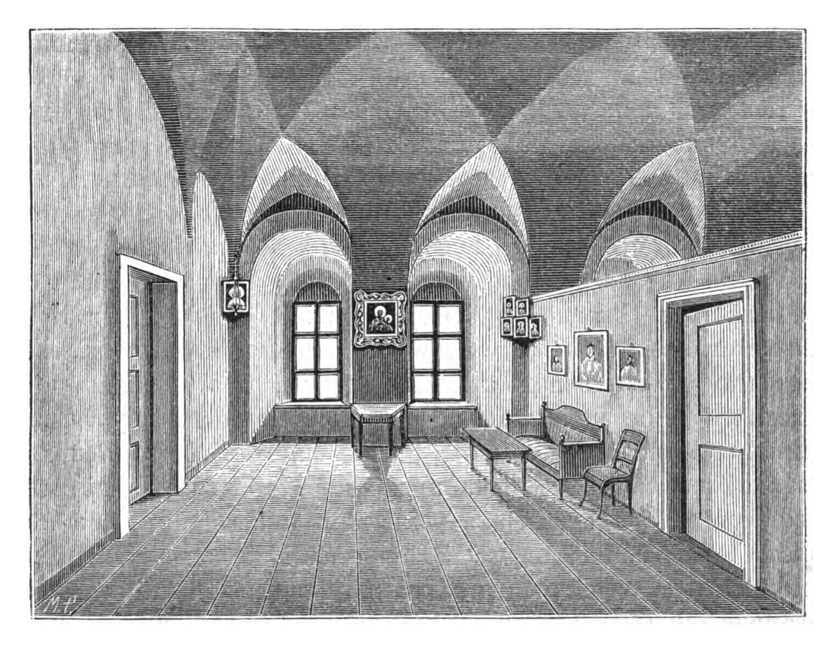
чуть не сказочныя времена владычества бѣлоглазой чуди, видалъ онъ и буйную вольницу новгородскую, былъ центромъ администраціи и торговли на дальнемъ сѣверѣ во времена московскихъ царей, здѣсь жили правители Двинской области и архіереи холмогорской и важской епархіи. Однимъ словомъ, вся древняя исторія сѣвернаго края Россіи выразилась въ исторіи Холмогоръ, точно такъ же какъ новая исторія этого края тѣсно связана съ Архангельскомъ.

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.
Съ гравюры 1840 года.

Изъ памятниковъ старины, свидѣтельствующихъ о быломъ значеніи Холмогоръ, до нашихъ дней сохранилось только два: соборъ во имя Преображенія Господня и женскій Успенскій монастырь, передѣланный изъ прежняго архіерейскаго дома, гдѣ почти сорокъ лѣтъ томилось въ тѣсномъ заключеніи Брауншвейгское семейство. Объ этихъ памятникахъ мы и хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Спасо-Преображенскій соборъ, во времена Петра Великаго, считался, въ сравненіи съ другими, первымъ въ краѣ по величинѣ и красотѣ. Онъ каменный, пятиглавый, построенъ въ византійскомъ стилѣ и не имѣетъ придѣловъ. Свѣтъ проходитъ въ окна, расположенныя въ два яруса и въ трехъ куполахъ, опирающихся на четыре столба; остальные два купола не имѣютъ оконъ. Колокольня, въ видѣ башни, въ нижней своей части четырехъ-угольная, а въ верхней восьми-угольная; по срединѣ ея вдѣланы стариннаго устройства желѣзные часы съ боемъ. Ико-

Комната Анны Леопольдовны въ зданіи Успенскаго монастыря.

Съ гравюры 1840 года.

ностасъ собора деревянный, четырехъ-ярусный, окрашенъ голубой краской съ вызолоченной, потемнѣвшей отъ времени, рѣзьбой. Престолъ и жертвенники изъ кипариса. Въ напрестольномъ ковчегѣ хранятся части мощей св. Василія Анкирскаго, св. великомученика Никиты, мученика Христофора и частица гроба Господня. У южной и сѣверной стѣнъ храма находятся десять надгробій, покрытыхъ черными пеленами; здѣсь покоятся умершіе архіереи, погребенные подъ церковнымъ помостомъ. Прежде надъ гробницами висѣли и портреты усопшихъ, но теперь они убраны, во избѣжаніе порчи отъ сырости. Соборъ заложенъ при

первомъ архіепископѣ холмогорскомъ Афанасіи 27-го августа 1685 года, въ четвертый годъ по учрежденіи здѣсь епархіи. Постройка окончена въ шесть лѣтъ; на нее употреблено 6.504 рубля 47 коп. частію изъ суммъ, пожалованныхъ государемъ, и частію на иждивеніи домовыхъ имѣній преосвященнаго и добровольныхъ пожертвованій.

Архіерейскій каменный домъ, нынѣ женскій Успенскій монастырь, построенъ почти одновременно съ Преображенскимъ соборомъ, именно въ 1691 году. До 1744 года въ немъ имѣли постоянное жительство архіереи; но въ этомъ году онъ былъ отобранъ въ казну и назначенъ мѣстомъ заточенія Брауншвейгскаго семейства.

Печально и неудобно было жилище несчастной принцессы Анны Леопольдовны, ея мужа и дѣтей. Обширный дворъ архіерейскаго дома, заключающій въ себѣ вмѣстѣ съ землею, занятой строеніями, до 2.084 квадратныхъ саженъ, былъ обнесенъ высокимъ тыномъ или оградою, вокругъ которой днемъ и ночью постоянно ходили часовые для того, чтобы никто не смѣлъ сюда приближаться. Главное зданіе, служившее тюрьмой для Брауншвейгскаго семейства и занимаемое теперь монастыремъ, возвышается у юго-восточной стороны ограды. Въ верхнемъ этажѣ каменнаго дома, примыкающаго къ монастырской церкви, находится небольшая комната, съ однимъ окномъ на дворъ и двумя дверями, изъ которыхъ одна прямо противъ входа, а другая въ лѣвой стѣнѣ. Эта небольшая комната служила передней помѣщенія Анны Леопольдовны. Здѣсь стоитъ небольшой, низенькій комодецъ изъ дубоваго дерева съ массивными мѣдными ручками и замочными бляхами, принадлежавшій бывшей правительницѣ Россіи. Сохранилось еще туалетное зеркало въ рѣзной на ножкахъ рамѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ скрѣпленной веревочками; оно составляло собственность дочерей Анны Леопольдовны и нѣкогда отражало ихъ лица. Дверь, противоположная входу въ переднюю, ведетъ въ огромный залъ, занятый теплою монастырской церковью. Въ правой сторонѣ устроенъ алтарь съ небольшимъ иконостасомъ. Потолокъ безъ сводовъ; въ срединѣ онъ поддерживается четырехугольнымъ каменнымъ столбомъ, около котораго помѣщены иконы. При Брауншвейгскомъ семействѣ церкви здѣсь не было; эта огромная комната служила **заломъ**. Она очень слабо освѣщена нѣсколькими окнами, находящимися на одной только сторонѣ. Часть свѣта проходитъ также въ стеклянныя двери въ стѣнѣ противъ входа, ведущія въ другую цер-

ковь, гдѣ богослуженіе отправляется только лѣтомъ. Церковь имѣетъ куполъ. До прибытія Брауншвейгскаго семейства она была крестовою (потому что здѣсь жили архіереи), а затѣмъ переименована въ церковь Зачатія св. Анны и поступила въ придворное вѣдомство. По отправкѣ Брауншвейгскаго семейства въ Данію, въ 1780 году, императрица Екатерина II приказала перевести иконостасъ этой церкви въ деревню Ракулу, въ 60-ти верстахъ отъ Холмогоръ, а вмѣсто него поставить новый.

Деревня Денисовка.

Съ гравюры 1840 года.

Дверь въ лѣвой стѣнѣ передней ведетъ въ комнату, называемую гостиной Анны Леопольдовны. Эта комната со сводами и хорошо освѣщена тремя окнами, выходящими на почтовую дорогу; она была раздѣлена деревянною перегородкою на двѣ части: большая имѣла до 13-ти шаговъ въ длину и столько же въ ширину. Мебель гостиной состоитъ изъ дивана, стула и двухъ столовъ. Надъ диваномъ висятъ три портрета, между которыми

средній, Петра Великаго, довольно схожій; въ простѣнкѣ оконъ большой образъ Божіей Матери. Видъ этой комнаты изображенъ на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ.

Передъ домомъ, въ оградѣ, находится большой прудъ, на которомъ заключеннымъ позволялось кататься въ шлюбкѣ; они выходили къ пруду по маленькому крыльцу, существующему до сихъ поръ возлѣ комнаты принцессы Анны. Близь пруда былъ сарай, вмѣщавшій въ себѣ старую карету; узники пользовались правомъ отъѣзжать въ ней иногда сажень на двѣсти отъ своего жилища. Въ карету обыкновенно впрягали шесть лошадей; обязанности кучера, форейтора и лакеевъ исполняли солдаты. На такомъ незначительномъ протяженіи совершались всѣ ихъ прогулки. Арестанты никого не видѣли кромѣ людей, приставленныхъ къ нимъ для услуженія. Одна команда караульныхъ солдатъ помѣщалась въ особой казармѣ, построенной у входа въ ограду, а другая находилась въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ содержалось Брауншвейгское семейство. Обѣимъ командамъ, хотя и имѣвшимъ одно и то же назначеніе, было строго воспрещено сноситься между собою. Глубокая, непроницаемая тайна окружала жилище узниковъ. Ни одинъ посторонній, любопытный взоръ не проникалъ во внутренность; никто, даже врачъ, не допускался къ нимъ безъ разрѣшенія губернатора, изрѣдка пріѣзжавшаго въ Холмогоры изъ Архангельска. Холмогорскіе жители знали, что въ этихъ безмолвныхъ стѣнахъ живутъ какіе-то „важные арестанты", но какіе именно, того не вѣдалъ никто. Народъ далъ этой тайнѣ названіе „неизвѣстной комиссіи", которое повторяется на мѣстѣ до сего времени.

На содержаніе Брауншвейгскаго семейства не было назначено опредѣленной суммы; но отпускалось ежегодно изъ архангелогородскаго магистрата отъ 10 до 15 тысячъ рублей. Деньги эти расходовались по усмотрѣнію губернаторовъ, которые поступали относительно несчастныхъ узниковъ крайне недобросовѣстно, заставляя ихъ терпѣть во всемъ нужду и лишенія.

Умственная жизнь арестантовъ была самая жалкая. Какъ уже сказано, они не видѣли вокругъ себя никого, кромѣ прислуги и солдатъ. Единственныя развлеченія ихъ состояли въ чтеніи церковныхъ книгъ, игрѣ въ карты, или шашки, работахъ въ саду и ухаживаніи за курами и утками. Приставленные къ нимъ люди тоже не могли никуда ходить съ архіерейскаго двора, что, разумѣется, вредно отражалось на ихъ нравственности. Рапорты, посылавшіеся въ Петербургъ, наполнены

донесеніями о ссорахъ, дракахъ, дерзостяхъ прислуги, о незаконно прижитыхъ дѣтяхъ и т. п.

Ненормальныя условія жизни вліяли также на здоровье и физическое развитіе узниковъ: всѣ дѣти Анны Леопольдовны, жившіе въ Холмогорахъ, принцы Петръ и Алексѣй и принцессы Екатерина и Елисавета, были или косноязычны, или горбаты, кривобоки, страдали разными хроническими болѣзнями [1]).

Анна Леопольдовна и принцъ Антонъ-Ульрихъ умерли въ холмогорской тюрьмѣ, но это нисколько не облегчило участи ихъ

Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.
Съ гравюры 1840 года.

дѣтей, которые и послѣ смерти родителей продолжали томиться въ тѣсномъ заключеніи еще шесть лѣтъ, до 1780 года, когда, наконецъ, императрица Екатерина рѣшилась освободить ихъ и выслать въ Данію. Но къ чему была теперь свобода этимъ одичавшимъ, полуграмотнымъ, больнымъ людямъ? они сами отказывались отъ нея.

---

[1]) Старшій сынъ Анны Леопольдовны, императоръ Иванъ Антоновичъ, содержался, какъ извѣстно, отдѣльно, въ шлиссельбургской крѣпости.

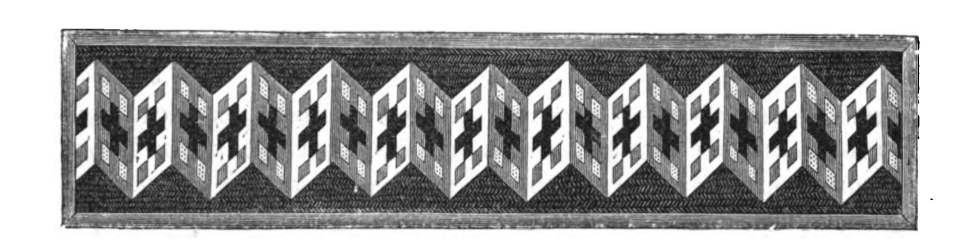
— Прежде для насъ было очень желательно жить въ большомъ свѣтѣ, говорила принцесса Елисавета А. П. Мельгунову, присланному императрицей въ Холмогоры для отправки Браун-швейгскаго семейства за границу,—по молодости своей мы надѣялись еще научиться свѣтскому обращенію; но въ теперешнемъ положеніи не остается намъ ничего больше желать какъ только того, чтобы жить здѣсь въ уединеніи. Разсудите сами, можемъ ли мы пожелать чего нибудь, кромѣ этого. Мы здѣсь родились, привыкли къ здѣшнему мѣсту и застарѣли. Теперь большой свѣтъ не только для насъ не нуженъ, но и будетъ тягостью; мы даже не знаемъ какъ обходиться съ людьми, а научиться тому уже поздно. Но просимъ васъ исходатайствовать намъ у ея величества милость, чтобы позволено намъ было выѣзжать изъ дома на луга для прогулки; мы слыхали, что тамъ есть цвѣты, какихъ въ саду нашемъ нѣтъ. Офицеры, которые теперь при насъ, имѣютъ женъ; мы просимъ позволенія имъ ходить къ намъ, а намъ къ нимъ, для препровожденія времени, а то иногда намъ бываетъ скучно. Просимъ еще дать намъ такого портнаго, который могъ бы на насъ шить платья. По милости государыни, присылаютъ намъ изъ Петербурга корсеты, чепчики и токи; но мы ихъ не употребляемъ, для того, что ни мы, ни дѣвки наши не знаемъ, какъ ихъ надѣвать и носить. Сдѣлайте милость, пришлите такого человѣка, который умѣлъ бы наряжать насъ. Баня въ саду стоитъ близко къ нашимъ деревяннымъ покоямъ; мы боимся, чтобы намъ не сгорѣть; прикажите отнести ее подальше. Если вы исходатайствуете намъ все это, то мы будемъ очень довольны, ни о чемъ болѣе утруждать не станемъ, ничего больше не желаемъ и рады остаться въ такомъ положеніи на вѣкъ“.

Эти скромныя желанія, высказанныя принцессой Елисаветой Мельгунову, показываютъ, до какой степени были ограничены требованія и вкусы несчастныхъ узниковъ, и какъ мало интересовались они тѣмъ, что находилось за предѣлами ихъ тюрьмы. Впрочемъ, принцесса Елисавета была совершенно права, упрашивая императрицу оставить ихъ въ мѣстѣ долголѣтняго заключенія. Отправленные въ Данію, дѣти Анны Леопольдовны до самой смерти влачили тамъ весьма жалкое существованіе и много разъ съ сожалѣніемъ вспоминали о Холмогорахъ...

Говоря о холмогорской старинѣ, нельзя не упомянуть о деревнѣ Денисовкѣ, мѣстѣ рожденія Ломоносова. Деревня эта, на-

зываемая въ народѣ „Болотомъ“, находится всего въ трехъ верстахъ разстоянія отъ Холмогоръ, на юго-западной части Куръострова, образуемаго рукавами Двины: Куроползкою и Куростровкою. Денисовка имѣетъ всего 10 домовъ. Земля, на которой родился и жилъ Ломоносовъ, принадлежитъ въ настоящее время крестьянину Шубному. Отъ дома, бывшаго жилищемъ Ломоносова, не сохранилось и слѣда. Существуютъ только полусгнившіе остатки сруба, служившаго фундаментомъ другому дому, построенному какимъ-то крестьяниномъ на этомъ мѣстѣ; послѣдній находится между домомъ Шубнаго и амбаромъ; позади его виднѣется на высокомъ холмѣ вѣтряная мельница, а впереди каменная куростровская церковь, близь которой начинается песчаный берегъ мелкой и не широкой Куроползки, огибающей Куръ-островъ почти подъ прямымъ угломъ. Жители Денисовки совершенно равнодушны къ памяти своего знаменитаго уроженца и самое имя его уже начинаетъ забываться ими...

КИРЬЯНОВО, ДАЧА КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Въ прошломъ столѣтіи, вдоль петергофской дороги, начиная отъ Екатерингофа до Стрѣльны, тянулся почти непрерывный рядъ дачъ, дворцовъ и садовъ, принадлежавшихъ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ русскимъ вельможамъ и банкирамъ. Въ то время всякій состоятельный человѣкъ стремился провести лѣто въ этомъ самомъ модномъ тогда загородномъ мѣстѣ. Въ праздничные и воскресные дни, петербургскіе жители, цѣлыми семьями, съ утра отправлялись подышать свѣжимъ воздухомъ на петергофскую дорогу, гдѣ многіе владѣльцы садовъ не только радушно открывали ихъ для публики, но и оказывали при этомъ чисто русское гостепріимство. Такъ, напримѣръ, на дачѣ оберъ-шенка А. А. Нарышкина, носившей оригинальное названіе: „Ба! Ба!“ гуляющимъ разносили во множествѣ разнаго рода напитки и лакомства, а у входа въ садъ оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина была прибита доска съ надписью, приглашавшею всѣхъ городскихъ жителей пользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулкою въ его саду „для разсѣянія мыслей и соблюденія здоровья“.

Заселеніе петергофской дороги началось со времен Петра Великаго, который послѣ постройки Екатерингофа сталъ раздавать здѣсь своимъ приближеннымъ безвозмездно участки земли отъ 50 до 200 саженъ въ поперечникѣ, во всю длину до самаго залива. Можно представить, сколько усилій и пожертвованій, или, лучше сказать, сколько милліоновъ пришлось затратить владѣльцамъ для превращенія этой болотистой мѣстности въ роскошные сады и парки! Извѣстный острякъ екатерининской эпохи, генералъ С. Л. Львовъ, едва ли много преувеличивалъ, выразив-

шись однажды о дачѣ А. А. Нарышкина, что для того, „чтобы вымести ее два раза, должно расквитаться съ обыкновеннымъ дворянскимъ имѣніемъ". Но мода измѣнилась. Въ царствованіе императора Александра I любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ двора и аристократіи сдѣлались острова: Аптекарскій, Каменный, Елагинъ, затѣмъ Царское Село и Павловскъ. Вельможи, чтобы находиться ближе ко двору, стали строиться во вновь облюбованныхъ мѣстностяхъ, а заброшенныя лѣтнія резиденціи ихъ

Видъ Кирьяновскаго дома и сада княгини Е. Р. Дашковой.

Съ гравюры прошлаго столѣтія.

по петергофской дорогѣ начали понемногу переходить въ руки мелкаго купечества и теперь вмѣсто роскошныхъ садовъ и парковъ здѣсь виднѣются лишь пустыри, а когда-то великолѣпныя хоромы, покосившіяся и полуразвалившіяся, заняты фабриками, постоялыми дворами, трактирами и кабаками.

Недавно, извѣстный собиратель русскихъ гравюръ, П. Я. Дашковъ, пріобрѣлъ двѣ очень рѣдкія, современныя (конца прошлаго столѣтія) гравюры, изображающія видъ дачи, принадлежавшей на петергофской дорогѣ знаменитой княгинѣ Екатеринѣ Ро-

мановнѣ Дашковой и называвшейся „Кирьяново“. Уменьшенную копію съ одной изъ этихъ гравюръ мы прилагаемъ здѣсь.

Свѣдѣній о дачѣ княгини Дашковой намъ удалось отыскать не много. Въ „Описаніи Петербурга“ Георги, изданномъ въ 1794 году, о ней говорится слѣдующее:

„Дача княгини Екатерины Романовны Дашковой „Киръ и Анова“ находится подлѣ „Ба! Ба!“ (дачи А. А. Нарышкина) и простирается по большой дорогѣ на 100 саженъ и отъ оной до залива. Она была смѣшанный, болотный лѣсъ, и приведена въ нынѣшнее состояніе самою княгинею безъ помощи архитектора или садовника, какъ въ заложеніи, такъ и въ точномъ исполненіи всѣхъ предпріятій. Знатныя каменныя строенія составляютъ съ флигелями открытый дворъ, до большой дороги простирающійся и при оной различными деревьями насажденный. Подлѣ строеній находится плодоносный садъ съ теплицами. Позади строеній есть смѣшанный лѣсъ съ знатнымъ лугомъ, подлѣ ручейка и знатныхъ каналовъ, окружающихъ также небольшой островъ съ банею. Въ лѣсу идутъ прямыя и извивающіяся дорожки къ морскому заливу, при которомъ находятся два каменные дома и между обоими главный входъ“.

Въ своихъ „Запискахъ“ Дашкова только въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о Кирьяновѣ. „Въ іюлѣ 1782 года,—говоритъ она,—я возвратилась (изъ-за-границы) въ Петербургъ и поселилась на своей дачѣ Киріяново, въ четырехъ верстахъ отъ города. У меня не было въ Петербургѣ дома; чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ на наемъ квартиры и сберечь что нибудь для своего сына, я продолжала жить на дачѣ до глубокой осени. Однажды императрица спросила, неужели я живу до сихъ поръ за-городомъ? Я отвѣчала утвердительно; она замѣтила, что жить въ такую позднюю осень и притомъ въ холодномъ домѣ, недавно затопленномъ водою, очень опасно для моего здоровья, „потому что, прибавила она, ваша дача—чистое болото, очень способное для развитія ревматизма“.

Такимъ образомъ, изъ словъ Екатерины оказывается, что дача, построенная Дашковой „безъ помощи архитектора и садовника“, была очень неудобна для жилья, холодна и во время весеннихъ разливовъ заливалась водой. Мѣсто, на которомъ построена дача, было подарено императоромъ Петромъ III тремъ графамъ Воронцовымъ и отъ нихъ перешло, въ 1762 году, по данной, къ княгинѣ Дашковой. Послѣ ея кончины, въ 1810 г., Кирьяново поступило, по духовному завѣщанію, къ сыну ея двоюроднаго

брата, Ивану Иларіоновичу Воронцову-Дашкову. Кому и когда онъ продалъ дачу — мы не знаемъ, но она существуетъ до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ и занята какой-то фабрикой, или заводомъ. Странное названіе „Кирьяново" было дано дачѣ Дашковой въ память святыхъ Кира и Іоанна, празднуемыхъ 28-го и 29-го іюня,—дни, въ которые совершился при участіи княгини переворотъ 1762 года, доставившій престолъ императрицѣ Екатеринѣ II.

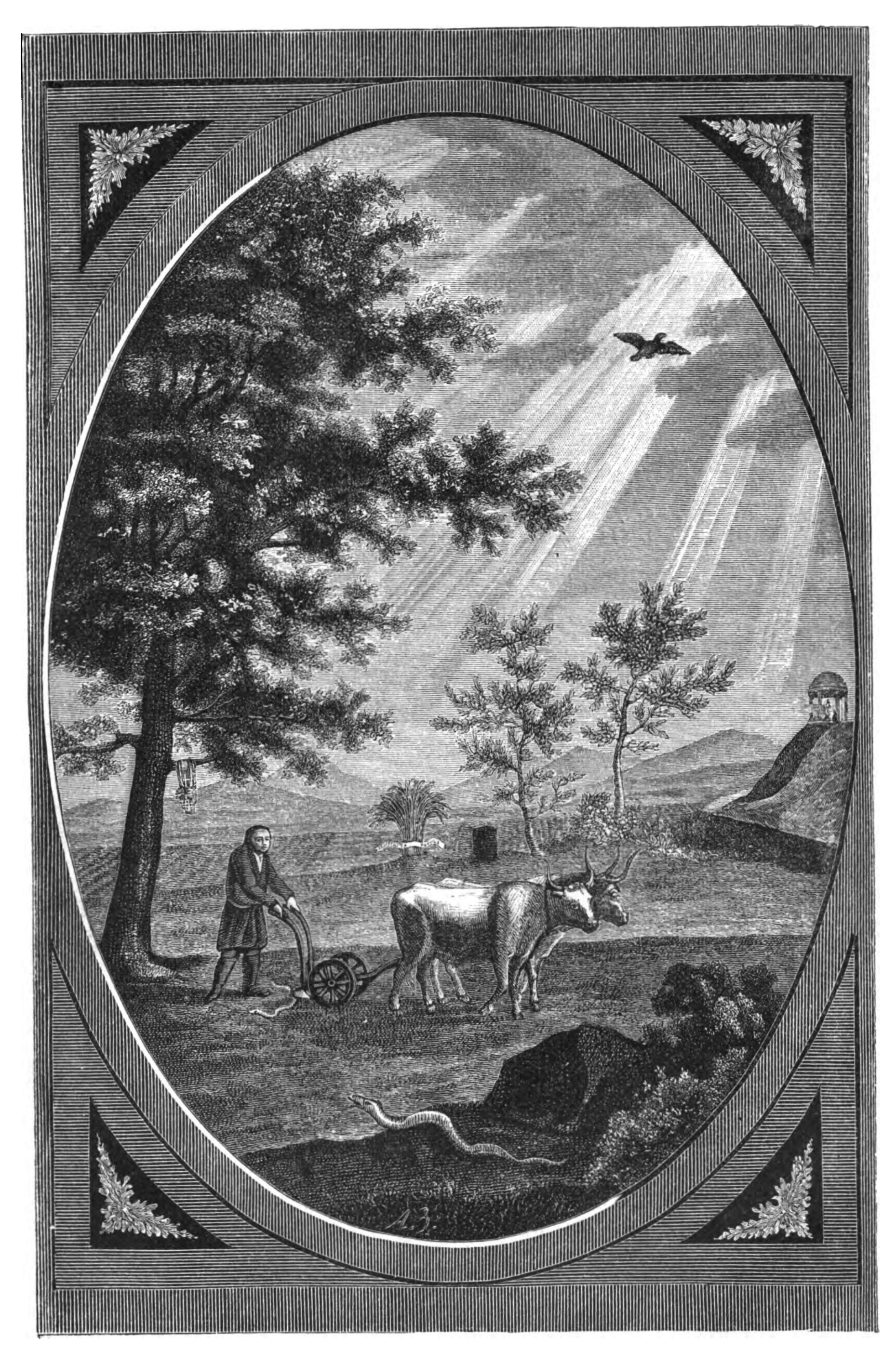

АЛЕКСАНДРОВА ДАЧА.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на пограничной окраинѣ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ, была выстроена, по приказанію императрицы Екатерины II-й, дача и при ней разбитъ весьма красивый садъ. Дача эта предназначалась государыней для ея любимаго внука—великаго князя Александра Павловича и была названа въ честь его Александровою.

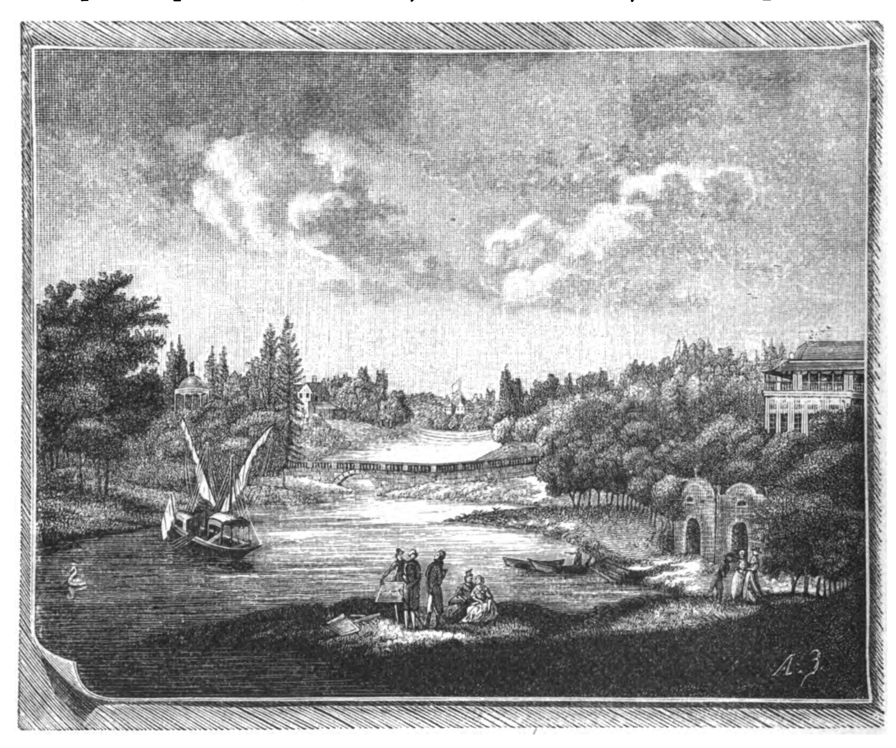
Вскорѣ, однако, подаренная воспитателю великаго князя генералъ-аншефу графу Николаю Ивановичу Салтыкову, дача эта на планѣ Павловска 1789 года именуется уже „Салтыковскою мызою". Въ позднѣйшіе годы, переходя отъ владѣльца къ владѣльцу, она куплена великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, но до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ одного изъ послѣднихъ ея обладателей, именно „Анненковой дачи".

Въ настоящее время, отъ Александровой дачи не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ, только въ отдаленной части сада, на холмѣ, у оврага, въ концѣ длинной дорожки, еще высится небольшой храмикъ „Розы безъ шиповъ": семь колоннъ поддерживаютъ круглый куполъ, внутри котораго замѣтны остатки живописи и фресокъ. Но въ началѣ 1790-хъ годовъ, „Александрова дача" служила предметомъ восторженныхъ похвалъ посѣтителей и тогда-же воспѣта въ особой поэмѣ, посвященной императрицѣ. Эта поэма подъ заглавіемъ: „Александрова, увеселительный садъ вел. кн. Александра Павловича", произведеніе С. Джунковскаго, составляетъ большую библіографическую рѣдкость, хотя и была издана два раза; въ 1793 г. въ Петербургѣ и въ 1810 г. въ

Заглавный листъ къ поэмѣ „Александрова Дача“.

Харьковѣ; оба изданія въ листъ; къ послѣднему приложены четыре гравюры, уменьшенныя копіи съ которыхъ мы воспроизводимъ здѣсь [1]). Три изъ нихъ изображаютъ виды Александрова, а на четвертой, составляющей заглавный листъ поэмы, представленъ графъ Н. И. Салтыковъ; онъ повѣсилъ на сукъ вѣтвистаго дерева свои ордена и ленты и, взявшись за плугъ, въ который впряжены два вола, пашетъ землю, — аллегорическое

Видъ дома и грота на Александровой дачѣ.

изображеніе его дѣятельности, какъ воспитателя великихъ князей. Надъ нимъ паритъ голубь и яркое солнце освѣщаетъ вдали, на горѣ, храмъ Фелицы, подъ жертвенникомъ котораго курится фиміамъ. Поэма Джунковскаго была издана также и во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ извѣстнымъ Массономъ.

---

¹) Мы пользовались экземпляромъ поэмы, находящимся въ библіотекѣ Д. Ѳ. Кобеко. Сверхъ того, мы заимствовали для описанія Александровой дачи свѣдѣнія, находящіяся въ примѣчаніяхъ академика Я. К. Грота къ первому тому „Сочиненій Державина“ и въ книгѣ „Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе“, составленной по порученію в. к. Константина Николаевича въ 1877 году.

По мысли в. к. Александра Павловича, дача Александрова должна была служить какъ бы живою иллюстраціею къ нравоучительной сказкѣ его державной бабки о „Царевичѣ Хлорѣ“, которая въ свою очередь, вдохновила Державина написать оду „Фелицѣ“.

Авторъ поэмы „Александрова“ говоритъ въ предисловіи, обращенномъ къ Екатеринѣ II-й, что великій князь

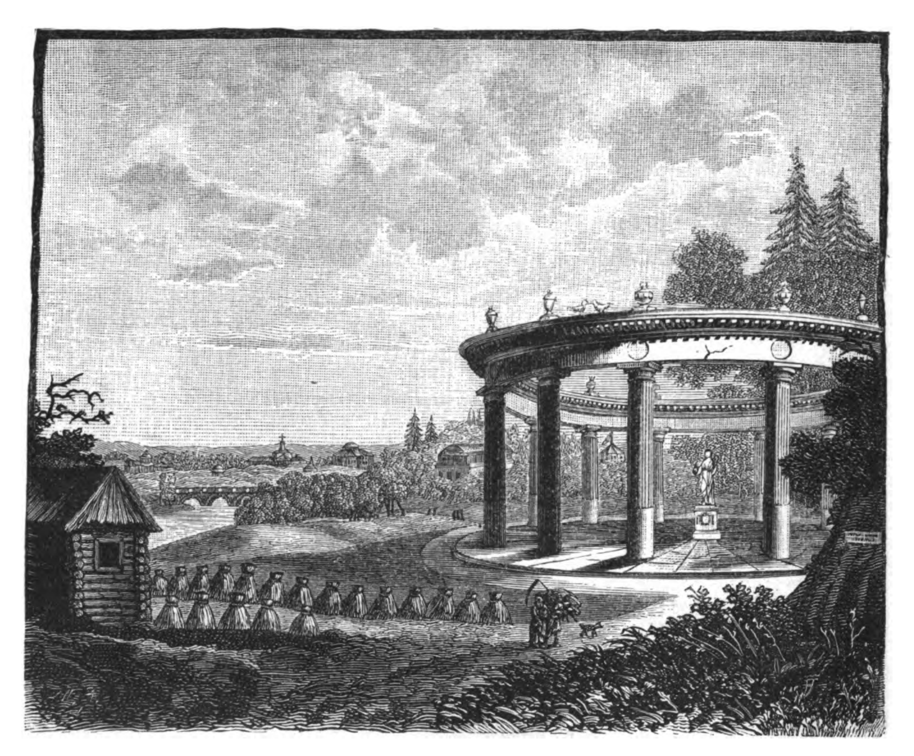
Видъ храма Фелицы на Александровой дачѣ.

„Яко начальникъ россійскаго юношества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего матерняго о всеобщемъ воспитаніи попеченія, восчуствовавъ особливо высокость и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ Тобою притчей, называемой „Царевичъ Хлоръ“, восхотѣлъ представить оную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой природѣ онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго отъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріятность, соединенную съ наставленіемъ“.

Въ стихахъ, впрочемъ довольно плохихъ, авторъ поэмы „Александрова“ описываетъ дачу и садъ. Изъ этого описанія видно, что домъ великаго князя Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу и близь него находился шатеръ съ золотымъ верхомъ.

„Въ усыпанномъ вокругъ цвѣтами полѣ,
„Надъ берегомъ крутымъ воздвиженъ домъ.
„Какъ у Киргизскихъ рѣкъ на злачномъ долѣ
„Поставленъ со златымъ шатеръ верхомъ.

Къ дому вела прямая, недлинная аллея, обсаженная цвѣтами; она неожиданно обрывалась за поворотомъ, и дорога вела на поле и въ лѣсъ.

Видъ храма Цереры на Александровой дачѣ.

„Прекрасный входъ дорога открываетъ,
„Полна цвѣтовъ, и кратка, и пряма,
„Блаженну жизнь младенцевъ представляетъ;
„Забавы ихъ премудрость чтитъ сама,
„Но вдругъ поворотясь, стезя пестрѣетъ,
„Тамъ нѣжные цвѣты, тамъ тѣнь имѣетъ,
„Излучисто предходятъ поле, лѣсъ.

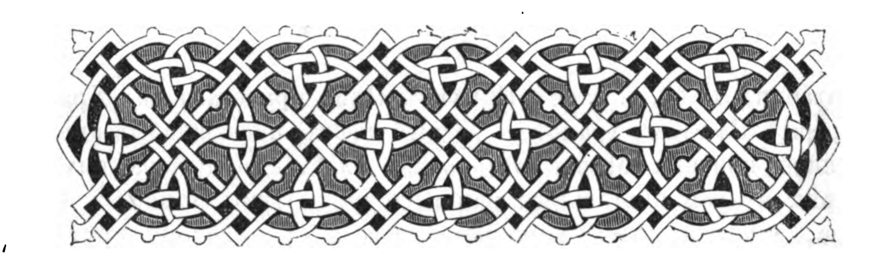
Дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображеніями богатствъ; за павильономъ — нива, на ней хижина, а напротивъ ея каменная глыба съ надписью: „храни златые камни“ — символъ „незыблемой основы благосостоянія Россіи при

Екатеринѣ II-й", т. е. ея „Наказа". Нива прилегала къ „Храму Цереры". За этимъ храмомъ—водный ключъ, посвященный имени великой княгини Маріи Ѳедоровны; близь его пещера нимфы Эгеріи, мудрой наставницы римскаго царя Нумы Помпилія. Отсюда, длинная аллея мимо каскада вела къ высокому крутому холму, гдѣ находился „Храмъ розы безъ шиповъ", остатки котораго, какъ уже сказано выше, сохранились до сихъ поръ. По срединѣ этого храма возвышался алтарь, а на немъ стояла урна съ „розою безъ шиповъ". Плафонъ былъ расписанъ фресками, изображающими Петра Великаго, смотрящаго съ высоты небесъ на „блаженствующую Россію", которая, окруженная символами богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ съ изображеніемъ „Фелицы", т. е. Екатерины II. Здѣсь же орелъ „ломаетъ когтями рога луны", трофеи, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ. У подножія храма было большое озеро, образовывавшее извилистые протоки и заливы; на озерѣ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго лѣса возвышался храмъ „Флоры и Помоны".

Этотъ садъ въ первые годы царствованія императора Александра I еще сохранялъ прежній видъ; потомъ началъ постепенно приходить въ запустѣніе; штукатурка храмовъ и ихъ облицовка пообсыпались; воды изсякли; аллеи заросли травою; холмы обвалились. Озеро, разстилавшееся у подножія холма и храма „розы безъ шиповъ", представляетъ нынѣ лишь глубокую котловину, заросшую кустарникомъ.

Вѣроятно, существовали какія нибудь причины, по которымъ „Александрова дача" вскорѣ послѣ ея постройки была пожалована Салтыкову и затѣмъ предана жалкому забвенію, такъ, что еслибъ Джунковскій не сочинилъ своей поэмы и не приложилъ бы къ ней рисунковъ, мы не имѣли бы никакого понятія объ этой оригинальной иллюстраціи „Сказки о царевичѣ Хлорѣ".

ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ РОССІИ ВЪ 1674 ГОДУ.

I.

Несмотря на заключенный въ 1661 году, въ Кардисѣ, миръ, положившій конецъ русско-шведской войнѣ, возгорѣвшейся въ царствованіе Алексѣя Михайловича, между Россіей и Швеціей продолжали существовать непріязненныя отношенія, преимущественно вслѣдствіе неисполненія русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, касавшихся точнаго опредѣленія границъ, торговли и возвращенія шведскихъ плѣнныхъ. Чтобы положить конецъ взаимнымъ пререканіямъ, уладить спорные вопросы, направить русскую торговлю въ прибалтійскія шведскія гавани и посредствомъ заключенія оборонительнаго союза тѣснѣе сблизиться съ Россіей, шведскій дворъ рѣшился, въ 1673 году, отправить въ Москву особое посольство, состоявшее изъ государственнаго совѣтника графа Густава Оксенширна, эстляндскаго ландрата барона Ганса фонъ-Тизенгаузена, лифляндскаго ландрата Готарда Будберга и ассесора комерцъ-коллегіи Іоанна Лиліенгофа.

Къ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ прикомандированъ молодой артиллерійскій капитанъ, Эрикъ Пальмквистъ, имѣвшій всего 23 года отъ рожденія, но уже успѣвшій обратить на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностями и произведенными имъ работами по укрѣпленію Риги.

Во время пребыванія своего въ Россіи вмѣстѣ съ посольствомъ, Пальмквистъ велъ дневникъ, который представилъ по возвращеніи въ Швецію королю. Дневникъ этотъ, хранящійся въ шведскомъ государственномъ архивѣ и лишь недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ, носитъ слѣдующее заглавіе: „Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Rysslandh, des Wäger, Pass medh Fästningar och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist.“ (Нѣсколько замѣчаній о Россіи, о ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ, во время послѣдняго королевскаго посольства къ московскому царю. Составлены Эрикомъ Пальмквистомъ.) Къ рукописи приложены 28 листовъ рисунковъ, картъ и плановъ in folio, рисованныхъ самимъ Пальмквистомъ. Въ своемъ обращеніи къ королю, которое служитъ предисловіемъ къ дневнику, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „я самъ въ разныхъ мѣстахъ тайно наблюдалъ и рисовалъ, рискуя собой, а также получалъ за деньги нѣкоторыя свѣдѣнія отъ русскихъ подданныхъ.“ Къ Россіи Пальмквистъ относится вообще неблагосклонно. Онъ называетъ русскихъ „націей недовѣрчивой, несговорчивой, робкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменной, много о себѣ воображающей и съ презрѣніемъ относящейся ко всему иностранному.“ „Русскіе, — говоритъ Пальмквистъ,—обладаютъ необыкновенной физической крѣпостью, очень способны къ труду, но при этомъ крайне лѣнивы и охотнѣе всего предаются разгулу, до тѣхъ поръ, пока нужда не заставитъ ихъ взяться за дѣло. Ничто не идетъ болѣе къ русскому характеру, какъ торговать, барышничать, обманывать, потому что честность русскаго рѣдко можетъ устоять передъ деньгами; онъ такъ жаденъ и корыстолюбивъ, что считаетъ всякую прибыль честной. Русскій не имѣетъ понятія о правдивости и видитъ во лжи только прикрасу; онъ столь искусно умѣетъ притворяться, что большею частью нужно употребить много усилій, чтобы не быть имъ обманутымъ. Русскій по природѣ очень способенъ ко всѣмъ ремесламъ и можетъ изворачиваться при самыхъ скудныхъ средствахъ. Купецъ, или солдатъ, отправляясь въ дорогу, довольствуются тѣмъ, что берутъ съ собой сумку съ овсяной мукой, изъ которой они и приготовляютъ себѣ обѣдъ, взявъ нѣсколько ложекъ муки и смѣшавъ ее съ водой; такая смѣсь служитъ имъ и напиткомъ, и кушаньемъ.“ На основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи, Пальмквистъ, какъ бы пророчески указывая на будущее пораженіе русскихъ подъ Нарвой, считалъ себя въ правѣ предсказывать шведскому королю, что „под-

данные Карла XI, подъ его предводительствомъ, какъ въ другихъ частяхъ свѣта, такъ въ особенности въ восточной странѣ (т. е. Россіи) найдутъ достаточно мѣста и матерьяла, чтобъ воздвигнуть въ вѣчную славу его величества видный трофей.“

Недавно, въ иллюстрированной шведской газетѣ „Illustrerad Tidning“ появилось небольшое извлеченіе изъ дневника Пальмквиста, сопровождаемое четырьмя, заимствованными оттуда же, политипажами. Полагая, что рисунки эти интересны и цѣнны не только для шведовъ, но и для насъ, мы воспроизводимъ ихъ здѣсь въ уменьшенной, но точной копіи.

Первый рисунокъ изображаетъ зимній поѣздъ знатной русской боярыни. Тяжелый, массивный возокъ тянется по глубокому

Поѣздъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи.

снѣгу шестью лошадьми, запряженными „гусемъ“. Толпа раболѣпныхъ слугъ окружаетъ экипажъ, или помогая лошадямъ, или готовясь исполнить по первому знаку приказанія своей госпожи; встрѣчные люди еще издалека сворачиваютъ въ сторону и, почтительно снявъ шапки, пропускаютъ мимо себя поѣздъ.

На второмъ рисункѣ представлена практиковавшаяся тогда въ Россіи „пытка водой“. На первый взглядъ, повидимому, безвредная, она была страшно мучительна. Надъ преступникомъ, крѣпко привязаннымъ къ столбу, утверждался на извѣстной вышинѣ сосудъ особаго устройства, непрерывно выпускавшій изъ себя крупныя капли холодной воды, которыя, съ математическою точностью падая на обнаженное темя несчастнаго, производили нестерпимыя страданія.

Третій рисунокъ изображаетъ тогдашній Николо-Угрѣшскій монастырь, находившійся въ 10—15 верстахъ отъ Москвы, гдѣ

обыкновенно, иностранныя посольства останавливались для небольшого отдыха передъ въѣздомъ въ столицу, а четвертый представляетъ пріемъ шведскаго посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ частности, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ нѣсколько погрѣшностей, такъ какъ Пальмквистъ рисовалъ его, разумѣется, на память, по возвращеніи съ аудіенціи (напр., рынды, окружающіе тронъ, представлены, вмѣсто собольихъ, въ горностаевыхъ шапкахъ), но въ общемъ—онъ вѣренъ и характеренъ.

II.

Шведское посольство отправилось изъ Стокгольма 21-го августа 1673 года, на военномъ кораблѣ „Uttern" и, четыре дня спустя, прибыло въ Фурусундъ, куда въ наше время пароходы совершаютъ свои рейсы въ четыре часа. Простоявъ здѣсь около недѣли по случаю противнаго вѣтра, „Uttern" лишь 14 сентября вошелъ въ Ревельскую гавань. Отдохнувъ въ Ревелѣ, посольство двинулось далѣе уже въ экипажахъ и 18 ноября достигло русской границы, гдѣ было встрѣчено царскими приставами, назначенными сопровождать его по Россіи. Переѣздъ черезъ границу совершенъ былъ въ торжественной процессіи, которую замыкала „собственная его королевскаго величества карета". На каждой станціи для посольскаго поѣзда заготовлялось 440 лошадей. Въ Новгородѣ возникло неожиданное затрудненіе, едва не принудившее Оксенширна вернуться обратно. До сихъ поръ ни одно шведское посольство не брало съ собой „собственной его королевскаго величества кареты" и въ данномъ случаѣ присутствіемъ ея дѣлалась русскимъ „особая честь". Но оказалось, что ворота, чрезъ которыя долженъ былъ совершиться въѣздъ посольства въ Новгородъ, были слишкомъ низки для кареты и потому новгородскій воевода Шереметевъ предложилъ Оксенширну оставить въ предмѣстьи ихъ громоздкій экипажъ и совершить въѣздъ въ царской каретѣ. Послы обидѣлись такимъ предложеніемъ, сочтя его „подрывомъ репутаціи шведскаго короля", и ни за что не хотѣли разстаться съ своей каретой, хотя ширина и высота воротъ ясно показывала, что она никакъ не можетъ протиснуться черезъ нихъ. Послѣ долгихъ споровъ и объясненій, Шереметевъ приказалъ, наконецъ, разломать ворота настолько, чтобы черезъ нихъ могла свободно пройти „собственная его королевскаго величества карета". Въѣхавъ съ обычной

церемоніей въ Новгородъ, послы прожили въ немъ до 2-го декабря и затѣмъ продолжали дальнѣйшій путь уже безпрекословно въ царской каретѣ „со сводчатымъ балдахиномъ, четырьмя вызолоченными шарами по угламъ, позолотой снаружи и обитой внутри краснымъ бархатомъ“.

Наканунѣ Рождества, посольство достигло Николо-Угрѣшскаго монастыря, построеннаго, по словамъ Пальмквиста, „въ

Пытка водой.

пестромъ стилѣ, составляющемъ отличительную черту русско-восточныхъ зданій“. Приведя себя здѣсь въ порядокъ, послы двинулись къ Москвѣ. Въ пяти верстахъ отъ столицы началась живая изгородь изъ войска, доходившая до самаго города. По лѣвую сторону были расположены 24 полка пѣхоты съ 200 орудій, а по правую кавалерія. Передъ каждой ротой стояли трубачи и музыканты съ бубнами и свирѣлями, производившіе, по словамъ Пальмквиста, „страшный шумъ“. Хотя день былъ очень морозный, посольству пришлось, однако же, двигаться впередъ

шагъ за шагомъ и оно только въ сумерки добралось до Москвы. У самаго города его встрѣтили три царскихъ пристава, которые вышли изъ своихъ саней, чтобы привѣтствовать прибывшихъ отъ имени государя, такъ что посламъ пришлось также вылѣзти изъ кареты и выслушивать любезности и отвѣчать на нихъ подъ открытымъ небомъ, на морозѣ.

3-го января 1674 года, назначена была торжественная аудіенція посламъ, но въ этотъ самый день между шведами и русскими возникъ споръ по одному церемоніальнему вопросу, сдѣлавшій аудіенцію невозможной. Русскіе требовали, чтобы послы вступили въ тронную залу безъ тростей и шпагъ и съ обнаженной головой. Послы согласились оставить трости и шпаги, но отказались обнажить головы, такъ какъ не имѣли на этотъ счетъ инструкцій. Напрасно пристава убѣждали и доказывали, что „даже послы римскаго цезаря не являются передъ царемъ на аудіенціи съ покрытыми головами“. Оксенширнъ упорствовалъ, выражая сожалѣніе, что „изъ всего дѣла ничего не выходитъ“, ибо пословъ не хотятъ допустить къ аудіенціи „съ должнымъ его королевскому величеству решпектомъ и почетомъ“. Такимъ образомъ, въ этотъ день аудіенція не состоялась. На слѣдующій день послы стали просить дозволенія послать въ Швецію гонца, чтобы „повергнуть дѣло на усмотрѣніе короля“. Но русскіе, раздраженные упорствомъ Оксенширна, были „просто грубы“ и не только не разрѣшили отправки гонца, но приказали стражѣ никого не выпускать изъ посольскаго помѣщенія и никого не впускать туда. Эта мѣра, которая обыкновенно примѣнялась въ Россіи къ иностраннымъ посламъ до полученія ими аудіенціи, обрушилась весьма непріятно на шведскаго резидента въ Москвѣ, Адольфа Эбершёльда, который случайно находился у пословъ; задержанный вмѣстѣ съ другими, онъ принужденъ былъ провести ночь на голой скамьѣ.

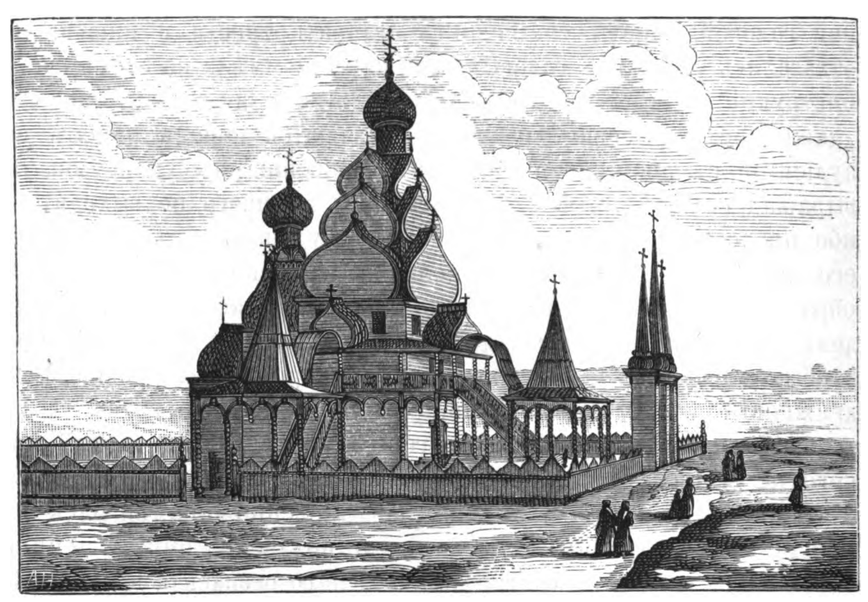
Раздоры между русскими и шведами продолжали усиливаться, и 6-го числа посламъ было объявлено царское приказаніе—на слѣдующій день готовиться къ отъѣзду.

— Это мы готовы сдѣлать, спокойно отвѣчалъ Оксенширнъ и велѣлъ укладывать вещи.

Тогда русскіе сдѣлались уступчивѣе и разрѣшили послать гонца въ Швецію. Переводчикъ Самуилъ Эосандеръ посланъ былъ 15-го января съ письмомъ къ Карлу XI; онъ возвратился въ Москву 19-го марта съ отвѣтомъ, что король согласенъ исполнить требованіе царя.

30-го марта, аудіенція, наконецъ, состоялась. Цѣлыхъ три мѣсяца пропали напрасно изъ-за пустыхъ формальностей, которыя играли столь важную роль въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Пріемъ происходилъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Торжественное шествіе двинулось изъ посольскаго дома между двумя рядами стрѣльцовъ. Впереди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмквистъ; за нимъ несли подарки, присланные царю королемъ, а царицѣ—вдовствующей королевой Гедвигой-Элеонорой. Всѣхъ подарковъ было тридцать два; они состояли изъ золотыхъ

Николо-Угрѣшскій монастырь въ XVII столѣтіи.

и серебряныхъ вещей (умывальникъ, сосуды для воды, ваза для конфектъ, корзины, кубки, стаканы и т. п.). Какъ особенно дорогіе презенты, въ дневникѣ упоминаются: „большая художественно сдѣланная люстра съ десятью подсвѣчниками изъ массивнаго серебра“, „искусственный фонтанъ красивой и рѣдкой работы, который бьетъ воду самъ собой“. Вдовствующая королева дарила царицѣ различные предметы изъ „благоуханнаго дерева-алоэ“, между прочимъ, шкатулку съ филигранной отдѣлкой и драгоцѣнными камнями, шесть „необыкновенно красивыхъ разрисованныхъ вѣеровъ“, часы золотые, „прекрасную ночную юбку“, „вышитую серебромъ и синими шелками прекрасную ночную

кофту“ и „всякія женскія галантерейныя вещи и раритеты“. За подарками ѣхалъ маршалъ посольства Германъ фонъ-Ферзенъ, потомъ слѣдовали слуги, канслисты, пасторъ, переводчики, лекарь, гофъ-юнкеръ, секретари, несшіе кредитивные грамоты пословъ на голубой тафтѣ, пажи, потомъ сами послы въ царской каретѣ, везомой парой вороныхъ коней, и, наконецъ „собственная его королевскаго величества карета“, окруженная драбантами.

Въ пріемной комнатѣ, гдѣ толпились царедворцы, пословъ встрѣтилъ князь Андрей Хилковъ (Kiltov), проводившій ихъ въ тронную залу. Пальмквистъ, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлалъ довольно точный рисунокъ этой залы. По стѣнамъ висѣли дорогіе тканые обои, на которыхъ были изображены сцены изъ миѳологіи и исторіи; рѣшетчатыя окна были украшены нарисованными на стеклѣ портретами въ видѣ медальоновъ; золотые и серебряные сосуды блистали на покрытыхъ бархатомъ поставахъ. Царь сидѣлъ на тронѣ, украшенномъ двуглавымъ орломъ, подъ богатымъ балдахиномъ; онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, а на головѣ имѣлъ небольшую шапку-корону. Въ сторонѣ, на особомъ поставѣ, лежала держава. По обѣимъ сторонамъ трона стояли рынды въ одеждахъ, затканыхъ серебромъ и подбитыхъ мѣхомъ, и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Послы вступили въ тронную залу съ непокрытыми головами и остановились въ десяти шагахъ отъ трона. Затѣмъ Оксенширнъ произнесъ по-шведски привѣтствіе и прочиталъ письмо своего государя. Царь всталъ, спросилъ о здоровьѣ короля и позволилъ посламъ подойти къ своей рукѣ. Оксенширнъ изложилъ цѣль прибытія посольства, а царь велѣлъ спросить о здоровьи пословъ. Потомъ окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ пересчиталъ подарки, за которые царь поблагодарилъ. Въ то время, какъ къ царской рукѣ подходила посольская свита, была принесена скамья и пословъ пригласили сѣсть. Членовъ посольства отъ имени царя спрашивали о здоровьи, а они благодарили черезъ маршала. По окончаніи этой церемоніи, послы, получивъ приглашеніе къ царскому столу, удалились.

На другой день послѣ царской аудіенціи, между шведами и русскими открылись переговоры. Со стороны русскихъ ихъ вели Матвѣевъ и бояре: князь Юрій Алексѣевичъ и Михаилъ Юрьевичъ Долгорукіе.

— Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ,—началъ Оксенширнъ,—и желаетъ быть съ царскимъ ве-

Пріемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ шведскаго посольства въ 1674 году.

личествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ. Да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ турецкій, наступилъ войною на королевство польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостью Каменецъ-Подольскомъ овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашимъ и нашимъ государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложитъ, а король противъ этого непріятеля будетъ всегда помогать.

Затѣмъ Оксенширнъ принялся излагать жалобы на неисполненіе со стороны русскихъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора.

Начался споръ, о чемъ прежде разсуждать — о союзѣ, или неисполненныхъ статьяхъ Кардисскаго договора? Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что, не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ.

— Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже сказали о неисполненныхъ статьяхъ договора, такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры,—твердили бояре.

Шведы поспорили, но уступили, стали говорить о союзѣ противъ турокъ и объявили, что король ихъ обѣщалъ послать полякамъ на помощь 5,000 человѣкъ войска.

Бояре отвѣчали, что 5,000 очень мало: „великій государь желаетъ, чтобы король шведскій стоялъ противъ турка всѣми силами за-одно, а изъ-за 5,000 и союза заключать не для чего.

— Но поляки сами больше у насъ не просили,—возражали послы.

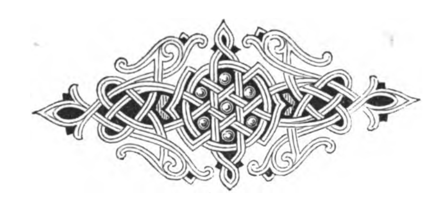
— Чего у васъ поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ, говорили бояре,—а теперь пусть король заключитъ союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами за-одно.

Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться не показано; для заключенія подобнаго союза пусть царь отправляетъ къ королю своихъ пословъ.

— Такъ зачѣмъ же вы-то пріѣхали? спрашивали бояре и продолжали:—намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200.000 войска; наши будутъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши подъ Каменцомъ-Подольскимъ, или въ другомъ какомъ нибудъ мѣстѣ.

Въ такомъ родѣ переговоры продолжались около двухъ съ половиной мѣсяцевъ совершенно безплодно. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, взаимныхъ пререканій, укоровъ и жалобъ, пришли къ неясному соглашенію и заключили слѣдующій странный договоръ: „Если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно. Также, если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно“. Переговоры о торговыхъ пошлинахъ и другихъ вопросахъ, возбужденныхъ послами, были отложены на неопредѣленное время, и 19-го іюня 1674 года посламъ была дана царемъ „прощальная аудіенція“.

Такимъ образомъ, дорого стоившее шведскому правительству посольство Оксенширна возвратилось, вмѣстѣ съ „собственной его королевскаго величества каретой“, домой, не достигнувъ въ сущности никакихъ результатовъ и не принеся никакой пользы, за исключеніемъ развѣ „Дневника“ Пальмквиста, который въ историческомъ отношеніи не потерялъ своего значенія и для настоящаго времени и изданіе котораго въ полномъ видѣ было бы весьма желательно.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ КАМЧАТКѢ ВЪ 1779 ГОДУ [1]).

Послѣ смерти знаменитаго мореплавателя Кука, убитаго 14-го февраля 1779 года на Сандвичевыхъ островахъ, начальство надъ англійской экспедиціей, имѣвшей цѣлью открыть проходъ въ Ледовитый океанъ черезъ Беринговъ проливъ и состоявшей изъ двухъ кораблей „Resolution“ и „Discovery“, принялъ капитанъ Карлъ Клеркъ. Не смотря на то, что Клеркъ уже страдалъ тогда сильнѣйшей чахоткой, онъ рѣшился слѣдовать плану Кука, и, направляясь къ сѣверному полюсу, приплылъ 1-го мая къ берегамъ Камчатки у Петропавловской гавани, еще на половину покрытой льдомъ.

Петропавловская гавань представляла въ то время совершенную пустыню. Церковь и всѣ строенія, воздвигнутыя Берингомъ, были уничтожены пожаромъ, жители переселились въ Большерѣцкъ и въ гавани оставались, для караула, только сержантъ Сургуцкій и десять рядовыхъ, помѣщавшихся въ полуразрушенной казармѣ. Никто не воображалъ, чтобы иностранцы могли явиться въ Камчатку, и потому сержантъ былъ пораженъ, увидѣвъ приближающагося лейтенанта Кинга, посланнаго Клеркомъ на берегъ въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ матросовъ. Русская команда, схвативъ ружья, поспѣшно выстроилась передъ

---

[1]) Прилагаемые къ настоящей статьѣ рисунки воспроизведены съ весьма рѣдкихъ современныхъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова, а свѣдѣнія о пребываніи англичанъ въ Камчаткѣ въ 1779 году заимствованы изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ и изъ сочиненія „Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ съ 1650 по 1856 г.“. А. С. Сгибнева. Спб. 1869 г.

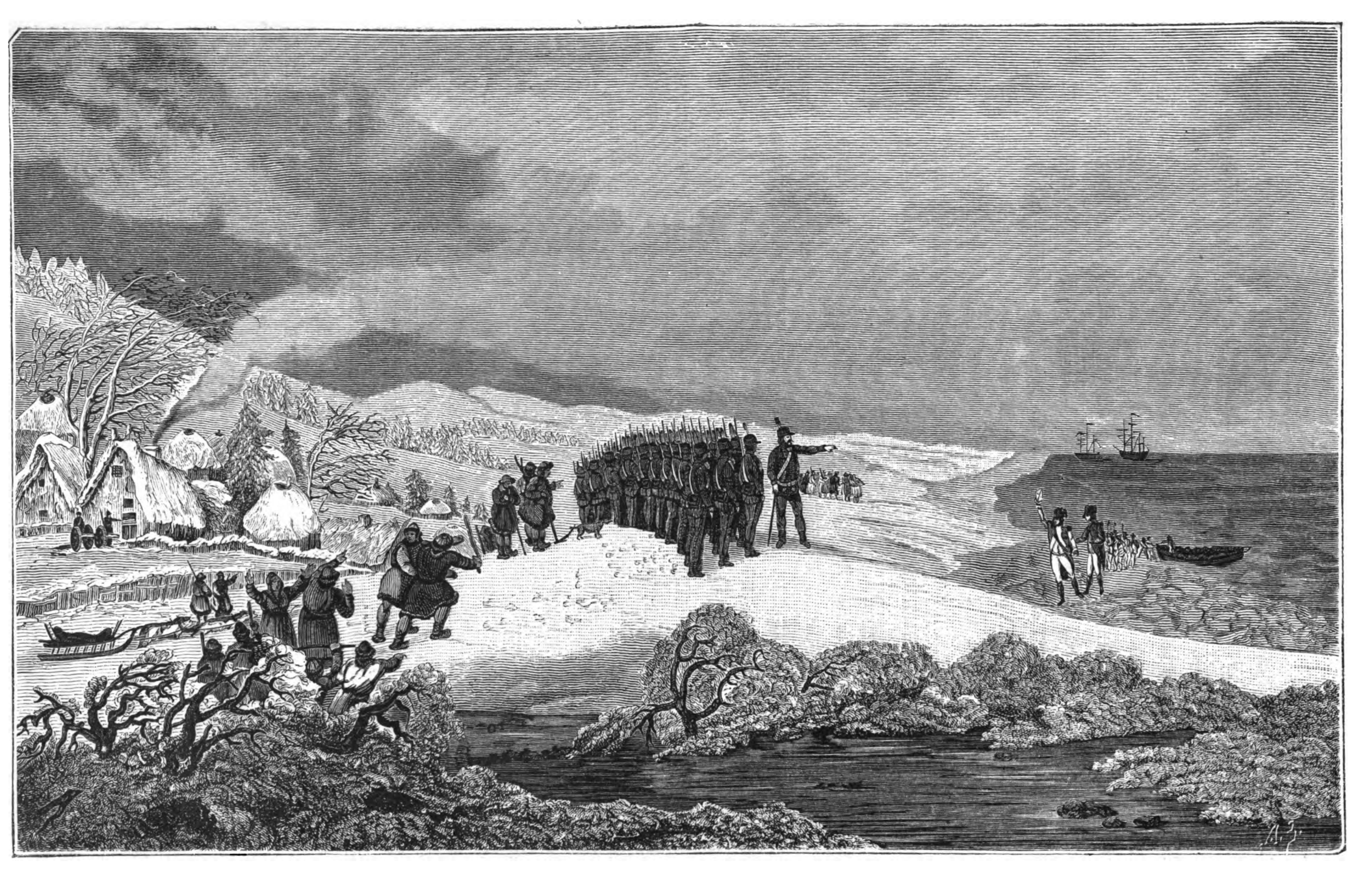
казармой въ ожиданіи нападенія; но Кингъ, показывая знаки мира, поспѣшилъ ее успокоить. Такъ какъ русскіе и англичане не понимали другъ друга, то Кингу съ большимъ трудомъ удалось уговорить сержанта, чтобы онъ послалъ нарочнаго въ Большерѣцкъ къ главному начальнику Камчатки, премьеръ-маіору Бему, съ извѣстіемъ о прибытіи англійской экспедиціи и съ письмомъ, даннымъ Клерку штурманскимъ ученикомъ Измайловымъ, съ которымъ они встрѣтились у острова Уналашки.

Хотя Измайловъ въ письмѣ своемъ и увѣрялъ, что англичане имѣютъ самыя мирныя цѣли и обошлись съ нимъ при встрѣчѣ очень ласково, Большерѣцкая канцелярія не повѣрила, чтобы эскадра пришла съ добрыми намѣреніями. На собранномъ, подъ предсѣдательствомъ Бема, „военномъ совѣтѣ“ было постановлено не предпринимать пока, вслѣдствіе недостатка артиллеріи и команды, никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; но послать на эскадру съ письмомъ отъ Бема депутацію изъ лицъ неслужащихъ. Депутатами были выбраны: служитель Бема, Поса, знавшій нѣмецкій языкъ, и купецъ Посельскій.

Кромѣ того, былъ посланъ нарочный въ Нижнекамчатскъ съ предупрежденіемъ, чтобы тамъ имѣли предосторожность отъ англичанъ, а въ Верхнекамчатскъ послано предписаніе поспѣшно отправить „въ сикурсъ“ всѣхъ лишнихъ солдатъ въ Петропавловскую гавань, съ исправной аммуниціей и ружьями; взамѣнъ же этой команды передвинуть 20 человѣкъ въ Верхнекамчатскъ изъ Тигильской крѣпости. Въ случаѣ же непріязненныхъ дѣйствій со стороны иностранцевъ, приказано вооружить всѣхъ купцовъ и промышленниковъ и „чинить отпоръ“.

Между тѣмъ, русская депутація прибыла въ Петропавловскую гавань и встрѣтила самый любезный пріемъ со стороны англичанъ. Клеркъ просилъ депутатовъ снабдить эскадру скотомъ и провіантомъ; но, такъ какъ просьба эта не могла быть исполнена безъ разрѣшенія Бема, то Клеркъ, въ свою очередь, послалъ въ Большерѣцкъ депутацію, состоявшую изъ капитана Гора, лейтенанта Кинга и геодезиста Вебера, знавшаго нѣмецкій языкъ. Депутація эта прибыла въ Большерѣцкъ 30-го апрѣля; вмѣстѣ съ ней возвратилась и наша депутація.

Помощникъ Бема, капитанъ Шмалевъ, доносилъ по этому поводу въ Иркутскъ: „Оные гости нами, съ Бемомъ, съ надлежащимъ по званію ихъ почтеніемъ, съ оказываніемъ благопристойности, приняты и на собственномъ нашемъ коштѣ содержаны и по здѣшнему мѣсту, сколько возможно, были довольствованы,

Встрѣча русскихъ съ англичанами въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ, въ 1779 году.

Съ весьма рѣдкой гравюры того времени Эрскина. (Изъ собранія гравюръ П. Я. Дашкова).

т. е. чаемъ и сахаромъ снабжены изъ нашего кошта безнедостаточно, въ чемъ они весьма довольными отзывались".

Бемъ распорядился послать на эскадру изъ Нижнекамчатска 250 пудовъ ржаной муки, двадцать головъ рогатаго скота и, сверхъ того, „по слабости здоровья главнокомандующаго, двѣ дойныя коровы для пропитанія". Все это было отпущено англичанамъ безденежно, „ибо,—доносилъ Шмалевъ,—по казеннымъ цѣнамъ мука стоитъ 2 руб. 50 коп. пудъ, а быкъ 80 руб.; если потребовать съ нихъ деньги, то они, хоть бы по нуждѣ и заплатили, но сочли бы это за немалое притѣсненіе".

2-го мая, англійская депутація выѣхала изъ Большерѣцка „съ принадлежащимъ почтеніемъ и пушечною пальбою". Съ нею отправился на эскадру и Бемъ, который провелъ съ англичанами четверо сутокъ, и при съѣздѣ съ судна на берегъ ему салютовали съ обоихъ судовъ 21 пушечнымъ выстрѣломъ.

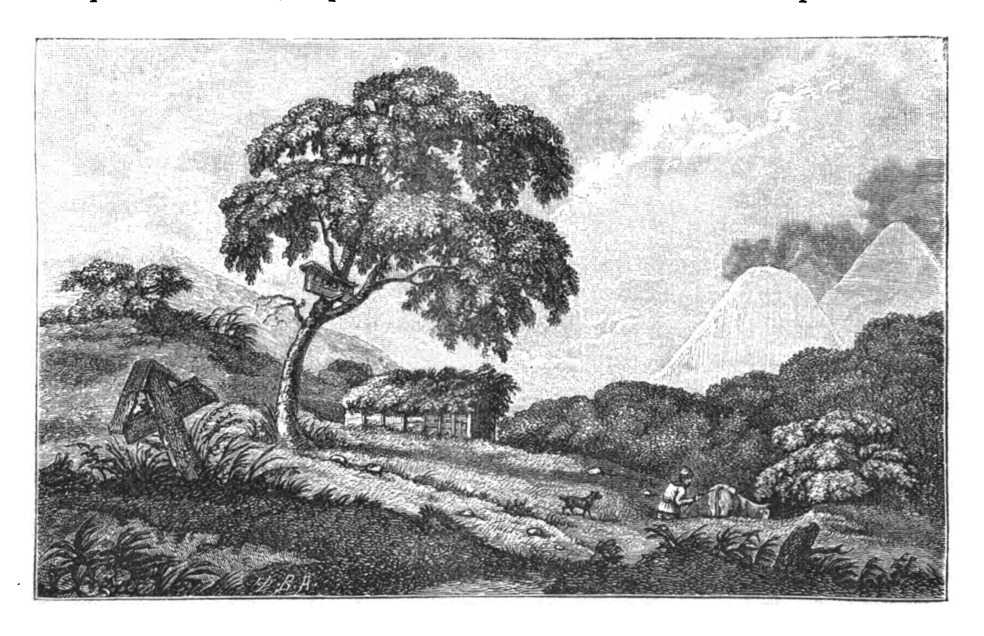
Англичане подарили Бему разныя вещи, вывезенныя изъ посѣщенныхъ ими странъ, квадрантъ и нѣсколько картъ вновь открытыхъ ими острововъ. Онъ передалъ всѣ эти подарки въ Большерѣцкую канцелярію, которая, на основаніи высочайшаго повелѣнія, чтобы всѣ вывозимыя съ острововъ „курьезныя" вещи доставлялись въ академію,—отправила ихъ въ Петербургъ.

5-го іюня, англійская эскадра ушла въ море. Бемъ и Шмалевъ снабдили Клерка указомъ къ нашимъ промышленникамъ на островахъ, чтобы они „старались оказывать англичанамъ почтеніе и дружество" и обходились съ ними „со всякою благосклонною ласкою". Клеркъ въ письмѣ своемъ къ Бему объяснилъ, что въ апрѣлѣ будущаго года снова придетъ съ эскадрою въ Петропавловскую гавань, и просилъ его заготовить къ этому времени нѣсколько штукъ скота, 3 бочки смолы, 2½ пуда нитокъ парусныхъ, 100 иголокъ, 4 куска парусины, 2 троса, 2½ пуда разныхъ гвоздей и 100 березовыхъ плахъ. Бемъ обѣщалъ похлопотать о присылкѣ просимыхъ вещей; но вскорѣ послѣ отплытія эскадры получилъ давно просимую имъ отставку, выѣхалъ въ Иркутскъ, а должность свою сдалъ Шмалеву.

Не смотря на завѣренія англичанъ, что они путешествуютъ съ ученою цѣлью, Шмалевъ не вѣрилъ имъ и убѣждалъ иркутскаго губернатора о скорѣйшей высылкѣ въ Камчатку солдатъ, пушекъ и пороху.

Въ рапортѣ своемъ Шмалевъ, между прочимъ, писалъ: „Хотя мнѣ и предписано, чтобы, въ случаѣ прибытія въ Камчатку иностранцевъ, не допускать ихъ съѣзжать на берегъ болѣе 10-ти

человѣкъ, и то для самыхъ необходимыхъ надобностей, но я не встрѣчаю возможности исполнить этого предписанія, потому что всѣ ружья у казаковъ негодныя. Изъ Якутска и Охотска высылаютъ въ Камчатку только тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ быть употребляемы тамъ въ дѣло. Хорошей артиллеріи и канонировъ также нѣтъ. Всѣ имѣющіяся здѣсь пушки скорѣе сдѣлаютъ вредъ нашей прислугѣ, чѣмъ непріятелю, а канониры вовсе не знаютъ своего дѣла, такъ что при пальбѣ въ высокоторжественные дни рѣдко обходится безъ несчастій. При отбы-

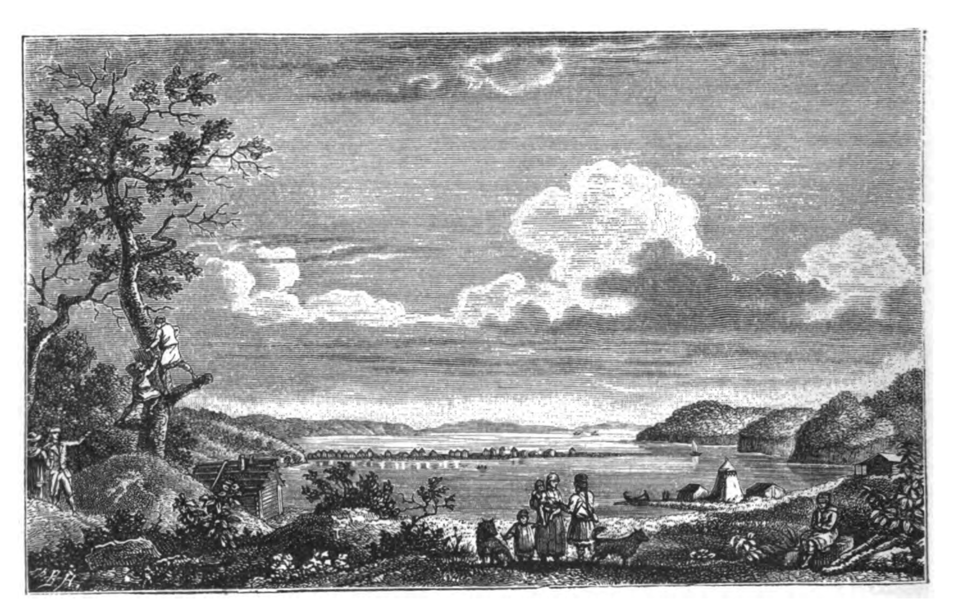
Первоначальный видъ могилы капитана Клерка въ Петропавловской гавани.

Съ гравюры конца прошлаго столѣтія.

тіи англичанъ изъ Большерѣцка, служителя, заряжавшаго пушку, „совсѣмъ разбило“.

„Во всей Камчаткѣ и при Чекавинской гавани (гдѣ изъ Охотска приходятъ и вооружаются казенныя суда) по списку состоитъ всѣхъ чиновъ 154 человѣка. Въ Нижнекамчатскѣ 96, въ Верхнекамчатскѣ 54; въ Тигильской крѣпости 87; въ Петропавловской гавани 29. Всего во всѣхъ мѣстахъ 398 человѣкъ. Изъ числа этого весною выбываютъ многіе, болѣвшіе цинготною болѣзнью, а и здоровые, по званію своему, большая половина никакой аммуниціи при себѣ, не только чтобъ представить сол-

дата, но и виду того не имѣютъ, а находятся, по большей части, въ собачьихъ и оленьихъ по здѣшнимъ манерамъ одеждахъ, что съ нихъ за недачею мундировъ и не взыскивается. Жалованья получаютъ по 4 руб. 28 коп. въ треть, провіанта же по $32^1/_2$ фун. въ мѣсяцъ, за достальной и крупу деньгами, за муку по 1 руб. 50 коп., за крупу по 2 руб. за пудъ; а въ партикулярной продажѣ случается отъ 6 до 8 рублей, да и то не во всегдашнее время, почему имъ не только на содержаніе, но и на пропитаніе положеннаго жалованья бываетъ крайне недостаточно; въ разсужденіи чего, чтобы они пропитаніемъ вовсе лишены

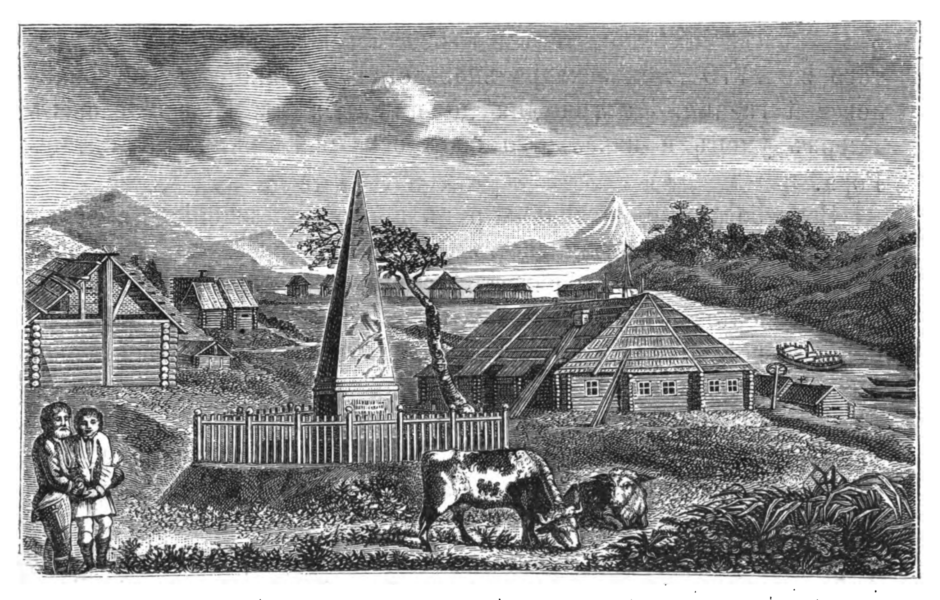

Возстановленіе Лаперузомъ могила Клерка въ 1787 году.

Съ гравюры того времени Пильемона.

и изнуренія отъ крайняго голода имѣть не могли, въ лѣтнія времена для приготовленія на годичное содержаніе рыбныхъ кормовъ отпускаются. А потому къ укрѣпленію и защищенію отъ немирныхъ и иностранныхъ народовъ какъ въ Большерѣцкѣ, такъ и въ Петропавловской гавани, крѣпостей завести и построить, такъ какъ оное строеніе должно производить лѣтомъ, времени не бываетъ, а ежели людей отъ приготовленія кормовъ отлучать и всегда въ работы употреблять, въ такомъ случаѣ уже имъ къ пропитанію никакой надежды не останется, а доведены быть могутъ и до крайняго голоду“.

Иркутскій губернаторъ, Кличка, донесъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ генералъ-прокурору князю Вяземскому, присовокупивъ, что съ вновь назначеннымъ на мѣсто Бема командиромъ Камчатки, коллежскимъ ассесоромъ Рейнеке, онъ пошлетъ къ морю подкрѣпленіе, но не надѣется, чтобы Рейнеке могъ прибыть въ Камчатку раньше 1780 года. Что же касается до просимыхъ англичанами матеріаловъ, то онъ выписалъ часть ихъ изъ Москвы, съ особымъ нарочнымъ, а тросы приказалъ выслать изъ Енисейска.

Памятникъ, сооруженный надъ могилой Клерка въ Петропавловской гавани.

Съ гравюры Чесскаго.

На это донесеніе Клички князь Вяземскій отвѣчалъ, 10-го декабря 1779 года, что по докладѣ императрицѣ донесенія о приходѣ въ Камчатку англичанъ, ея величество изволила указать, чтобы: 1) выданный Клерку провіантъ и скотъ были приняты на счетъ казны; 2) заготовленный вновь скотъ и другіе припасы также отнести на счетъ казны, ибо за все это заплатитъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ; 3) Камчатку привести въ оборонительный видъ непремѣнно, такъ какъ путь туда сдѣлался уже извѣстенъ иностранцамъ.

Кличка, получивъ такое распоряженіе, предписалъ Рейнеке построить въ Петропавловской гавани редуты; но, такъ какъ въ

Иркутскѣ не было инженера для этихъ работъ, то губернаторъ командировалъ изъ навигацкой школы сержанта, „знающаго хорошо рисованіе“. Съ Рейнеке были отправлены 4 канонира, 3 унтеръ-офицера, 5 пудовъ пороха, 50 пудовъ свинцу и 50 ружей „годныхъ“.

Между тѣмъ, англійская эскадра, достигнувъ 71 градуса сѣверной широты, встрѣтила громадныя массы льда и всѣ усилія ея преодолѣть препятствія привели лишь къ тому, что корабль „Discovery“ потерпѣлъ значительныя поврежденія. Вслѣдствіе этого, на общемъ собраніи офицеровъ было рѣшено отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ и возвратиться назадъ. 13-го августа того же 1779 года, эскадра вновь стала на якорь у Петропавловской гавани. За три дня до прибытія въ Петропавловскъ Клеркъ умеръ и начальство надъ эскадрой принялъ капитанъ Гора.

Затребованные англичанами въ первое посѣщеніе Камчатки припасы и скотъ были доставлены изъ Охотска въ Петропавловскую гавань 30-го августа на суднѣ „Св. Георгій“.

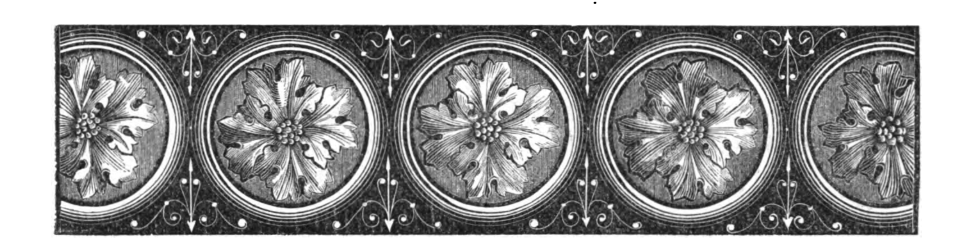
Шмалевъ посѣтилъ эскадру, былъ принятъ Горомъ съ пальбой изъ всѣхъ орудій и затѣмъ участвовалъ въ погребеніи капитана Клерка.

„На сѣверной сторонѣ гавани,—доносилъ Шмалевъ,—англичане устроили ему могилу у березоваго дерева, обложили ее дерномъ и обнесли частоколомъ. Самое погребеніе производили при пушечной пальбѣ „по своему закону“.

Запасшись провіантомъ и нужными вещами, англійскія суда ушли въ море 1-го октября. Впослѣдствіи, за содѣйствіе, оказанное экспедиціи, Бемъ получилъ отъ англійскаго правительства большую серебряную вазу, а Шмалевъ столовые часы.

Въ 1787 году, Петропавловскую гавань посѣтилъ другой знаменитый мореплаватель, Лаперузъ. Онъ нашелъ крестъ надъ могилой Клерка уже полуобрушившимся, а деревянную доску, прибитую на деревѣ, подъ которымъ былъ погребенъ Клеркъ, сгнившей. Лаперузъ велѣлъ возстановить могилу и прибить вмѣсто деревянной мѣдную доску съ надписью на французскомъ языкѣ о заслугахъ этого мореплавателя.

Черезъ нѣсколько лѣтъ надъ могилой Клерка былъ поставленъ каменный памятникъ, въ видѣ пирамиды, обнесенной рѣшеткой. Памятникъ этотъ сохранился до настоящаго времени.

ПЕРВЫЙ СМОТРИТЕЛЬ ПЕТРОВСКАГО ПАМЯТНИКА.

Въ Смоленской губерніи, въ Духовщинскомъ уѣздѣ, существуетъ до сихъ поръ небольшое село Чижово, замѣчательное только тѣмъ, что въ немъ родился извѣстный любимецъ императрицы Екатерины II, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Отецъ его, небогатый отставной офицеръ, имѣлъ, кромѣ сына, пять дочерей. При недостаточности средствъ, онъ не могъ, по тогдашнему обычаю, выписать для дѣтей гувернеровъ и учителей, и потому первоначальное обученіе грамотѣ будущаго царскаго фаворита было поручено сельскому дьячку Тимофею Краснопѣвцеву, человѣку ограниченному, но доброму, успѣвшему скоро заслужить расположеніе своего капризнаго ученика тѣмъ, что послѣ скучныхъ уроковъ потѣшалъ его пѣснями, которыя пѣлъ мастерски. Однако, ученіе продолжалось недолго. Едва Потемкину минуло шесть лѣтъ, мать отдала его на воспитаніе своему двоюродному брату, Г. М. Козловскому, жившему въ Москвѣ.

Прошло много годовъ. Краснопѣвцевъ устарѣлъ, одряхлѣлъ, потерялъ голосъ и, наконецъ, уволенный за старостію на покой, остался безъ пристанища и всякихъ средствъ къ существованію. Находясь въ такомъ безъисходномъ положеніи, онъ вдругъ случайно услышалъ, что его бывшій ученикъ сдѣлался большимъ человѣкомъ и живетъ въ столицѣ при дворѣ. Послѣ долгихъ колебаній, старикъ рѣшился на смѣлое и не легкое дѣло: идти въ Петербургъ и просить „Гришу"—какъ онъ звалъ когда-то своего воспитанника—пристроить его куда-нибудь. Кстати, Краснопѣвцевъ вспомнилъ, что въ Измайловскомъ полку у него есть

дальній родственникъ, сданный изъ смоленскихъ причетниковъ, за какую-то провинность, въ солдаты и попавшій, благодаря высокому росту, въ гвардію.

Кое-какъ, побираясь мірскими подаяніями, гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ, по сострадательности проѣзжихъ, присаживаясь на телѣгу, Краснопѣвцевъ добрался до Петербурга и пріютился у родственника въ казармахъ, вмѣстѣ съ солдатами. Когда родственникъ разсказалъ ему, какимъ лицомъ въ государствѣ сдѣлался Потемкинъ и какое значеніе онъ имѣетъ у царицы, то старикъ пришелъ въ ужасъ; всѣ надежды его разлетѣлись прахомъ, потому что добиться свиданія съ такимъ важнымъ и всесильнымъ вельможей казалось ему дѣломъ невозможнымъ; но родственникъ и его пріятели-солдаты, принимая во вниманіе прежнюю близость дьячка къ Потемкину, поспѣшили успокоить старика и убѣдили, не откладывая дѣла, попытать счастія. При помощи полковаго писаря, было сочинено и четко переписано длинное прошеніе, въ которомъ напоминалось даже о томъ, какъ однажды ученикъ, изъ шалости, остригъ у учителя косичку, но не подвергся за это никакому взысканію отъ родителей, вслѣдствіе умолчанія о томъ пострадавшаго.

Бережно завернувъ бумагу въ чистую тряпицу, Краснопѣвцевъ отправился рано утромъ къ Зимнему дворцу; но, разумѣется, попытка его проникнуть въ подъѣздъ помѣщенія, занимаемаго свѣтлѣйшимъ, осталась безуспѣшной: караульные солдаты, вмѣсто всякихъ объясненій, заарестовали его и передали случившемуся тутъ полицейскому для отсылки на съѣзжую. Неизвѣстно, что сталось бы съ Краснопѣвцовымъ, еслибы, на его счастіе, въ ту самую минуту, когда полицейскій уже готовился тащить его въ часть, не подъѣхалъ ко дворцу молодой, красивый офицеръ въ адъютантскомъ мундирѣ. Увидѣвъ испуганную комическую фигуру дьячка, облаченную въ какое-то странное одѣяніе, онъ полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло. Выслушавъ разсказъ Краснопѣвцева и прочитавъ его прошеніе, офицеръ улыбнулся и сказалъ:

— Видѣть свѣтлѣйшаго трудно, и ты, старикъ, напрасно будешь добиваться свиданія съ нимъ; пожалуй, еще наживешь себѣ этимъ большую бѣду. Я его флигельсъ-адъютантъ и могу передать ему твое прошеніе, а какая воспослѣдуетъ на оное резолюція, ты получишь увѣдомленіе черезъ полицію.

Краснопѣвцевъ несказанно обрадовался такому неожиданному предложенію и хотѣлъ было упасть офицеру въ ноги, но тотъ

не допустилъ его до этого и, приказавъ полицейскому не трогать дьячка, поспѣшно ушелъ въ подъѣздъ, промолвивъ:

— Молись Богу,—если свѣтлѣйшій находится въ хорошемъ расположеніи духа, то, быть можетъ, сегодняшній день будетъ для тебя счастливый.

Старикъ поплелся обратно въ Измайловскія казармы, не зная, радоваться или печалиться происшедшему. Родственникъ-солдатъ, разспросивъ его подробно обо всемъ, сомнительно покачалъ головой и совсѣмъ обезкуражилъ бѣдняка, увѣряя, что резолюціи

Памятникъ Петру Великому на Сенатской площади въ Петербургѣ.

нельзя ждать скоро и что даже прошеніе, чего добраго, не попадетъ въ руки къ князю, но будетъ передано въ канцелярію, а тамъ, извѣстное дѣло, толку не выдетъ никакого...

Дьячекъ впалъ въ уныніе и до такой степени разстроился, что прихворнулъ и на слѣдующій день едва былъ въ состояніи идти въ церковь, къ обѣднѣ. Во время херувимской, когда старикъ усердно погрузился въ молитву, вдругъ кто-то дернулъ его за рукавъ. Это былъ родственникъ-солдатъ, весь запыхавшійся, съ сіяющимъ лицомъ. — „Дядя! торопливо шепталъ онъ, насилу отыскалъ тебя, иди скорѣе, свѣтлѣйшій прислалъ за тобой ѣздоваго, онъ ждетъ тутъ у церкви, поскорѣе“ — и съ этими словами, не давъ опомниться растерявшемуся Краснопѣвцеву, по-

тащилъ его вонъ, безцеремонно расталкивая толпу, съ недоумѣніемъ разступавшуюся передъ ними.

У паперти, дѣйствительно, стояла одноколка, и ѣздовой въ придворной ливреѣ, посадивъ дьячка рядомъ съ собой, помчалъ его въ Зимній дворецъ.

Можно вообразить, что чувствовалъ Краснопѣвцевъ, когда его ввели въ роскошную пріемную Потемкина, наполненную толпой сановниковъ, сіявшихъ звѣздами, лентами, раззолоченными кафтанами, когда десятки глазъ съ изумленіемъ обратились на грязнаго, нищенски одѣтаго дьячка. Въ какомъ-то невольномъ страхѣ прижался онъ въ уголъ и стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не смѣя пошевельнуться, удерживая прерывистое дыханіе сильно бившейся груди. Черезъ нѣсколько минутъ, двери во внутренніе покои широко распахнулись и на порогѣ появился самъ свѣтлѣйшій, въ голубомъ атласномъ шлафрокѣ, изъ-подъ котораго небрежно выбивался разстегнутый воротъ рубашки, въ шитыхъ стоптанныхъ туфляхъ, съ огромной табакеркой и розовымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ.

Всѣ находившееся въ пріемной низко преклонились, а Краснопѣвцевъ въ благоговѣніи упалъ на колѣни. Разсѣянно отвѣчая на поклоны, Потемкинъ, видимо, чего-то искалъ и наконецъ, замѣтивъ въ углу дьячка, направился прямо къ нему, собственноручно поднялъ его на ноги и, ласково улыбаясь, сказалъ:

— Здорово, старина!

Эта улыбка, этотъ привѣтливый голосъ сразу возвратили Краснопѣвцеву самообладаніе. Радостныя слезы заструились по его щекамъ; онъ забылъ, что передъ нимъ стоитъ могущественный вельможа и наперсникъ царицы; ему вспомнилась маленькая учебная комната въ Чижовѣ, бойкій и капризный „Гриша“, съ наслажденіемъ слушающій его пѣсни, и онъ, помимо желанія, выговорилъ вслухъ то, что въ эту минуту тѣснилось въ его головѣ:

— Ахъ, Гриша, какой-же ты сталъ молодецъ и красавецъ!...

Звонко засмѣялся на этотъ комплиментъ Потемкинъ и съ еще большею привѣтливостью спросилъ:

— Ну, зачѣмъ ты прибрелъ сюда, старина?

— Да вотъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ окончательно оправившійся Краснопѣвцевъ, пятьдесятъ лѣтъ, какъ самъ знаешь, все Господу Богу служилъ, да выгнали за неспособностью. Говорятъ, глухъ, дряхлъ, глупъ сталъ; а я, видишь, еще могу матушкѣ царицѣ чѣмъ нибудь послужить, чтобъ не даромъ мірской хлѣбъ ѣсть,—не поможешь ли чѣмъ нибудь у ней?

— Хорошо, изволь, похлопочу за тебя, сказалъ Потемкинъ, продолжая смѣяться, а пока найдемъ для тебя мѣсто, живи у меня,—и онъ приказалъ отвести своего старика-учителя къ дворецкому, чтобы тотъ накормилъ, обулъ, одѣлъ и пріютилъ его.

Дня черезъ два, Краснопѣвцевъ былъ потребованъ къ свѣтлѣйшему и предсталъ уже съ тщательно зачесанной косичкой, вымытый, вычищенный, въ новомъ суконномъ подрясникѣ, опоясанномъ шелковымъ поясомъ.

— Ну, старикъ, спросилъ его Потемкинъ, что ты хочешь, чтобъ я для тебя сдѣлалъ?

— А ужъ не знаю, право, ваша свѣтлость, только теперь ты на мой голось пе надѣйся, пѣть-то я ужъ того — ау! и въ ушахъ словно что-то заслонило, да и видѣть-то плохо вижу, что обманывать; одни вотъ ноги еще ходятъ.

— Такъ куда же тебя пристроить?

— Да хоть-бы въ скороходы, или въ придворную арапію, ваша свѣтлость.

— Ну, нѣтъ, туда ты ростомъ не вышелъ. Развѣ вотъ что. Постой! нашелъ тебѣ должность. Видѣлъ ты здѣсь на площади, у сената, Фальконетовъ монументъ Петра Великаго?

— Какъ же не видѣть — видѣлъ; долго любовался, — чудное дѣло.

— Ну, такъ, иди же сейчасъ, посмотри хорошенько, все ли благополучно стоитъ онъ на мѣстѣ и донеси мнѣ.

Старикъ въ точности исполнилъ приказаніе.

— Ну, что? спросилъ Потемкинъ, когда онъ вернулся.

— Стоитъ, ваша свѣтлость.

— Крѣпко?

— Куда какъ крѣпко, ваша свѣтлость.

— Ну и отлично! а ты за этимъ каждое утро наблюдай, и если замѣтишь какую неисправность, то немедленно доноси мнѣ черезъ дежурнаго адъютанта. Жалованье тебѣ будетъ производиться изъ моихъ доходовъ, по смотрительскому рангу, кромѣ того столъ, квартира и платья мои. Доволенъ?

Старикъ зарыдалъ и упалъ къ ногамъ князя.

Съ этого дня, до самой смерти, онъ аккуратно исполнялъ свою нетрудную обязанность и умеръ, благословляя Потемкина. Такимъ образомъ, первымъ смотрителемъ Петровскаго памятника былъ дьячекъ въ рангѣ смотрителя, Тимофей Краснопѣвцевъ.

МОСКОВСКІЙ СОЛОМОНЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Въ 1780 году, императрица Екатерина II назначила главнокомандующимъ въ Москву генералъ-аншефа князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго. Это былъ человѣкъ уже престарѣлый, крайне добрый, храбрый воинъ, но неимѣвшій никакого понятія о гражданскихъ законахъ. Вступая въ должность, онъ призвалъ къ себѣ правителя канцеляріи, Попова, и сказалъ ему:

— Слушай, Поповъ, я человѣкъ военный, въ чернилахъ не окупанъ, и принялъ должность главнокомандующаго только изъ повиновенія матушкѣ-царицѣ. Итакъ, смотри, чтобы на меня никто не жаловался, не то я тебя тотчасъ же выдамъ: императрица меня знаетъ и тебѣ не сдобровать. Старайся, чтобы она и тебя узнала съ хорошей стороны.

Несмотря на это, князь Долгорукій своимъ прямодушіемъ и справедливостью въ самое короткое время пріобрѣлъ въ Москвѣ громадную популярность и общее уваженіе. Доступъ къ нему былъ открытъ для всѣхъ желающихъ, во всякое время дня. Князь обыкновенно, лежа на диванѣ, въ старомъ, поношенномъ шлафрокѣ, принималъ просителей, выслушивалъ ихъ просьбы и тутъже произносилъ рѣшенія, не справляясь со сводомъ законовъ, а руководясь исключительно своимъ здравымъ смысломъ. Это былъ какой-то первобытный, патріархальный судъ, а между тѣмъ всѣ оставались имъ довольны, и тяжущіеся, минуя всякія присутственныя мѣста и инстанціи, охотно шли къ князю, твердо вѣря, что онъ разсудитъ „какъ Богъ на душу положитъ“, т. е. справедливо и скоро.

Мы разскажемъ здѣсь небольшой, но вполнѣ достовѣрный эпизодъ, характеризующій гражданское правосудіе князя Долгорукаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „доброе старое время“.

Однажды, къ князю явилась пожилая мѣщанка, и по обычаю, упавъ на колѣни, со слезами и завываніями начала просить его возвратить ей дорогія, наслѣдственныя вещи, присвоенныя закладчикомъ-нѣмцемъ, у котораго она занимала деньги.

Князь В. М. Долгорукій-Крымскій.

Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

— Встань, сказалъ князь, и говори толкомъ, безъ визга, но говори чистую правду, помня отвѣтъ на страшномъ судѣ: заплатила ты нѣмцу долгъ, или нѣтъ?

— Только, батюшка, тремя днями опоздала; принесла ему весь долгъ сполна, а онъ, окаянный, отъ денегъ отказывается и вещей не отдаетъ.

— Опоздала! такъ ты и виновата сама, а жалуешься. Да точно ли вещи у него?

— Точно, батюшка. Иначе я не безпокоила-бы тебя. Онъ еще не сбылъ ихъ съ рукъ, но не хочетъ отдать, потому что онѣ стоятъ втрое больше того, что я у него заняла.

— Ну, хорошо. Попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Какъ зовутъ твоего нѣмца и гдѣ онъ живетъ?

— Зовутъ его Адамъ Адамовичъ, по фамиліи Шпицъ, а живетъ въ своемъ домѣ, неподалеку отсюда, въ Брюсовомъ переулкѣ.

— Поповъ! сказалъ князь, обращаясь къ правителю канцеляріи, пошли-ка квартальнаго къ этому Шпицу и вели отъ моего имени просить его тотчасъ пожаловать ко мнѣ по весьма нужному дѣлу.

Черезъ полчаса, нѣмецъ уже былъ въ кабинетѣ князя.

— Здравствуй, Адамъ Адамовичъ, ласково сказалъ Долгорукій. Очень радъ, что имѣю случай съ тобой познакомиться.

— И я ошенъ счастливъ, отвѣчалъ нѣмецъ съ низкими поклонами.

— Ты знаешь, любезный Адамъ Адамовичъ, эту женщину?

— Какъ не знать, ваше сіятельство, она прала и истершала мои теньги! Я послѣднія ей отдалъ, нашитыя съ великимъ трутомъ! И къ тѣмъ еще занялъ у одного шеловѣка, весьма акуратнаго, шестнаго, который живетъ отними процентами!

— Честный человѣкъ, какимъ ты изображаешь себя, Адамъ Адамовичъ, не можетъ знаться съ бездѣльниками. Докажи же мнѣ свою честность на дѣлѣ; прошу тебя, удружи, отдай этой бѣдной женщинѣ ея вещи, а она отдастъ тебѣ долгъ.

— Съ феликою ратостью исполнилъ бы я шеланіе вашего сіятельства; но я веши proталъ неизвѣстному мнѣ шеловѣку и ихъ у меня нѣтъ.

— Слышь-ты, какая бѣда! возразилъ князь.

— Не вѣрьте ему, батюшка, вмѣшалась мѣщанка, онъ, нехристь, лжетъ; хочетъ разорить меня несчастную, вещи у него дома, я ихъ видѣла сама какой-нибудь часъ тому назадъ; когда же онъ могъ успѣть ихъ продать!

— Такъ вотъ что, Адамъ Адамовичъ, сказалъ князь, прошу тебя присѣсть къ моему столу.

— Помилуйте, ваше сіятельство, отвѣчалъ нѣмецъ съ поклонами, много шести, не извольте беспокоиться; я могу и стоять въ присутствіи вашей феликой осопы.

— Полно, Адамъ Адамовичъ, болтать-то пустое,—ты, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ думаешь, что пришелъ ко мнѣ въ гости. Я, братъ, раздѣлаюсь съ тобой по-своему. Садись сейчасъ, вотъ тебѣ бумага, перо; пиши, что я тебѣ буду диктовать. Кстати, какъ зовутъ твою супругу?

— Амалія Карловна, отвѣчалъ нѣмецъ.

— Ну, пиши: „дорогая Амалія! пришли мнѣ немедленно, съ подателемъ этой записки, вещи, заложенныя у насъ мѣщанкой N. N.“.

Нѣмецъ началъ было писать, но руки его затряслись, онъ остановился и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Ваше сіятельство, я не могу. Это насиліе надъ нѣмецкимъ государствомъ!

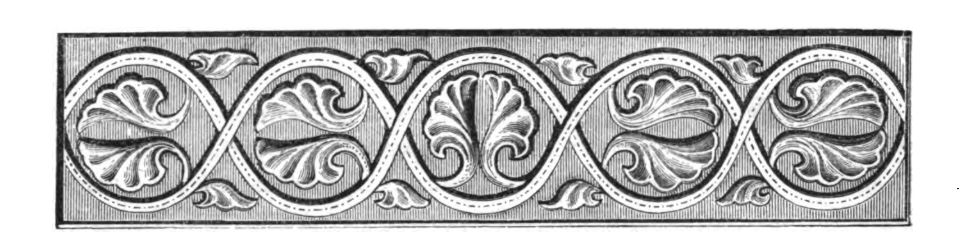
— Пиши, крикнулъ князь, что я тебѣ приказываю, иначе худо будетъ. Поповъ! вели-ка позвать на всякій случай въ переднюю двухъ казаковъ съ нагайками.

Послѣ такого аргумента, нѣмецъ безпрекословно написалъ требуемую записку, которая была тотчасъ же послана по адресу, а черезъ нѣсколько минутъ вещи лежали уже на столѣ князя.

— Теперь, Адамъ Адамовичъ, получи съ твоей должницы деньги. Ты имѣлъ право не возвращать ей вещи, несмотря на ея мольбы и на мои просьбы, но когда изъ алчности, обманнымъ образомъ, хотѣлъ овладѣть ея собственностью и разорить бѣдную женщину, покушался обмануть и меня, начальника города, поставленнаго государыней для того, чтобы защищать бѣдныхъ и несчастныхъ, то я вижу въ тебѣ только лжеца и ростовщика! На первый разъ я тебѣ прощаю и позволяю возвратиться домой; но ты заруби себѣ на носу, что съ тобою было! Поповъ, прибавилъ князь, запиши-ка его имя въ особую книгу, чтобы онъ былъ у насъ на виду.

Такъ судилъ и рядилъ московскій Соломонъ прошлаго вѣка. Когда онъ умеръ, то въ день его похоронъ всѣ улицы, даже крыши домовъ, были наполнены народомъ, плакавшимъ отъ горя, а купцы, поставщики всего нужнаго для погребенія, отказались отъ слѣдуемыхъ имъ денегъ и роздали ихъ бѣднымъ.

РУССКІЙ ПОМѢЩИКЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы познакомимъ читателей съ оригинальной личностью Василья Васильевича Головина — помѣщика елисаветинскихъ временъ, владѣльца огромнаго подмосковнаго села Новоспасскаго. Жизнь Головина интересна въ томъ отношеніи, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ странностей, принадлежавшихъ собственно ему, она представляетъ много чертъ, общихъ всѣмъ тогдашнимъ богатымъ русскимъ помѣщикамъ [1]).

Василій Васильевичъ Головинъ, сынъ ближняго стольника Василія Петровича, родился въ Москвѣ 4 апрѣля 1696 года. Отецъ его былъ извѣстенъ своей необыкновенной набожностью и преданностью интересамъ духовенства. Онъ пользовался особенной дружбой мѣстоблюстителя патріаршаго престола, митрополита Стефана Яворскаго и посвятилъ всю свою жизнь богоугоднымъ дѣламъ, построенію и украшенію церквей и собиранію рѣдкихъ иконъ. Императоръ Петръ Великій, называвшій Головина не иначе какъ „святошей“ и „монахомъ“, не благоволилъ къ нему изъ-за жены его, Евдокіи Васильевны, рожденной княжны Мещерской, которая была крестной дочерью и любимицей царевны Софіи. Когда Василій Петровичъ, въ 1704 году, исполняя царскій указъ, вмѣстѣ съ прочими вельможами пріѣхалъ въ Петербургъ строить домъ и явился къ Петру, послѣдній спросилъ его:

---

[1]) Свѣдѣнія о Головинѣ извлечены изъ изустныхъ преданій, сохранившихся объ немъ, и изъ двухъ весьма рѣдкихъ книгъ, не имѣющихся въ продажѣ и изданныхъ не для публики, подъ заглавіемъ: „Родословная Головиныхъ, собранная П. К. Москва. 1847 г.“ и „Село Новоспасское, Деденево тожъ, сочиненіе П. Казанскаго. Москва. 1847 г.“

— Ты зачѣмъ здѣсь?

— По твоему, государь, указу пріѣхалъ, строить домъ.

— Этотъ указъ до тебя, монахъ, не касается, сказалъ Петръ,—поѣзжай назадъ, кланяйся моимъ сестрамъ, да привези своего сына. Это дѣло будетъ лучше.

— Великій государь!—отвѣчалъ Головинъ, горько заплакавъ,—сынъ мой еще ребенокъ; ему только седьмой годъ.

— Экой, братъ, ты безтолковый, а еще называешься Головинъ,—возразилъ Петръ,—привози его тогда, когда онъ выростетъ. Въ Москвѣ, кажется, ты живешь одинъ, а здѣсь и безъ тебя Головиныхъ много. Притомъ же и владыко о тебѣ соскучится,—прибавилъ Петръ съ усмѣшкой и пошелъ далѣе.

Василій Васильевичъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитывался дома. Мы не знаемъ, какъ прошли дѣтство и первые годы его юности; но полагаемъ, что онъ росъ и развивался подобно всѣмъ русскимъ баричамъ петровскаго времени. Обыкновенно, такой баричъ до 17 или 18 лѣтъ считался неразумнымъ ребенкомъ и родители оставляли его жить въ деревнѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти повиновалось все окружающее, а подобострастныя нянюшки и дядьки чуть не съ пеленокъ вбивали ему въ голову барскую спѣсь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому. Образованіе же по большей части ограничивалось чтеніемъ букваря и псалтыря подъ указку дьячка, въ которомъ мальчикъ видѣлъ скорѣе свою забаву, нежели наставника.

Въ 1712 году, молодой Головинъ, наравнѣ съ другими недорослями-дворянами, былъ потребованъ въ Петербургъ къ царскому смотру. Въ оставленныхъ имъ посмертныхъ запискахъ о своей жизни подъ заглавіемъ: „Записки бѣдной и суетной жизни человѣческой“ онъ говоритъ: „Лѣта отъ воплощенія Сына и Слова Божія 1712-го, маія мѣсяца въ послѣднихъ числахъ былъ намъ всѣмъ малолѣтнимъ дворянамъ смотръ, а смотрѣлъ самъ Его Царское Величество и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первыхъ, которые лѣтами постарѣе, въ службу въ солдаты; а середнихъ за море, въ Голландію, для морской навигацкой науки, въ которыхъ въ числѣ за море и я грѣшникъ въ первое мое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтнихъ въ городъ Ревель въ науку“.

Въ слѣдующемъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Василій Васильевичъ, напутствуемый благословеніями и слезами родителей, отправился въ Архангельскъ, сѣлъ здѣсь на голландскій купече-

скій корабль и, послѣ тридцатидневнаго благополучнаго плаванія, прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ поступилъ въ вѣдѣніе русскаго агента въ Голландіи, князя Львова, котораго онъ называетъ „комисаромъ у нашей братьи, у дворянъ россійскихъ, для понужденія навигацкой науки“. О пребываніи и ученіи своемъ въ Голландіи Головинъ упоминаетъ въ запискахъ весьма лаконически: „жилъ я въ вышепоказанномъ городѣ Амстердамѣ и въ другихъ голландскихъ городахъ, а именно въ Сардамѣ и Ротердамѣ, и учился языку голландскому и ариѳметикѣ и навигаціи съ пріѣзду моего, съ 1713 года по 1715 годъ по ноябрь первый день, итого два года. А въ ономъ 1715 году велѣно намъ россійскимъ дворянамъ всѣмъ, по указу Царскаго Величества, возвратиться въ отечество“.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ іюнѣ 1716 года, Василій Васильевичъ былъ опредѣленъ, для окончанія курса наукъ, въ только-что учрежденную тогда морскую академію—первое въ Россіи спеціальное заведеніе, гдѣ было введено правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и военный порядокъ съ соблюденіемъ строгой дисциплины.

Въ адмиралтействъ-совѣтѣ до сихъ поръ хранятся книги, драгоцѣнныя для каждаго русскаго моряка. Онѣ составлены изъ листовъ, на которыхъ Петръ Великій, посѣщая адмиралтейство, писалъ свои бѣглыя замѣчанія, приказанія, набрасывалъ пояснительные чертежи для отдѣлки корабельныхъ частей и т. п. Между ними уцѣлѣлъ памятникъ заботливости государя о морской академіи. На листѣ одной изъ этихъ книгъ написано собственной рукою Петра: „учить дѣтей: 1) ариѳметикѣ; 2) геометріи; 3) фехтъ или пріемы ружья; 4) артиллеріи; 5) навигаціи; 6) фортификаціи; 7) географіи; 8) значенію членовъ корабельнаго гола и такелажа; 9) рисованію; 10) драться на рапирахъ“. Это подлинный указъ Петра о наукахъ, которыя должно было проходить въ академіи.

Комплектъ воспитанниковъ, называвшихся въ оффиціальныхъ бумагахъ „морской гвардіей“, былъ положенъ въ триста человѣкъ, раздѣленныхъ на шесть отдѣленій или „бригадъ“ подъ командою особаго офицера и нѣсколькихъ старыхъ солдатъ, исправлявшихъ должность дядекъ. Почти всѣ воспитанники жили въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ седьмомъ часу, а весною и лѣтомъ въ шестомъ, послѣ завтрака они собирались въ общій залъ для молитвы. По окончаніи ея расходились въ классы и

садились по своимъ мѣстамъ „со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостью, безъ всякой конфузіи, не досаждая другъ другу“. Въ классахъ было приказано не шумѣть, не кричать и не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ Петръ велѣлъ въ каждомъ классѣ находиться по одному дядькѣ, „коему имѣть въ рукахъ хлыстъ и, буде кто изъ учениковъ начнетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы ученикъ фамиліи не былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ кто поманитъ“, то есть станетъ потворствовать. Для преподаванія были назначены нѣсколько навигаторовъ и учителей, въ числѣ которыхъ находились извѣстные Фарварсонъ и Гвынъ; имъ строго предписывалось являться къ своимъ занятіямъ въ установленные часы и „обучать морскую гвардію всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумительнѣйшимъ образомъ; ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ способомъ, подъ штрафомъ вчетверо оное возвратить; ежели кто изъ учителей замѣтится двукратно во взяткахъ, того подвергать тѣлесному наказанію“. Воспитанники имѣли ружья, ходили въ караулъ, стояли на часахъ у воротъ, въ залѣ, при денежной казнѣ, у часоваго колокола и. т. д. Въ академіи неуклонно соблюдался военный порядокъ; въ опредѣленное время били „тапту“, то есть зорю, рундъ повѣрялъ часовыхъ, а ночью дозоръ ходилъ по дворамъ и вокругъ зданія. Всѣ эти строгости были необходимы. Только одно опасеніе жестокаго наказанія, часовой у двери, или хлыстъ въ рукахъ дюжаго солдата, могли удержать тогдашнихъ юношей въ предѣлахъ должной дисциплины и „учтивства“. Въ академической инструкціи не напрасно ставилось въ обязанность караульному офицеру наблюдать, чтобы въ академіи не было „пьянства, божбы, ниже богохуленія“. Побѣги изъ училища случались довольно часто, хотя дезертировъ судили военнымъ судомъ. Буйства, пирушки и попойки, оканчивавшіяся нерѣдко кровавыми драками, также водились между морской гвардіей. Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія: „сѣчь по два дня нещадно батогами“ или „по молодости лѣтъ вмѣсто кнута наказать кошками“. За преступленія, болѣе важныя, гоняли шпицрутенами сквозь строй и оставляли попрежнему учиться.

Проходимый въ академіи курсъ, въ сущности, необъемистый и весьма нетрудный при нынѣшнихъ способахъ ученія, въ то время былъ тягостнымъ бременемъ для головы ученика и требо-

валъ отъ него большихъ усилій, терпѣнія и прилежанія. Тяжелая, схоластическая система преподаванія и новость русскаго научнаго языка до крайности затемняли самыя простыя вещи. Надъ тѣми предметами, которыя теперь шутя можно передать трипадцатилѣтнему мальчику не очень быстрыхъ способностей, взрослый ученикъ морской академіи убивалъ нѣсколько мѣсяцевъ постояннаго, усерднаго труда, и нерѣдко въ результатѣ оказывалось, что большая часть его знаній состояла въ изученіи безполезныхъ фразъ, пустыхъ опредѣленій и множества научныхъ фокусовъ.

Не легко давалась школьная мудрость тогдашнимъ баричамъ. Много горя приняли они, готовясь къ царской службѣ, и не разъ извѣдали собственной, дворянской спиной, что такое кошки, батоги и шпицрутены. Тяжело было Василію Васильевичу привыкать къ академическимъ порядкамъ и требованіямъ. Не смотря на крѣпость своего сложенія, онъ не могъ выдержать всѣхъ строгостей воинскаго артикула и черезъ два мѣсяца послѣ поступленія въ академію заболѣлъ жестокой горячкой. Пролежавъ нѣсколько недѣль въ постели, Василій Васильевичъ оправился и, по ходатайству двоюроднаго дѣда своего, царскаго любимца, Ивана Михайловича Головина, былъ уволенъ изъ академіи, для возстановленія здоровья, въ годовой отпускъ. Съ радостью поспѣшилъ онъ къ родителямъ въ Новоспасское и былъ встрѣченъ здѣсь неожиданной новостью. Василій Петровичъ объявилъ сыну, что, желая при жизни устроить его будущность, намѣренъ женить его и уже нашелъ ему невѣсту—молодую вдову, княгиню Евдокію Венедиктовну Кольцову-Масальскую, рожденную Хитрово. Выборъ старика былъ удаченъ; княгиня Масальская могла считаться завидной невѣстой; по ея рядной записи, до сихъ поръ хранящейся въ Новоспасскомъ, за ней значилось приданаго: тысяча дворовъ крестьянъ, двадцать пять драгоцѣнныхъ уборовъ и парадная кровать, состоявшая изъ шести подушекъ, одного изголовья, одѣяла и занавѣса, украшенныхъ жемчужными кистями съ узлами и бахрамой. Василію Васильевичу, разумѣется, не оставалось ничего болѣе, какъ поблагодарить родителя за его попеченія и заботы и согласиться на предлагаемый бракъ. Съѣздивъ предварительно въ Троицкую лавру испросить благословенія святаго угодника Сергія, Василій Васильевичъ, 23 января 1717 года, женился на княгинѣ Евдокіи Венедиктовнѣ. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ весьма торжественно въ Москвѣ, въ церкви Воскресенія Христова, что на Остоженкѣ. На

другой день свадьбы, старикъ Головинъ, по обычаю, сдѣлалъ у себя въ домѣ въ честь молодыхъ пиръ, на который были приглашены всѣ родные, находившіеся на-лицо. Василій Васильевичъ въ своихъ запискахъ тщательно перечисляетъ ихъ: „Въ показанное 24 число гости были у насъ званые, а именно: государь дѣдъ Матвѣй Алексѣевичъ Головинъ, князь Сергѣй Борисовичъ Голицынъ, князь Иванъ Алексѣевичъ сынъ Урусовъ, Петръ да Ѳедоръ Ивановичи, дяди мои, Головины, да бабки мои, вдовы: Алена Ивановна, да Варвара Петровна Головины, бабка моя родная, боярыня комнатная, вдова княгиня Авдотья Васильевна Мещерская, бабка моя, княгиня Авдотья Ивановна, жена князя Василія Васильевича Голицына, съ сыновьями и со снохами, и со внуками своими, княземъ Алексѣемъ и княземъ Михаиломъ Васильевичемъ, и съ княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ Голицыными, князь Михайло меньшой Михайловичъ Голицынъ съ женою своею, а съ моею теткою, княгиней Марфой Дмитріевной, вдова Алена Борисовна Головина, Николай Ѳедоровичъ Головинъ съ женою, да Александръ Яковлевичъ сынъ Чаплинъ. А жены моей родни только двѣ персоны были, тетка ея, Марья Ѳедоровна Корсакова, да братъ ея, Герасимъ Алексѣевъ сынъ Мансуровъ“.

Проживъ съ молодою супругою пять мѣсяцевъ, проведенныхъ большею частью въ разъѣздахъ по многочисленной роднѣ, Василій Васильевичъ съ грустью увидѣлъ приближеніе срока своего отпуска. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, оставя жену въ Новоспасскомъ онъ отправился въ Петербургъ одинъ и, принявшись снова за „навигацію“ и „воинскій артикулъ“, въ то же время занялся исправленіемъ отцовскаго дома, построеннаго подъ Канцами [1]). Когда все было готово, онъ перебрался въ него, выписалъ къ себѣ, въ январѣ 1718 года, жену и зажилъ полнымъ хозяиномъ, продолжая, попрежнему, находиться „у опредѣленнаго дѣла“ въ академіи. Понятно, какъ тягостна и нестерпима была для семейнаго человѣка обязанность ежедневно, съ ранняго утра, являться въ школу, заучивать наизусть нѣсколько страницъ неудобопонятныхъ учебниковъ, выкидывать ружейные пріемы, или стоять цѣлыя ночи на часахъ у воротъ, подвергая себя за малѣйшее упущеніе хлысту и батогамъ. Однако избѣжать этого не было никакой возможности. Царь ни для кого не дѣлалъ ни

[1]) Гдѣ теперь Охта. Названіе „Канцы“ произошло отъ находившагося на этомъ мѣстѣ шведскаго укрѣпленія—Шанцы.

исключеній, ни снисхожденій. Василію Васильевичу пришлось вести несносную жизнь школьника-семьянина до 19 января 1720 года, когда наконецъ, благодаря усерднымъ хлопотамъ и просьбамъ вліятельныхъ родственниковъ, онъ былъ уволенъ по именному царскому указу изъ академіи и назначенъ въ должность камеръ-юнкера къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Служба Василія Васильевича при дворѣ продолжалась недолго. Въ слѣдующемъ же году онъ имѣлъ неосторожность навлечь на себя гнѣвъ государя и былъ не только лишенъ камеръ-юнкерскаго званія, но, кажется, подвергнулся аресту или ссылкѣ. Объ этомъ событіи своей жизни Головинъ упоминаетъ въ запискахъ, по обыкновенію, весьма кратко: „Лѣта 1721 марта въ 15 день, судьбами Великаго Бога пріиде мнѣ, многогрѣшному и окаянному и бѣдному человѣку, злая, бѣдственная, горькая напасть и продолжалась до лѣта 1725, февраля по 6 число“.

По воцареніи императрицы Екатерины I, Головинъ получилъ отставку и переѣхалъ изъ Петербурга на жительство въ Москву. Въ 1733 году онъ потерялъ почти въ одинъ мѣсяцъ жену и отца, а въ слѣдующемъ, 29 апрѣля, какъ говорится на красную горку, вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Прасковьей Тимоѳеевной Чириковой, которая родилась въ тотъ самый годъ, какъ онъ женился въ первый разъ.

Въ грозное время властвованія Бирона, Василій Васильевичъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, былъ вновь арестованъ и содержался въ тѣсномъ заключеніи съ 1736 по 1738 годъ, въ Москвѣ, при церкви Воскресенія Христова, въ особой комнатѣ. По приказанію безчеловѣчнаго временщика, его подвергали жестокимъ пыткамъ и мученіямъ: поднимали на пялы, вывертывали лопатки, гладили по спинѣ горячимъ утюгомъ, кололи подъ ногти раскаленными иголками, били кнутомъ и т. п. Въ Новоспасскомъ во многихъ календаряхъ отмѣчено его рукою: „Такого-то числа подчищали ногти у бѣднаго и грѣшнаго человѣка, которые были изуродованы. Благодареніе Господу! Нынѣ мы благоденствуемъ!“ Нужно только прочесть запись обѣтовъ Василія Васильевича, по освобожденіи изъ заключенія, чтобы понять всю радость и благодарность несчастнаго страдальца къ Богу за избавленіе отъ рукъ мучителя, которое онъ получилъ посредствомъ огромной суммы, растраченной его супругой. Запись эта начинается словами: „Помни день избавленія и спасенія твоего, 1738 года, марта въ 3 день. Даждь славу Богу о величіи Его, яко помилова тя и суща тя недостойна удостоилъ великія Своея милости:

прославь Его съ сокрушеннымъ сердцемъ и духомъ смиреннымъ. Припади и поверзи себя и съ сущими твоими къ ногамъ человѣколюбнѣйшаго Творца твоего, Владыки всемогущаго Бога и Пресвятыя Его Богоматери, и Святыхъ Его угодниковъ. Аминь. Обѣщаніе грѣшнаго да незабвенно будетъ". Затѣмъ слѣдуетъ безконечное перечисленіе молебновъ разнымъ святымъ и въ разныхъ храмахъ, поднятіе иконъ, служеніе панихидъ и т. д.

Несчастія, испытанпыя Василіемъ Васильевичемъ, имѣли довольно сильное вліяніе на его характеръ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ, подозрительнымъ и религіознымъ до такой степени, что даже впалъ въ суевѣріе, доходившее до помѣшательства. Чтобы яснѣе обрисовать личность Головина, мы здѣсь опишемъ подробно обыкновенный порядокъ его домашней жизни въ Новоспасскомъ, гдѣ онъ проводилъ большую часть года.

Вставъ рано поутру, еще до восхода солнечнаго, Василій Васильевичъ прочитывалъ полунощницу и утреню вмѣстѣ съ любимымъ дьячкомъ своимъ, Яковомъ Дмитріевымъ. По окончаніи утреннихъ правилъ, являлись къ нему съ докладами и рапортами дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Они обыкновенно входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки, испытанной честности, Пелагеи Петровны Воробьевой. Прежде всего она произносила:—„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа", а предстоящіе отвѣчали „аминь!" Потомъ она говорила:—„Входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните-жъ, смотрите, накрѣпко!" Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: „слышимъ, матушка!" Войдя въ кабинетъ къ барину, они кланялись ему до земли и говорили:—„Здравія желаемъ, государь нашъ!"—„Здравствуйте" — отвѣчалъ баринъ, — „друзья мои не пытанные и не мученные, не опытные и не наказанные (это была его всегдашняя поговорка). Ну что? Все ли здорово, ребята, и благополучно у насъ?" На этотъ вопросъ прежде всѣхъ отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ дворецкій: — „Въ церкви святой и ризницѣ честной, въ домѣ вашемъ господскомъ, на конномъ и скотномъ, въ павлятникѣ и журавлятникѣ, вездѣ въ садахъ, на птичьихъ прудахъ и во всѣхъ мѣстахъ, милостію Спасовою, все обстоитъ, государь нашъ, Богомъ хранимо, благополучно и здорово". Послѣ дворецкаго начиналъ свое донесеніе ключникъ: — „Въ барскихъ вашихъ погребахъ, амбарахъ и кладовыхъ, сараяхъ и овинахъ, улишникахъ и птичникахъ, на витчинницахъ и сушильницахъ,

милостію Господнею, находится, государь нашъ, все въ цѣлости и сохранности; свѣжую воду ключевую изъ святаго Григоровскаго колодца, по приказанію вашему господскому, на пѣгой лошади привезли, въ стеклянную бутыль налили, въ деревянную кадку поставили, вокругъ льдомъ обложили, изнутри кругомъ призакрыли и сверху камень наложили". Выборный доносилъ такъ: „Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ боярскаго вашего дома ходили, въ колотушки стучали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли, въ рожокъ, сударь, по очереди трубили, и всѣ четверо между собою громогласно говорили; нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крыши не садились и на чердакѣ не возились". Въ заключеніе староста доносилъ:— „Во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все обстоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя ихъ пасутся, домашнія птицы несутся; на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго явленія не видали. Котъ Ванька [1]) и баба-зажигалка [2]) въ Ртищевѣ проживаютъ и, по приказу вашему боярскому, невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ и васъ, государь, слезно умоляютъ, чтобъ вы гнѣвъ боярскій на милость положили и ихъ бы виновныхъ рабовъ своихъ простили". Выслушавъ донесенія, Василій Васильевичъ отпускалъ докладчиковъ и ему приносили чай. Впереди, обыкновенно, шелъ одинъ служитель съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячею водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями; шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ для обмахиванія золы и пыли. Поставивъ на желѣзный листъ жаровню, а на нее мѣдный чайникъ и сотворивъ молитву Іисусову, слуги тихо выходили. Баринъ посылалъ тогда за старшимъ сыномъ своимъ Василіемъ, котораго поднимали съ постели. Напившись чаю, онъ отправлялся къ литургіи и становился въ церкви на особенномъ мѣстѣ;

[1]) Это былъ любимый котъ Василія Васильевича. Однажды онъ влѣзъ въ вятеръ, съѣлъ въ немъ приготовленную для барскаго стола животрепещущую рыбу и, увязши тамъ, удавился. Слуги, скрывъ смерть кота, сказали только о его винѣ и Василій Васильевичъ сослалъ животное въ ссылку.

[2]) Такъ было велѣно называть женщину, отъ неосторожности которой въ Новоспасскомъ произошелъ пожаръ. Василій Васильевичъ такъ былъ испуганъ этимъ происшествіемъ, что приказалъ всѣмъ дворовымъ людямъ стряпать въ одной особой комнатѣ, а дворовыхъ у него было болѣе трехъ-сотъ человѣкъ, естественно, что приказаніе это не было никогда исполняемо.

по окончаніи обѣдни возвращался домой, по переходамъ, поддерживаемый двумя лакеями. Тогда подавали ему завтракъ, а немного спустя онъ садился обѣдать со всѣмъ своимъ семействомъ. При этомъ былъ всегда приглашаемъ священникъ благословить обѣдъ, который нерѣдко продолжался часа три. Кушаній считалось, обыкновенно семь, но число блюдъ доходило до сорока и болѣе. Для каждаго кушанья былъ особый поваръ и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ приносилъ свое кушанье. Сервизъ былъ весь оловянный, въ праздники серебряный или фарфоровый. Поставя первыя блюда, всѣ семь поваровъ снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили за другими блюдами. Тутъ являлись двѣнадцать официантовъ, одѣтые въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ напудренными волосами и длинными бѣлыми косынками на шеѣ. Послѣ обѣда подавался десертъ, называвшійся „заѣдками"; самъ хозяинъ пилъ шоколадъ. Обѣдъ кончался въ четыре часа; ужина не было; затѣмъ Василій Васильевичъ ложился спать до самаго утра. Приготовленія ко сну начинались приказомъ закрывать ставни. Изнутри прочитывали молитву Іисусову: „Господи Іисусе Христе Сыне, Боже нашъ, помилуй насъ!" „Аминь!" отвѣчали нѣсколько голосовъ извнѣ, и съ этимъ словомъ, съ ужаснымъ стукомъ закрывали ставни и засовывали ихъ желѣзными болтами. Тогда приходили дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Въ кабинетъ къ барину допускался одинъ дворецкій и, получивъ отъ него приказанія, передавалъ ихъ уже прочимъ. Приказъ выборному былъ такой:—„Слушайте приказъ боярскій: смотрите, всю ночь не спите, кругомъ барскаго дома ходите, колотушками громче стучите, въ рожокъ трубите, въ доску звоните, въ трещотку трещите, въ ясакъ ударяйте, по сторонамъ не зѣвайте и помните накрѣпко: чтобы птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, малыхъ дѣтей не пугали, барской замазки не клевали, на крыши бы не садились и по чердакамъ не возились; смотрите-жъ, ребята, помните накрѣпко!" — „Слышимъ!" былъ отвѣтъ. Старостѣ отдавался такой приказъ:—„Скажи сотскимъ и десятскимъ, чтобы всѣ они, отъ мала и до велика, жителей хранили и строго соблюдали, обывателей отъ огня неусыпно сберегали-бъ, и глядѣли-бъ, и смотрѣли: нѣтъ ли гдѣ въ деревняхъ: Целѣевѣ, Медвѣдкахъ и Голявинѣ смятенія, не будетъ ли на рѣкахъ Икшѣ, Яхромѣ и Волгушѣ волненія, не увидите ли на небесахъ какого нибудь страшнаго явленія, не услышите ли подъ собою ужаснаго землетрясенія? Коли что такое случится или диво какое при

ключится, о томъ бы сами не судили и ничего-бъ такого не рядили, а въ ту-бъ пору къ господину приходили и все-бъ его милости боярской доносили и помнили-бъ накрѣпко!“ Ключнику отдавала приказъ дѣвица Воробьева: — „Баринъ, государь, тебѣ приказалъ, чтобы ты провизію наблюдалъ, въ Григорово лошадь отправлялъ и святую воду принималъ; въ кадку поставьте, льдомъ окладите, кругомъ накройте и камнемъ навалите, съ чистотою и молитвою, людей облегчайте и скотовъ наблюдайте, по сторонамъ не зѣвайте и пустаго не болтайте, и помните накрѣпко!“ Этимъ оканчивались приказанія. Двери комнатъ запирала и отпирала обыкновенно Воробьева: ключи она относила къ Василію Васильевичу и, кладя ихъ ему подъ изголовье, говорила: — „Оставайтесь, государь, съ Іисусомъ Христомъ, почивайте, сударь, подъ покровомъ Пресвятой Богородицы, Ангелъ Хранитель да пребудетъ надъ вами, государь мой“. Потомъ Воробьева отдавала приказъ очереднымъ сѣннымъ дѣвушкамъ: — „Кошекъ-то [1]) смотрите; ничѣмъ не стучите, громко не говорите, по ночамъ не спите, подслушниковъ глядите, огонь потушите и помните накрѣпко!“ Прочитавъ вечернее правило, Василій Васильевичъ ложился въ постель и, крестясь, произносилъ: — „Рабъ Божій ложится спать, на немъ печать Христова и утвержденіе, Богородицына нерушимая стѣна и защищеніе, Крестителева благословенная десница, хранителя моего Ангела всесильный и всемощный животворящій крестъ, безплотныхъ силъ лики и всѣхъ святыхъ молитвы; крестомъ ограждаюсь, демона прогоняю и всю силу его вражью искореняю, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь!“ Ночью въ Новоспасскомъ раздавался громъ, звонъ, стукъ, свистъ, гамъ и крикъ, трещанье и бѣганье четырехъ чередовыхъ и стольких же караульныхъ. Если что нибудь помѣшало Василію Васильевичу заснуть въ первое время, то онъ уже не ложился спать и разстраивался на всю ночь. Въ такомъ случаѣ онъ или начиналъ читать вслухъ свою любимую книгу: „Жизнь Александра Македонскаго, Квинта Курція“, или садился въ большія механическія кресла, начиналъ качаться въ нихъ, поправляя руками на обоихъ вискахъ волосы, закладывая ихъ за уши, и, перебирая четки, произносилъ слѣдующія слова, постепенно возвышая

---

[1]) Въ комнатахъ у Василія Васильевича было семь кошекъ, которыя днемъ могли ходить по всему дому, а ночью привязывались къ семиножному столу. За каждой кошкой поручено было ходить особой дѣвкѣ. Если случалось, что которая либо изъ кошекъ отрывалась отъ стола и приходила къ барину, то кошка и дѣвка подвергались наказанію.

ипонижая голосъ:—„Врагъ-сатана! отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые и въ пропасти земныя, гдѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Божія! Врагъ-сатана! отрѣшись отъ меня въ мѣста темныя, въ моря бездонныя, на горы дивія, бездомныя, безлюдныя, гдѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Господня! Рожа окаянная! изыде отъ меня въ таръ-тарары, изыде отъ меня окаянная рожа въ адъ кромѣшный и въ пекло тріисподнее, и къ тому уже не вниди. Аминь! Аминь! Аминь! Глаголю тебѣ, разсыпься растрекляте, растрепогане, растреокаянне! дую на тебя и плюю!“ Окончивъ заклинаніе, Василій Васильевичъ вставалъ съ кресла и начиналъ ходить по всѣмъ своимъ комнатамъ, постукивая колотушкою или обмахивая гусинымъ крыломъ мнимую нечистоту вокругъ себя и вездѣ. Если, сверхъ чаянія, онъ находилъ гдѣ нибудь пыль, то тотчасъ же приказывалъ курить роснымъ ладаномъ и окроплять то мѣсто святою водою. Такія странности, естественно, поджигали любопытство дворовыхъ и многіе подсматривали въ щели, чтò дѣлаетъ баринъ. Но и на этотъ случай были приняты мѣры: сѣнныя дѣвушки поднимали крикъ съ различными прибаутками и приговорками и окачивали подслушниковъ изъ верхнихъ окошекъ холодной водою, а Василій Васильевичъ одобрялъ ихъ поступки, приговаривая:—„по дѣломъ вору и мука, ништо имъ растреклятымъ, растрепоганымъ, растреокаяннымъ, непытаннымъ, немученнымъ и ненаказаннымъ!“ топоча обѣими ногами и неоднократно повторяя одно и то же. Въ холодное время, когда начинали топить печи, соблюдался слѣдующій порядокъ: въ собственныхъ комнатахъ барина были четыре печи и къ каждой изъ нихъ былъ опредѣленъ особый истопникъ. Ежедневно передъ чаемъ они приходили въ домъ; Воробьева, отворивъ имъ двери въ сѣни, говорила:—„Слушайте, смотрите, печи оглядите, хорошенько топите, отнюдь не отходите, сажей не марайте, дымомъ не воняйте, и помните накрѣпко: похаживайте, посматривайте, входите бережно и опасно, съ чистотою и молитвою; заворачивать правымъ бокомъ, потомъ снаравливать налѣво, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!“—„Аминь!“ отвѣчали истопники и съ этимъ словомъ разомъ вдругъ снимали съ плечъ дрова, ударяя ими громко объ полъ; потомъ двое уходили на чердакъ открывать трубы и ожидали снизу команды, а другіе двое отворяли заслонки, произнося вслухъ молитву Іисусову, клали дрова въ печь и въ одно и то же время затопляли.

Зимой, отправляясь на жительство въ Москву, а лѣтомъ, возвращаясь обратно въ Новоспасское, Василій Васильевичъ былъ

всегда сопровождаемъ чрезвычайно пышнымъ поѣздомъ, въ которомъ находилось до семидесяти лошадей и около двадцати различныхъ экипажей. Впереди всего везли чудотворную икону Владимірской Божіей Матери въ золоченой каретѣ, съ утвержденнымъ внутри фонаремъ, въ сопровожденіи крестоваго священника. Затѣмъ слѣдовали: баринъ и барыни, въ особенныхъ шестимѣстныхъ фаэтонахъ, запряженныхъ парадными цугами въ восемь лошадей; барышни въ четвероместныхъ каретахъ, въ шесть лошадей; молодые господа въ открытыхъ колясках или саняхъ, въ четыре лошади. Всѣ они сидѣли по-одиночкѣ, за исключеніемъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ, которыя помѣщались съ матерями. Барскія барыни и сѣнныя дѣвицы ѣхали въ бричкахъ и кибиткахъ. Канцелярія, гардеробъ, буфетъ, кухня и прочія хозяйственныя принадлежности были обыкновенно отправляемы въ особыхъ фурахъ. Двадцать богато одѣтыхъ верховыхъ егерей оберегали этотъ затѣйливый поѣздъ.

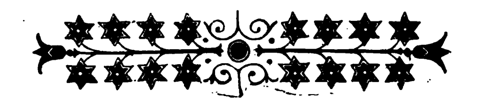
Не смотря на всѣ свои странности, Василій Васильевичъ былъ человѣкъ умный, строгихъ и честныхъ правилъ; имѣлъ характеръ твердый, пылкій и взыскательный, но не жестокій. Онъ охотно дѣлалъ добро, строго сохранялъ всѣ правила и постановленія церкви и у себя дома ежедневно исполнялъ скитское монашеское келейное правило; любилъ читать Священное Писаніе, часто повторяя слова Псалмопѣвца:—„Отяготѣ на мнѣ рука Твоя. Когда пріиду и явлюся лицу Божію? Быша слезы моя хлѣбъ мнѣ день и нощь; желаетъ и оканчивается душа моя во дворы Господни“.

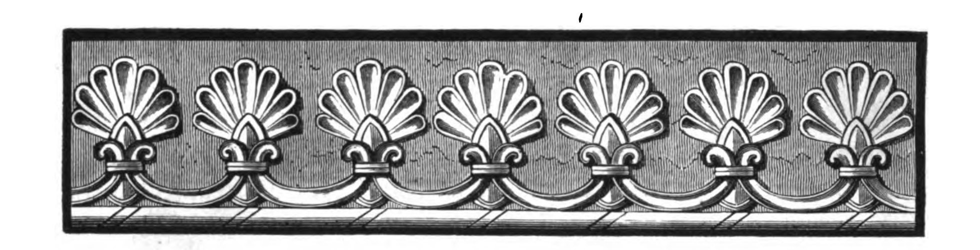
Василій Васильевичъ былъ малаго роста, сухощавъ, имѣлъ темные волосы, каріе глаза, широкій носъ. Достигнувъ восьмидесяти пяти лѣтъ, онъ не употреблялъ очковъ и не потерялъ ни одного зуба; даже страстно любилъ грызть орѣхи, которые для него мочили въ кадкахъ на цѣлый годъ. Онъ постоянно носилъ на головѣ стеганную зеленую шапочку, сшитую изъ трехъ одинаковыхъ полосъ, въ видѣ креста, такъ что одна полоса обходила вокругъ головы, а двѣ другіе составляли вверху крестъ. Согласно его завѣщанію, онъ былъ положенъ въ этой шапочкѣ въ гробъ.

Василій Васильевичъ скончался 1 мая 1781 года отъ апоплексическаго удара и погребенъ въ селѣ Новоспасскомъ, подъ лѣвымъ клиросомъ тамошней церкви. Изъ покрова его, богатѣйшей французской парчи, было сдѣлано парное облаченіе съ жемчужными крестами, сохранившееся до сего времени.

Василій Васильевичъ, бездѣтный отъ перваго брака, отъ втораго имѣлъ восемь сыновей и десять дочерей; изъ нихъ только семь человѣкъ достигли совершеннолѣтія. Вторая жена Василія Васильевича, Прасковья Тимоѳеевна, урожденная Чирикова, была очень недурна собой, высокаго роста, дородная, съ голубыми огненными глазами и прекрасными каштановыми волосами, которые, подражая модѣ, носила всегда напудренными. Она считалась въ свое время модницей и щеголихой, часто ѣздила на балы, играла въ карты, пила полпиво и любила національную музыку, простонародныя пѣсни и русскую пляску. При ней находились почти безотлучно: пара уродливыхъ карликовъ и ученый гуслистъ, ловкій, видный и стройный мужчина, природный черкесъ, вывезенный изъ Кавказа. По тогдашнему обычаю, Прасковья Тимоѳеевна имѣла привычку употреблять бѣлила, румяна, сурмины и вообще всякія притиранья. Проживъ съ мужемъ въ полномъ согласіи сорокъ лѣтъ, она подъ конецъ жизни возненавидѣла его и разъѣхалась съ нимъ навсегда.

Изъ сыновей Василія Васильевича, старшій, также Василій Васильевичъ, родившійся въ 1739 году, служилъ сперва въ Семеновскомъ полку, потомъ судьей въ Калужскомъ надворномъ судѣ. Въ 1786 году онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ надворнаго совѣтника, и поселился въ Новоспасскомъ, гдѣ жилъ, удивляя всѣхъ своею роскошью. Онъ выѣзжалъ не иначе какъ парадомъ, съ вершниками и гусарами, съ гайдуками и скороходами, окруженный всегда множествомъ дуръ и дураковъ, шутовъ и шутихъ; свиту его составляли арабы, башкиры, татарки и калмычки. Ежедневно принимая къ себѣ гостей, Головинъ угощалъ ихъ по старинѣ и задавалъ великолѣпные обѣды, ужины, балы и причудливые маскарады; съ утра до вечера у него гремѣла своя музыка, пѣли собственные пѣвчіе и плясали цыгане, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ; въ праздники въ Новоспасскомъ происходила стрѣльба изъ орудій и сожигался блистательный фейерверкъ. Василій Васильевичъ 2-й умеръ въ 1808 году отъ долговременной и изнурительной болѣзни.

ПОДПОРУЧИКЪ ФЕДОСѢЕВЪ.

Въ февралѣ 1797 года, по всѣмъ губерніямъ было разослано нѣсколько тысячъ печатныхъ экземпляровъ указа слѣдующаго содержанія:

„Объявляется во всенародное извѣстіе:

„Подпоручикъ Иванъ Федосѣевъ, Военной Коллегіею бывъ отправленъ въ Оренбургскій гарнизонъ и проѣзжая изъ Санктпетербургской чрезъ Новгородскую и Тверскую губерніи, дерзнулъ разглашать въ разныхъ селеніяхъ отъ Всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества имени, что помѣщичьи крестьяне будутъ Государевы и собирать съ нихъ станутъ оброкъ наравнѣ съ крестьянами казеннаго вѣдомства, за каковое преступленіе въ ложномъ разглашеніи по силѣ законовъ подлежалъ онъ смертной казни, о чемъ и поднесенъ былъ отъ Сената Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ съ таковымъ мнѣніемъ: чтобъ подпоручика Федосѣева, за преступленіе имъ содѣянное, лишить чиновъ и дворянскаго достоинства, по снятіи коего и привилегія до него не касается; чего ради, наказавъ кнутомъ, сослать его въ работу на Нерчинскіе заводы. На которомъ докладѣ сего января 29 дня, собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „быть по сему". Во исполненіе онаго преступнику Федосѣеву наказаніе публично въ Санктпетербургѣ учинено и о томъ для надлежащаго свѣдѣнія симъ объявляется.

„Подлинный за подписомъ Правительствующаго Сената. Печатанъ въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ января дня, 1797 года".

Указъ этотъ, бывшій долго предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ, послужилъ иностраннымъ писателямъ о Россіи матеріаломъ для обильныхъ вымысловъ. Во многихъ исторіяхъ и мемуарахъ, относящихся ко времени императора Павла I и изданныхъ за границею, мы находимъ пространные разсказы о возмущеніи, произведенномъ однимъ офицеромъ между помѣщичьими крестьянами въ Новгородской и Тверской губерніяхъ въ 1797 году, о посылкѣ для усмиренія бунтовщиковъ нѣсколькихъ гвардейскихъ полковъ, подъ начальствомъ престарѣлаго фельдмаршала князя Репнина, о кровопролитныхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ для водворенія порядка, и проч. и проч. Подлинное дѣло о подпоручикѣ Федосѣевѣ, хранящееся въ архивѣ Правительствующаго Сената, даетъ намъ возможность познакомить читателей съ скромной личностью „возмутителя" и представить въ настоящемъ свѣтѣ небывалое возмущеніе 1797 года.

Излагая дѣло почти буквально по экстракту, представленному въ Сенатъ С.-Петербургской Уголовной Палатой, мы не будемъ касаться его юридической стороны. Цѣль нашей статьи—не юридическій разборъ процесса Федосѣева, а опроверженіе неточныхъ разсказовъ, выдуманныхъ иностранцами и принимаемыхъ многими за непреложные факты; впрочемъ, несостоятельность нашей тогдашней уголовной практики и излишняя строгость законовъ будутъ ясно видны изъ обстоятельствъ дѣла.

30 декабря 1796 года, дворянскій засѣдатель весьегонскаго нижняго суда, подпоручикъ Масловъ, объѣзжая свой округъ, пріѣхалъ ночевать въ сельцо Чудиново, принадлежавшее разнымъ владѣльцамъ. Тотчасъ по пріѣздѣ засѣдателя, къ нему явился приказчикъ помѣщика Сысоева, Козьма Тимофѣевъ, и, между прочимъ, объявилъ, что вчерашній день онъ былъ въ гостяхъ, неподалеку, въ селѣ Макаровѣ, и что въ это время проѣзжалъ черезъ село какой-то офицеръ съ солдатомъ, сказывавшій о себѣ, что онъ и еще цѣлый полкъ посланы по высочайшему повелѣнію во всѣ города отъ Петербурга до Оренбурга, для узнанія и переписи въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ, сколько въ нихъ душъ и какой оброкъ платятъ крестьяне своимъ господамъ. При этомъ офицеръ говорилъ, что скоро всѣ помѣщичьи крестьяне будутъ государевы и съ нихъ станутъ брать такой же оброкъ, какъ и съ казенныхъ. Переписавъ въ сельцѣ Макаровѣ крестьянъ, офицеръ поѣхалъ въ экономическую деревню Перемутъ, но слова его, по увѣренію Тимофѣева, привели обитателей села Макарова „въ немалое сомнѣніе".

Такое извѣстіе встревожило засѣдателя. Отложивъ намѣреніе ночевать въ Чудиновѣ, онъ тотчасъ же отправился въ с. Перемутъ. Не найдя здѣсь неизвѣстнаго офицера и узнавши, что онъ еще вчера проѣхалъ по тракту на г. Весьегонскъ, неутомимый засѣдатель пустился по его слѣдамъ далѣе. Пріѣхавъ на другой день въ Весьегонскъ, Масловъ началъ отыскивать свою жертву по постоялымъ дворамъ. Содержатель одного изъ нихъ объяснилъ, что вчера на ночь остановился у него офицеръ съ солдатомъ; переночевавъ, офицеръ рано утромъ уѣхалъ въ Череповскій уѣздъ, солдатъ же остался на постояломъ дворѣ. Засѣдатель тотчасъ же велѣлъ арестовать солдата. Онъ оказался сержантомъ Оренбургскаго Трейдена полка Осипомъ Степановымъ. При обыскѣ у него нашли двѣ подорожныя: одну на его собственное имя, другую на имя подпоручика того же полка, Ивана Федосѣева. Отправивъ Степанова въ острогъ, Масловъ поспѣшилъ въ догоню за Федосѣевымъ, въ Череповскій уѣздъ. Проѣзжая, въ десятомъ часу вечера, черезъ село Пленишники, Масловъ замѣтилъ у воротъ одной избы лошадь, заложенную въ сани. „Для кого приготовлена лошадь?“ спросилъ онъ у крестьянина, хлопотавшаго около саней. Крестьянинъ отвѣчалъ, что лошадь заложена по приказанію десятскаго, чтобы везти какого-то офицера. Масловъ немедленно собралъ „стороннихъ людей“ и вошелъ съ ними въ избу. Онъ нашелъ въ ней молодаго офицера, дружелюбно разговаривавшаго съ двумя крестьянами. На вопросъ: что онъ за человѣкъ? офицеръ, по словамъ Маслова, „весьма грубо и неучтиво“ отвѣчалъ: а тебѣ какая надобность знать, кто я? Масловъ объявилъ, что онъ засѣдатель весьегонскаго нижняго суда, и потребовалъ отъ офицера бумаги и видъ. Вмѣсто того, чтобы исполнить требованіе засѣдателя, офицеръ обругалъ его „съ великимъ азартомъ и неучтивствомъ“. Тогда Масловъ рѣшился силою отнять у него бумаги. Офицеръ защищался, оборвалъ у Маслова обшлага на рукавахъ кафтана, однако былъ смятъ командою, которая и вытащила у него изъ кармановъ нѣсколько записокъ. Въ нихъ было написано слѣдующее:

„Устюжскаго уѣзда: у помѣщика Батюшкова—1000 душъ. Оброку съ каждой души по 12 рублей. Помѣщика Досадина—300 душъ. Оброку по 25 рублей. Помѣщицы Нелидовой—1000 душъ, съ каждой души по 37 рублей оброку. Помѣщика Куликова—у онаго крестьяне въ побѣгѣ, разогнаты имъ самимъ. Помѣщицы Толстой—оброку по 10 рублей съ души. У помѣщиковъ Пенскихъ—крестьяне употребляются въ собственную ихъ дворо-

вую работу. Помѣщика Кропотова — оброку по 5 рублей съ души.

„По ярославской дорогѣ: большой деревни Овсянниковой, по близости оной живущими помѣщиками притѣсняемы бываютъ сѣнными покосами и отнятіемъ проселочной дороги, по которой запрещаютъ ѣздить и за оную требуютъ ежегодно по 50 человѣкъ для собственной своей работы, да также травятъ своимъ скотомъ сѣнныя дачи, чрезъ что упомянутые крестьяне приходятъ въ немалый упадокъ.

„Весьегонскаго уѣзда. Помѣщицы Жеребцовой — 700 душъ крестьянъ. Помѣщика Похвиснева — 76 душъ, по 10 рублей съ души. Помѣщицы Посниковой—19 душъ, по 5 рублей съ души. Малолѣтнихъ помѣщиковъ Сноскаревыхъ — 20 душъ, оброку по 5 рублей съ души. Степаниды Кулябиной—3 души, на барщинѣ. Помѣщицы Измалковой—200 душъ; оные ходятъ на собственную ея работу. Коллежскій ассесоръ Борисъ Елисѣевичъ сынъ Новицкой, Степанида Васильевна Кулебакина, Марья Васильевна“.

Перемѣтивъ и запечатавъ эти записки при „постороннихъ свидѣтеляхъ“, Масловъ посадилъ Федосѣева въ сани и привезъ его въ городъ, прямо въ нижній земскій судъ. Судъ немедленно допросилъ арестанта, Онъ показалъ, что его зовутъ Иваномъ Дмитріевымъ Федосѣевымъ, 26-ти лѣтъ отъ роду, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ январѣ 1786 года опредѣлился онъ на службу копіистомъ въ казенную палату Тобольскаго намѣстничества, а въ 1792 году, по собственному желанію, переведенъ въ первый морской баталіонъ сержантомъ, откуда, по разстроенному здоровью, въ 1795 году, уволенъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ подпоручика. Пробывши въ отставкѣ годъ, Федосѣевъ вновь подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Военная Коллегія назначила его въ Оренбургскій гарнизонный Трейдена полкъ. Ссылаясь на крайнюю бѣдность, Федосѣевъ просилъ Коллегію выдать ему прогоны до Оренбурга, но Коллегія отказала его просьбѣ.

Не имѣя средствъ нанять себѣ подводу, Федосѣевъ отправился изъ Петербурга пѣшкомъ, вмѣстѣ съ сержантомъ Степановымъ, также переведеннымъ въ Трейдена полкъ изъ втораго флотскаго баталіона. Дойдя до Устюжны, Федосѣевъ и Степановъ истратили всѣ свои деньги и остались безъ копѣйки. Чтобы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, Федосѣевъ рѣшился на отчаянную мѣру. Онъ явился къ устюжскому городничему и упросилъ дать ему подводу, чтобы доѣхать до ближайшаго селенія.

Городничій велѣлъ отвезти его и Степанова на своей лошади. Пріѣхавъ въ первую деревню, Федосѣевъ призвалъ къ себѣ десятскаго и объявилъ ему, что онъ посланъ по высочайшему повелѣнію для переписи помѣщичьихъ крестьянъ и узнанія, сколько оброку платятъ они своимъ господамъ. Записавъ со словъ десятскаго число крестьянъ въ деревнѣ и количество взимаемыхъ съ нихъ владѣльцами повинностей, Федосѣевъ потребовалъ подводы до слѣдующаго селенія. Десятскій, разумѣется, исполнилъ его требованіе.

Повторяя во всѣхъ проѣзжаемыхъ деревняхъ одни и тѣ же слова и вездѣ получая безплатно подводы, Федосѣевъ благополучно добрался до Весьегонска, гдѣ, какъ уже извѣстно, и былъ арестованъ засѣдателемъ Масловымъ. Федосѣевъ увѣрялъ, что не имѣлъ цѣли возмущать крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ и нигдѣ и никому не говорилъ, будто помѣщичьи крестьяне сдѣлаются скоро казенными и станутъ платить подати наравнѣ съ послѣдними. Онъ объяснялъ также, что не дѣлалъ никакихъ грубостей засѣдателю Маслову, а по требованію его отдалъ безъ всякаго сопротивленія находившіяся при немъ бумаги. Федосѣевъ заключилъ свое показаніе сознаніемъ необдуманности своего поступка, увѣряя, что рѣшился на него только потому, что былъ вынужденъ крайностью, въ которой находился.

Сержантъ Степановъ, на допросѣ, подтвердилъ слова Федосѣева, добавивъ только, что Федосѣевъ, бывши въ гостяхъ у помѣщицы Гусевой, говорилъ ей, что носится слухъ, будто къ новому году выйдетъ указъ, по которому всѣ помѣщичьи крестьяне будутъ платить оброкъ наравнѣ съ казенными.

Судъ командировалъ того же засѣдателя Маслова для допроса помѣщиковъ и крестьянъ тѣхъ деревень Весьегонскаго уѣзда, чрезъ которыя проѣзжали Федосѣевъ и Степановъ. Масловъ представилъ 11-го января снятыя имъ съ разныхъ лицъ, подъ присягою, показанія.

Мы приводимъ ихъ здѣсь безъ измѣненій и пропусковъ.

1) Вотчины помѣщика князя Михаила Ухтомскаго сельца Стрекачева десятскій Алексѣй Васильевъ показалъ: минувшаго декабря 30 числа пріѣхали къ нему изъ сельца Стараго, на лошади, два человѣка, а кто они таковы, ему не сказали. Одинъ изъ нихъ объявилъ ему, что онъ, и кромѣ его еще цѣлый полкъ, посланъ по всей Россіи, въ разныя мѣста для переписки помѣщичьихъ душъ и узнанія какой оброкъ они платятъ своимъ помѣщикамъ, почему и спрашивалъ какъ фамилія помѣщика сельца

Стрекачева и по скольку оброку беретъ онъ со своихъ крестьянъ, на что Васильевъ отвѣчалъ, что господина его зовутъ Михайломъ, а по фамиліи Ухтомскій, и платятъ ему крестьяне оброку съ души по 4 рубли 50 копѣекъ. Записавши что-то на бумагѣ, проѣзжій потребовалъ у Васильева, чтобы нарядилъ для проѣзда его въ другое селеніе подводу. Васильевъ далъ подводу, на которой неизвѣстные люди и уѣхали далѣе. Болѣе сего показать не имѣетъ.

2) Вотчины помѣщицы Марьи Васильевны Саванчеевой, сельца Стараго, крестьянинъ Романъ Петровъ: минувшаго декабря 29-го дня пріѣхали къ нему изъ деревни Наганова на лошади два человѣка, а кто они таковы, не знаетъ, и приказали ему приготовить для проѣзда ихъ до другаго селенія подводу, а сами пошли къ жительствующему въ томъ сельцѣ Старомъ г. коллежскому ассесору Борису Елисѣевичу Новицкому. По требованію ихъ, а въ особенности потому, что они были у означеннаго господина Новицкаго, Петровъ не осмѣлился ослушаться и далъ имъ подводу. Во время бытности ихъ въ избѣ никакихъ словъ они не говорили и онъ Петровъ не слыхалъ.

3) Вотчины помѣщицъ Александры и Марьи Тимофѣевыхъ Сноксаревыхъ, деревни Нечановой, староста Семенъ Федоровъ: прошлаго 1796 года, декабря 29 или 30 числа, пріѣхалъ изъ экономической деревни Большое Овсянниково офицеръ съ солдатомъ и какъ ихъ по имени и отчеству зовутъ не знаетъ, и остановились у десятскаго деревни Нечановой, крестьянина помѣщицы Настасьи Никитишны Жеребцовой, Луки Григорьева, который, сего января 4-го числа, волею Божіею помре. Офицеръ у того десятскаго изъ милости попросилъ подводы для отвоза себя съ солдатомъ до сельца Стараго, а между тѣмъ, покуда десятскимъ была наряжаема подвода, спрашивалъ у крестьянъ, какихъ они помѣщиковъ, и записывалъ у себя на бумагѣ, сколько за какимъ помѣщикомъ состоитъ мужескаго пола душъ и по скольку получаютъ въ годъ оброку съ души, для чего же это онъ записывалъ, о томъ никому изъ крестьянъ не объявлялъ, равно у него не спрашивали. Болѣе сего офицеръ имъ ничего не говорилъ.

Совершенно такое же показаніе дали вотчины помѣщицы подполковницы Настасьи Похвисневой крестьянинъ Изотъ Ивановъ и помѣщицы вдовы секундъ-маіора Марьи Постниковой староста Федоръ Федоровъ.

4) Коллежскій ассесоръ Борисъ Новицкой: декабря 29 числа пришелъ къ нему какой-то человѣкъ, сказывавшій о себѣ, что онъ подпоручикъ и служилъ въ полку Его Императорскаго Величества, а нынѣ посланъ отъ Государя, изъ С.-Петербурга въ Оренбургъ, для обученія новой военной экзерциціи.

Бывшая въ это время у него, Новицкаго, помѣщица Марья Саванчеева, посидя немного, позвала офицера къ себѣ и повела. На другой день подпоручикъ пришелъ къ нему опять и объявилъ, что вотчины госпожи Измайловой, деревни Григорцевой, крестьяне не даютъ ему на проѣздъ подводы, то было бы о семъ ему, Новицкому, извѣстно; причемъ спросилъ и записалъ его имя чинъ и фамилію. Во время пребыванія подпоручика у Новицкаго, никакихъ словъ, что будто бы онъ и еще цѣлый полкъ посланъ для переписки помѣщичьихъ душъ и что съ новаго года всѣ помѣщичьи крестьяне платить будутъ оброкъ такъ, какъ и казенные, не говорилъ и никакихъ душъ не записывалъ.

5) Весьегонская помѣщица Марья Саванчеева: 29 числа декабря, находясь у коллежскаго ассесора Бориса Новицкаго, видѣла, что къ нему пріѣхалъ какой-то человѣкъ, назвавшійся подпоручикомъ полка Его Императорскаго Величества и сказывавшій, что онъ посланъ изъ Петербурга въ Оренбургъ для обученія военной экзерциціи. Посидя у Новицкаго немного, она, точно, звала подпоручика и съ сержантомъ къ себѣ выпить по стакану пива, которые, побывъ у нея немного, пошли къ десятскому, по наряду коего и дана имъ къ отвозу ихъ подвода. Когда же они у нея были, никакихъ словъ, что онъ, подпоручикъ, и еще цѣлый полкъ посланъ для переписи помѣщичьихъ душъ, и что помѣщичьи крестьяне съ новаго года будутъ платить оброкъ такъ, какъ и казенные, не говорилъ, а также переписывалъ ли онъ, подпоручикъ, въ сельцѣ Старомъ, крестьянъ, не знаетъ.

6) Весьегонская помѣщица Степанида Гусева: 30 декабря пришелъ къ ней какой-то проѣзжающій офицеръ и сказалъ о себѣ, что онъ подпоручикъ, посланный изъ Петербурга въ Оренбургъ къ г. губернатору, съ указами; имени же и отчества своего не назвалъ. Онъ объяснилъ ей, что ему нужна на проѣздъ подвода, но крестьяне сельца Стрекачева не даютъ, почему просилъ ее, Гусеву, приказать крестьянамъ исполнить его требованіе; а какъ въ томъ сельцѣ находятся крестьяне не одной ея, а разныхъ помѣщиковъ, почему нарядъ подводъ зависитъ отъ десятскаго, то она на то ему и отозвалась. Когда же онъ у нея былъ, никакихъ другихъ словъ не говорилъ и она не слыхала.

Во всѣхъ этихъ показаніяхъ, а также и въ донесеніяхъ Маслова, нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы слова Федосѣева произвели не только „возмущеніе“, но даже какое либо волненіе между крестьянами.

Ѳединъ лишь прикащикъ помѣщика Сысоева, Козьма Васильевъ, показалъ, что Федосѣевъ привелъ „въ немалое сомнѣніе“ жителей с. Макарова, объявивъ имъ, „что скоро всѣ помѣщичьи крестьяне будутъ государевы“. Вѣроятно обитатели села Макарова весьма скоро вышли изъ своего „немалаго сомнѣнія“, потому что, въ противномъ случаѣ, „сомнѣніе“ это непремѣнно быдо бы поставлено въ число обвиненій Федосѣева. Несчастный подпоручикъ дорого поплатился за свой необдуманный вымыселъ, къ которому прибѣгнулъ вынуждаемый крайней бѣдностью. Несмотря на разнорѣчіе и неполноту показаній допрошенныхъ лицъ, Нижній Весьегонскій Судъ не потрудился даже дать обвиняемому очныя ставки съ обвинителями и поспѣшилъ представить дѣло на заключеніе С.-Петербургской Уголовной Палаты. Приговоръ ея, поражающій своей несправедливостью, мы приводимъ въ подлинникѣ.

Изложивъ вкратцѣ дѣло, Палата дѣлаетъ такого рода заключеніе:

„А законами повелѣно:

„Воинскаго Устава 17 главы артикулами:

„133. — Всѣ непристойныя подозрительныя сходбища и собранія воинскихъ людей, хотя для совѣтовъ какихъ нибудь (хотя и не для зла), или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать, черезъ что возмущеніе или бунтъ можетъ сочиниться, чрезъ сей артикулъ имѣютъ быть весьма запрещены. Ежели изъ рядовыхъ кто въ семъ дѣлѣ преступитъ, то зачинщиковъ безъ всякаго милосердія, не смотря на то, хотя они къ тому какую и причину имѣли или нѣтъ, повѣсить, а съ достальными поступить какъ о бѣглецахъ упомянуто“.

„135. — Никто-бъ, ниже словомъ, или дѣломъ или письмами, самъ собою, или чрезъ другихъ, къ бунту и возмущенію или иное что, учинить причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойти. Ежели кто противъ сего поступитъ, оный по розыску дѣла живота лишится или на тѣлѣ наказанъ будетъ“.

„137. — Всякій бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано“.

„На оный артикулъ толкованіе:

„Въ возмущеніи надлежитъ винныхъ въ дѣлѣ самомъ нака-

зать и умертвить, особливо ежели опасность въ медленіи есть, дабы чрезъ то другимъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать пока не расширится и болѣе-бъ не умножилось".

„Указаніе: 1762 г. Іюля 3, по прочемъ: кто въ разсѣваніи ложныхъ и ко вреду клонящихся слуховъ дѣйствительно изобличенъ будетъ, таковыхъ, яко возмутителей Государственнаго покоя, безъ малѣйшаго упущенія времени такъ наказывать, какъ точные о таковыхъ указы повелѣваютъ".

„1767 года Августа 22.

„Кто отважится возмущать людей и крестьянъ къ неповиновенію ихъ помѣщикамъ, тотъ часъ брать подъ караулъ и приводить въ ближайшія присутственныя мѣста, которымъ безъ продолженія времени поступить съ ними какъ съ нарушителями общаго покоя безъ всякаго послабленія."

„1754 г. Сентября 30 числа:

„Подлежащимъ и натуральной и политической смерти той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить; а при посылкѣ ихъ въ тяжкую работу въ Рогервикъ и прочія опредѣленныя мѣста, чиня жестокое наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ставить на лбу „В", а на щекахъ на одной „О", а на другой „Р", по учиненіи имъ того наказанія заклепавъ въ кандалы, ссылать до указу въ тяжкую работу въ Рогервикъ и прочія мѣста."

„Жалованной благородному Россійскому дворянству грамоты 1785 года апрѣля 21 дня статьями:

„5-ю. Да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскому достоинству противнымъ."

„6-ю. Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя, суть слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживыя поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести, тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ, или другихъ научалъ подобныя преступленія чинить."

„73-ю. Дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства или чести или жизни, да не вершится безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества."

„15-ю. Тѣлесное наказаніе да некоснется до благороднаго.“

„Палата Уголовнаго Суда по полученіи сему дѣлу ревизіи 26 числа сего января опредѣлила: какъ изъ сего дѣла явствуетъ, что Весьегонскаго нижняго земскаго суда засѣдатель Масловъ сдѣлалъ суду донесеніе, что оный подпоручикъ Федосѣевъ, проѣзжая село Макарово обще съ солдатомъ, сказывалъ, что онъ и еще цѣлый полкъ посланъ въ разныя мѣста отъ Его Величества отъ С.-Петербурга и до города Оренбурга объ узнаніи и о перепискѣ въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ, сколько въ нихъ число душъ и какой они платятъ помѣщикамъ оброкъ и что де сіи помѣщичьи крестьяне будутъ Государевы и сбирать съ нихъ будутъ оброкъ такъ какъ и съ прочихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ; а къ тому и при учиненномъ слѣдствіи, помѣщика князя Ухтомскаго, сельца Стрекачева, десятскій Алексѣй Васильевъ показалъ, что изъ сихъ проѣзжающихъ двухъ человѣкъ, одинъ сказалъ, что де онъ и еще цѣлый полкъ по всей Россіи въ разныя мѣста посланъ для переписи помѣщичьихъ душъ и какой они платятъ помѣщикамъ оброкъ, а притомъ и его спрашивали, какъ его, Васильева, зовутъ помѣщика и по сколько они платятъ ему съ души оброку; за всѣмъ же тѣмъ и изъ означенной имъ Федосѣевымъ своею рукою записи таковое его преступленіе ясно обнаружилось, ибо въ оной именно онъ означалъ, что у какого помѣщика сколько душъ крестьянъ и по скольку они платятъ оброку; а къ совершенному его доказательству и ѣхавшій съ нимъ сержантъ Степановъ въ допросѣ своемъ объявляетъ, что онъ слышалъ, какъ Федосѣевъ помѣщицѣ Гусевой пересказывалъ, что де съ новаго года съ помѣщичьихъ крестьянъ оброкъ сбираться будетъ наравнѣ съ казенными крестьянами, а изъ таковаго его, Федосѣева, разглашенія не иное что могло бы послѣдовать, какъ вредъ общему спокойствію и послужило бы поводомъ крестьянамъ противу помѣщиковъ своихъ къ возмущенію, почему за таковое его злонамѣренное покушеніе къ нарушенію общаго покоя, какъ разгласителя о вольности, по содержанію указовъ 1762 г. іюля 3 и 1767 г. августа 22, и по силѣ военнаго устава 17 главы, 133, 135 и 137 артикуловъ и на оный толкованія и подлежало учинить смертную казнь, а по указу 1754 г. сентября 30 наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри заклеймить указанными литерами, но какъ онъ имѣетъ оберъ-офицерскій чинъ, то Палата мнѣніемъ своимъ полагаетъ: по силѣ жалованной благородному россійскому дворянству грамоты 15 статьи, отъ того наказанія осво-

бодить, а по силѣ грамоты 5 и 6 статей лишить его, Федосѣева, чиновъ, сопряженнаго съ оными дворянскаго достоинства и потомъ послать въ каторжную работу; а сержанту Осипу Степанову, который ѣхалъ съ тѣмъ Федосѣевымъ обще, всѣ таковыя его злонамѣренныя преступленія видѣлъ и слышалъ, но не токмо его отъ того не воздерживалъ да и нигдѣ о семъ не донесъ, а потому и сдѣлался, по вышеозначеннымъ законамъ, таковой же преступникъ, то и ему, какъ соучаствующему въ томъ преступленіи, вмѣсто подлежащей смертной казни, по силѣ указа 1764 г. сентября 30 учинить жестокое наказаніе кнутомъ и дать двадцать пять ударовъ, а потомъ вырѣзать ноздри, заклеймя указанными литерами и заклепавъ въ кандалы, послать въ каторжную работу въ Ригу."

Подписали: Петръ Мартыновъ.
Димитрій Старковъ.
Иванъ Котельниковъ.

Приговоръ этотъ Палата препроводила на утвержденіе Сената.

Сенатъ нашелъ его не только совершенно правильнымъ, но придѣлалъ къ нему слѣдующее окончаніе.

„А понеже указомъ 3 января 1797 года предписано:

„Какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать", то Сенатъ, по должномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ настоящаго происшествія, мнѣніемъ своимъ на основаніи законовъ присуждаетъ, чтобъ подпоручика Федосѣева за преступленіе имъ содѣянное лишить чиновъ, дворянскаго достоинства, по снятіи коего и привилегія до него не касается, чего ради, наказавъ кнутомъ, сослать въ работы на Нерчинскіе заводы."

28 апрѣля, 1797 г. Петербургская Палата суда и расправы донесла Сенату, „что лишенному чиновъ и соединеннаго съ ними достоинства, Ивану Федосѣеву, наказаніе кнутомъ двадцатью пятью ударами прошлаго января 31 числа въ Рождественской части, на Александровской площади, чрезъ заплечныхъ мастеровъ, учинено; послѣ сего оный преступникъ препровожденъ въ Новгородское Губернское Правленіе для отсылки въ Нерчинскіе заводы."

Вслѣдъ за тѣмъ и Степановъ, битый кнутомъ и клейменный, отправленъ въ Ригу.

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Дѣдъ мой, по матери, отставной генералъ-маіоръ Степанъ Михайловичъ Абрамовъ, началъ службу въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку. Это былъ человѣкъ строгихъ правилъ, честный, прямодушный, ни въ комъ не заискивавшій и никому не льстившій. Во время извѣстнаго переворота 28-го іюня 1762 года, дѣдъ мой уже имѣлъ чинъ капитанъ-поручика. Когда въ этотъ день, раннимъ утромъ, неожиданно пріѣхалъ въ измайловскія казармы шефъ полка, фельдмаршалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій и, собравъ офицеровъ, объявилъ имъ о низложеніи императора Петра III и вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II и потребовалъ принесенія присяги на вѣрность новой государынѣ, всѣ офицеры присягнули съ радостью, одинъ лишь Степанъ Михайловичъ, почему-то несочувствовавшій происшедшему перевороту, отказался послѣдовать общему примѣру, за что и былъ немедленно арестованъ. Хотя черезъ нѣсколько дней дѣдъ мой и опомнился и присягнулъ императрицѣ, но это обстоятельство имѣло большое вліяніе на его дальнѣйшую жизнь: онъ былъ переведенъ секундъ-маіоромъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, расположенный въ какомъ-то глухомъ городѣ на югѣ Россіи. Степанъ Михайловичъ безропотно покорился судьбѣ; пріѣхавъ въ мѣсто своей ссылки, онъ весь отдался службѣ и скоро пріобрѣлъ репутацію дѣльнаго и способнаго штабъ-офицера. Начальство неоднократно представляло Степана Михайловича къ повышенію, но представленія эти не удостоивались утвержденія въ Петербургѣ. Въ турецкую кампанію 1770 года,

дѣдъ мой командовалъ баталіономъ и, находясь въ отрядѣ храбраго генералъ-поручика Племянникова, участвовалъ въ славномъ сраженіи при Ларгѣ, въ которомъ былъ тяжело раненъ пулей въ грудь. Когда и на этотъ разъ ему было отказано въ заслуженной наградѣ, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ премьеръ-маіора и поселился въ своей наслѣдственной деревенькѣ, Липкахъ, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

Степанъ Михайловичъ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ и въ первый же годъ по переѣздѣ въ деревню женился на бѣдной дворянкѣ, Глафирѣ Петровнѣ Еремѣевой. Не знаю гдѣ онъ съ нею познакомился, но она приходилась дальней родственницей помѣщику того же уѣзда, отставному поручику Андрею Андреевичу Аракчееву. Небольшое имѣніе Аракчеева, сельцо Гарусово, находилось на другомъ концѣ уѣзда, верстахъ въ восьмидесяти отъ имѣнія дѣда, и потому они видались очень рѣдко, разъ или два въ годъ. Обыкновенно, 15 сентября, въ день имянинъ Степана Михайловича, Аракчеевъ пріѣзжалъ къ нему со всей семьей и гостилъ нѣсколько сутокъ. У Аракчеева было трое сыновей, тогда еще малолѣтнихъ. Степанъ Михайловичъ очень любилъ дѣтей, умѣлъ ихъ забавлять и маленькіе Аракчеевы всегда проводили у него время съ большимъ удовольствіемъ. Жизнь дѣда въ деревнѣ текла обычнымъ деревенскимъ порядкомъ, день за день, спокойно, мирно, однообразно. Такъ прошло двадцать шесть лѣтъ. Степанъ Михайловичъ уже выдалъ замужъ свою единственную дочь, одряхлѣлъ, часто прихварывалъ и тихо приближался къ могилѣ. Старикъ Аракчеевъ умеръ, дѣти его давно служили въ Петербургѣ, и только мать ихъ, старуха Елисавета Андреевна, продолжала хозяйничать въ своемъ Гарусовѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 года получена была вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины II и воцареніи императора Павла I. Вслѣдъ затѣмъ до дѣда начали доходить слухи о крутыхъ перемѣнахъ въ Петербургѣ, строгостяхъ, внезапныхъ ссылкахъ и отставкахъ, гоненіяхъ на прежнихъ царедворцевъ и быстрыхъ возвышеніяхъ новыхъ любимцевъ. Между прочимъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что однимъ изъ близкихъ людей къ государю сталъ старшій изъ молодыхъ Аракчеевыхъ, Алексѣй Андреевичъ, произведенный изъ подполковниковъ артиллеріи прямо въ генералъ-маіоры и назначенный петербургскимъ комендантомъ. Дѣдъ, какъ вѣжливый родственникъ, поспѣшилъ письменно поздравить Елисавету Андреевну Аракчееву съ счастіемъ, выпавшимъ на долю

ея сына, и просилъ передать послѣднему, при случаѣ, искреннія пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ.

Въ одинъ морозный вечеръ, если не ошибаюсь, въ февралѣ мѣсяцѣ 1797 года, дѣдъ мой, по обыкновенію, сидѣлъ въ своемъ жарко-натопленномъ кабинетѣ, на большомъ „вольтеровскомъ" креслѣ, и, покуривая кнастеръ, медленно прихлебывалъ изъ кружки любимый имъ домашній яблочный квасъ, а бабушка, словно исполняя скучный урокъ, монотоннымъ голосомъ читала вслухъ какую-то книжку. Вдругъ послышался рѣзкій и быстро приближавшійся звукъ почтоваго колокольчика.

— Кто бы это въ такой поздній часъ, съ недоумѣніемъ проговорила бабушка и, наскоро приведя въ порядокъ разбросанные на письменномъ столѣ домашніе счеты и другія бумаги, направилась изъ кабинета, но въ самыхъ дверяхъ столкнулась съ незнакомымъ офицеромъ.

— Имѣю экстренное дѣло и пакетъ до господина премьеръ-маіора Степана Михайловича Абрамова, сказалъ офицеръ.

— Отъ кого? спросилъ изумленный дѣдъ, приподнимаясь съ креселъ.

— Отъ господина с.-петербургскаго военнаго губернатора, генералъ-аншефа графа Палена. По именному его императорскаго величества указу велѣно безъ всякаго промедленія доставить васъ въ С.-Петербургъ, отвѣчалъ офицеръ.

Можно судить, какое потрясающее впечатлѣніе произвели эти слова. Бабушка въ ужасѣ всплеснула руками и упала въ обморокъ, а дѣдушка застылъ на мѣстѣ и не могъ произнести ни одного звука. Когда сбѣжавшіеся люди привели бабушку въ чувство, она съ воплями ухватилась за мужа и ее съ трудомъ могли оттащить отъ него и немного успокоить, благодаря убѣжденіямъ пріѣзжаго офицера, который оказался очень добрымъ и хорошимъ человѣкомъ. Такъ какъ офицеръ настойчиво торопилъ отъѣздомъ, говоря, что каждый просроченный часъ можетъ навлечь на него большую бѣду, то Степанъ Михайловичъ, наскоро уложивъ лишь самое необходимое бѣлье и платье и помолившись Богу, въ ту же ночь пустился въ путь, сопровождаемый рыданіями и благословеніями своихъ домочадцевъ.

Путники ѣхали весьма скоро, останавливаясь только для перемѣны лошадей, и на третій день, рано утромъ, прибыли въ Петербургъ, прямо къ генералъ-губернаторскому дому. Графъ Паленъ находился уже у государя съ докладомъ, а потому дѣ-

душку провели въ небольшую комнату при канцеляріи, дали ему нѣсколько минутъ времени, чтобы умыться и переодѣться, и съ тѣмъ же офицеромъ отправили въ Зимній дворецъ.

Старомодный, поношенный костюмъ Степана Михайловича, его неловкая, сгорбленная фигура и усталое, озабоченное лицо, обратили на себя вниманіе придворныхъ, тѣснившихся въ обширной дворцовой пріемной, и вызвали у многихъ насмѣшливыя улыбки, но дѣдушка, подавленный мрачными думами, ничего не замѣчалъ и, пробравшись въ уголъ, съ замираніемъ сердца ожидалъ рѣшенія своей участи, хотя и не сознавалъ за собою никакой вины. Черезъ полчаса, изъ двери, соединявшей пріемную съ внутренними покоями, вышелъ царскій адъютантъ.

— Кто здѣсь премьеръ-маіоръ Абрамовъ? спросилъ онъ зычнымъ голосомъ.

Дѣдушка отозвался.

— Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ подполковникомъ, сказалъ адъютантъ, отчеканивая каждое слово.

Не успѣлъ еще дѣдушка опомниться, какъ прибѣжалъ другой адъютантъ и прокричалъ:

— Господинъ подполковникъ Абрамовъ! Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ полковникомъ.

Вслѣдъ за этимъ адъютантомъ, явился третій и возвѣстилъ:

— Господинъ полковникъ Абрамовъ! Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ генералъ-маіоромъ.

Наконецъ, четвертый адъютантъ объявилъ:

— Господинъ генералъ-маіоръ Абрамовъ! Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ вамъ Анненскую ленту.

Изумленный, пораженный дѣдушка въ недоумѣніи оглядывался по сторонамъ, рѣшительно не понимая, во снѣ или на яву все это происходитъ, смѣются надъ нимъ, или, по ошибкѣ, принимаютъ за кого нибудь другаго.

Громкій возгласъ: „его величество изволятъ идти!“ и моментально водворившаяся за тѣмъ тишина заставили дѣдушку придти въ себя.

Дверь съ шумомъ распахнулась и императоръ Павелъ появился въ пріемной. Не отвѣчая на общіе поклоны, онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ присутствовавшихъ и медленно направился прямо къ дѣдушкѣ.

Блѣдный, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ Степанъ Михайловичъ.

— Поздравляю, ваше превосходительство, съ монаршей милостью! сказалъ улыбаясь государь. Да! При вашемъ чинѣ нужно

имѣть и соотвѣтственное состояніе! Жалую вамъ триста душъ. Довольны ли вы, ваше превосходительство?

Дѣдушка повалился въ ноги императору, который милостиво поднялъ его и спросилъ:

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, за что я васъ жалую?

Дѣдушка, вмѣсто отвѣта, только мотнулъ головой.

— Такъ я вамъ объясню. Слушайте всѣ! прибавилъ государь, обращаясь къ придворнымъ. Я, разбирая послужные списки, нашелъ, что вы при императрицѣ Екатеринѣ были обойдены по службѣ. Такъ я хотѣлъ доказать, что при мнѣ и старая служба не пропадаетъ. Прощайте ваше превосходительство! Граматы на пожалованныя вамъ милости будутъ вамъ присланы по мѣсту вашего жительства.

Сказавъ это, императоръ повернулся и, весело напѣвая въ полъ-голоса какой-то военный маршъ, удалился въ свои покои.

Присутствующіе бросились къ ошеломленному Степану Михайловичу, наперерывъ поздравляли его, жали ему руки, осыпали вопросами о прошлой службѣ. Дѣдушка едва успѣвалъ отвѣчать и благодарить. Кое-какъ отдѣлавшись отъ докучливости любопытныхъ, Степанъ Михайловичъ, глубоко потрясенный, добрался до прихожей и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Стараясь собраться съ мыслями и дать себѣ отчетъ въ испытанныхъ впечатлѣніяхъ, дѣдушка задумался и не замѣтилъ какъ къ нему подошелъ высокій, сутуловатый генералъ, въ артиллерійскомъ мундирѣ и съ большимъ Анненскимъ крестомъ на шеѣ. Генералъ безцеремонно потрясъ дѣдушку за плечо, и когда тотъ оглянулся, сказалъ ему:

— Вѣроятно, ваше превосходительство, не узнаете меня? Мы давно не встрѣчались. Я Алексѣй Аракчеевъ. Поздравляю съ щедротами, коими васъ осыпалъ нашъ милосердый монархъ. Вы устали, милости прошу ко мнѣ откушать и отдохнуть. Я не забылъ вашу хлѣбъ-соль.

Дѣдушка отъ всей души обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ попросту обнять „Алешу“, но Аракчеевъ отступилъ назадъ и холодно замѣтилъ.

— Здѣсь не мѣсто для родственныхъ изліяній. Поѣдемте, ваше превосходительство, и у меня на свободѣ потолкуемъ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ.

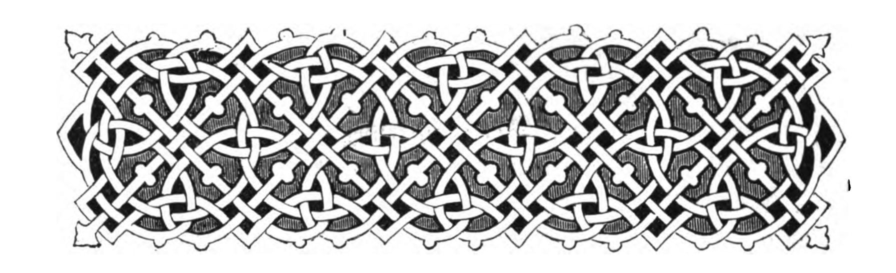
Изъ бесѣды съ Аракчеевымъ Степанъ Михайловичъ узналъ, что онъ обязанъ, главнымъ образомъ, ему этимъ необыкновен-

нымъ днемъ своей жизни. Аракчеевъ, получивъ отъ матери письмо, въ которомъ она передала ему добрыя пожеланія дѣдушки, вспомнилъ о немъ и, зная, что императоръ искренно желаетъ загладить всѣ несправедливости, совершенныя, по его мнѣнію, въ предыдущее царствованіе, рѣшился доложить ему о томъ, что Степанъ Михайловичъ невинно пострадалъ за свою приверженность къ покойному Петру III и былъ постоянно обходимъ повышеніями и наградами по службѣ, не смотря даже на тяжелую рану, полученную въ турецкую войну. Императоръ Павелъ, добрый и великодушный отъ природы, но странный въ своихъ порывахъ, принялъ это очень близко къ сердцу и захотѣлъ, въ лицѣ Степана Михайловича, торжественно и необычно наградить вѣрность долгу и привязанность къ своему несчастному родителю.

Хлѣбъ-соль Аракчеева пришлась, однако, дѣдушкѣ не по вкусу. Переночевавъ у суроваго и необщительнаго хозяина, онъ на другой день чѣмъ свѣтъ пустился въ обратный путь, не поинтересовавшись даже посмотрѣть на Петербургъ, котораго не видѣлъ болѣе тридцати лѣтъ.

Восторгамъ и радостямъ по возвращеніи Степана Михайловича въ родные Липки не было конца. Не только весь уѣздъ, но и вся губернія перебывала у него и дѣдушкѣ приходилось по нѣскольку разъ въ день повторять посѣтителямъ одинъ и тотъ же разсказъ въ его мельчайшихъ подробностяхъ. Но недолго пользовался Степанъ Михайловичъ почетомъ и богатствомъ, упавшими на него, какъ говорится, съ неба, благодаря слѣпому случаю. Онъ умеръ въ 1799 году и изъ пожалованныхъ ему имѣній въ родѣ его уцѣлѣла лишь небольшая деревушка въ Тихвинскомъ уѣздѣ, названная имъ въ честь Аракчеева, „Алексѣевкой“.

ДУЭЛЬ ШЕРЕМЕТЕВА СЪ ЗАВАДОВСКИМЪ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, одной изъ блестящихъ звѣздъ тогдашняго балетнаго міра была танцовщица Авдотья Ильинична Истомина. Она въ продолженіи многихъ лѣтъ неизмѣнно пользовалась любовью публики и сводила съума молодежь, въ особенности офицеровъ. Въ числѣ поклонниковъ Истоминой находился нѣкоторое время даже Пушкинъ, который воспѣлъ ея талантъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„Театръ ужь полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина;—она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ...
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ...
Летитъ,—какъ пухъ отъ устъ Эола!
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстро ножкой ножку бьетъ“.

Дѣйствительно, по свидѣтельству современниковъ [1]), Истомина отличалась необыкновенной граціозностью, легкостью, быстротой въ движеніяхъ, силой въ ногахъ, и держала себя на сценѣ бойко и самоувѣренно. Она была красивая, стройная, средняго роста брюнетка, съ черными огненными глазами, прикрытыми длин-

[1]) Лѣтопись русскаго театра. Арапова. Стр. 237.—Воспоминанія Вигеля. Ч. 5, стр. 36.—Воспоминанія Пржеславскаго. „Рус. Старина“. Т. 11, стр. 472.

ными рѣсницами, что придавало ея физіономіи особенный характеръ; страстная, увлекающаяся, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, недалекая и безъ всякаго образованія, она легко поддавалась вспышкамъ любви. Понятно, что при такихъ разнообразныхъ качествахъ Истомина имѣла множество обожателей и послужила причиной нѣсколькихъ поединковъ, бывшихъ тогда въ модѣ. Одинъ изъ этихъ поединковъ кончился весьма печально и представляетъ для насъ интересъ въ томъ отношеніи, что оказалъ немаловажное вліяніе на судьбу А. С. Грибоѣдова, который принималъ въ немъ участіе, хотя и косвенное.

Въ біографіи Грибоѣдова, напечатанной въ журналѣ „Русская Старина“ 1874 г., этотъ эпизодъ изъ жизни автора „Горе отъ ума“ разсказывается слѣдующимъ образомъ.

„Въ 1817 г. Грибоѣдовъ жилъ въ Петербургѣ на одной квартирѣ съ своимъ добрымъ пріятелемъ, — графомъ Александромъ Петровичемъ Завадовскимъ, человѣкомъ добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ въ полномъ смыслѣ слова, не смотря на многія свои чудачества. Съ него Грибоѣдовъ списалъ своего князя Григорія:

„Чудакъ естественный! Насъ со смѣху моритъ,
Вѣкъ съ англичанами, все англійская складка“.

„Завадовскій ухаживалъ тогда за знаменитой танцовщицей Истоминой, счастливымъ обожателемъ которой былъ молодой кавалергардъ Василій Александровичъ Шереметевъ. Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ Истоминой, часто встрѣчалъ ее у князя Шаховского, бывалъ у нея въ домѣ, любилъ ее за талантъ, но никогда не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ. Какъ-то вздумалось ему пригласить ее къ себѣ, послѣ спектакля, пить чай, Истомина согласилась, но, опасаясь возбудить подозрѣніе въ ревнивомъ Шереметевѣ, предложила Грибоѣдову подождать ее съ санями у Гостинаго двора, къ которому обѣщала подъѣхать въ казенной театральной каретѣ. Все было исполнено согласно ея желанію: изъ кареты она пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему. Шереметевъ, однако, слѣдилъ за ними; онъ видѣлъ, какъ Грибоѣдовъ и Истомина доѣхали до квартиры графа Завадовскаго и этого было достаточно. Пріятель Шереметева,—уланскій штабъ-ротмистръ Александръ Ивановичъ Якубовичъ (впослѣдствіи декабристъ), записной театралъ, шалунъ и забіяка, посовѣтовалъ ему вызвать на дуэль Грибоѣдова, обѣщая, въ свою очередь, стрѣляться съ Завадовскимъ. Шереметевъ вызвалъ Грибоѣдова; послѣдній, не отказываясь отъ дуэли, предло-

жилъ только помѣняться мѣстами, т. е. чтобы ему, Грибоѣдову, стрѣляться съ Якубовичемъ, а Завадовскому съ Шереметевымъ. Эта двойная дуэль состоялась — и при самыхъ суровыхъ условіяхъ. Противники должны были сходиться на шесть шаговъ, при барьерѣ въ восемнадцать. Секундантами были: докторъ Іонъ и гусаръ Каверинъ, — извѣстный кутила. Первая очередь была предоставлена Завадовскому и Шереметеву; оба они отлично стрѣляли, но Шереметевъ выстрѣлилъ, не давъ своему противнику дойти до барьера. Пуля оторвала край воротника у сюртука Завадовскаго.—„Ah! il en voulait à ma vie... à la barriere!" произнесъ графъ (А! такъ онъ хотѣлъ убить меня... къ барьеру!) Секунданты, предвидя кровавую развязку, стали уговаривать графа пощадить жизнь противника. Завадовскій готовъ былъ уступить ихъ просьбамъ, намѣреваясь только слегка ранить Шереметева; но послѣдній, забывъ всѣ условныя приличія дуэли, крикнулъ, что Завадовскій долженъ его убить, если самъ, рано или поздно, не хочетъ быть имъ убитымъ. Графъ выстрѣлилъ: Шереметевъ упалъ; пуля прошла ему черезъ животъ и засѣла въ лѣвомъ боку. Якубовичъ извинился передъ Грибоѣдовымъ, предложивъ ему отсрочить ихъ дуэль до благопріятнаго времени... Она состоялась въ Тифлисѣ осенью слѣдующаго года.

„После трехдневныхъ страданій, Шереметевъ умеръ. Отецъ его просилъ императора Александра Павловича не подвергать участниковъ дуэли взысканію. Государь принялъ во вниманіе его просьбу и виновные подверглись, относительно говоря, весьма легкому наказанію: графъ Завадовскій былъ висланъ заграницу, Якубовичъ изъ лейбъ-улановъ переведенъ на Кавказъ въ драгунскій полкъ; Грибоѣдовъ не подвергся даже выговору. Но ему не легко было примириться съ собственной совѣстью, долгое время не дававшей ему покоя. Онъ писалъ Бѣгичеву въ Москву, что на него напала ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собою смертельно раненаго Шереметева: что, наконецъ, пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для него невыносимо. Знакомый съ Грибоѣдовымъ, Мазаровичъ, тогда повѣренный Россіи въ дѣлахъ въ Персіи, предложилъ Грибоѣдову, служившему при иностранной коллегіи, ѣхать съ собою въ качествѣ секретаря посольства. Грибоѣдовъ принялъ это предложеніе и 30-го августа 1818 года выѣхалъ изъ Петербурга.

„Прибывъ въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ встрѣтилъ Якубовича, съ которымъ и поспѣшилъ кончить отсроченные счеты. Они стрѣлялись: Грибоѣдовъ далъ промахъ, а Якубовичъ прострѣлилъ

ему ладонь лѣвой руки, вслѣдствіе чего у Грибоѣдова свело мизинецъ. Это увѣчье, черезъ одиннадцать лѣтъ, помогло узнать трупъ Грибоѣдова въ грудѣ прочихъ, изрубленныхъ тегеранскою чернью“.

Мы имѣемъ въ рукахъ документъ, непосредственно относящійся къ настоящему дѣлу,—именно, выписку изъ подлиннаго слѣдственнаго производства о дуэли Завадовскаго съ Шереметевымъ, посланную министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, находившемуся въ Москвѣ, гдѣ тогда пребывалъ государь. Выписка эта, не смотря на свою краткость, проливаетъ нѣсколько иной свѣтъ на событія, предшествововавшія дуэли, и во многомъ исправляетъ приведенный выше разсказъ біографа Грибоѣдова.

Шереметевъ [1]), штабъ-ротмистръ кавалергардскаго полка, вызвалъ на дуэль камеръ-юнкера графа Завадовскаго [2]), 9-го ноября 1817 г., и повторилъ вызовъ на другой день. 12-го числа, въ третьемъ часу пополудни, они стрѣлялись на Волковомъ полѣ, по условію на 18 шаговъ, съ барьеромъ на 6 шагахъ. Свидѣтелемъ при поединкѣ былъ корнетъ лейбъ-уланскаго полка Якубовичъ. Шереметевъ выстрѣлилъ первый и прострѣлилъ у Завадовскаго воротникъ у кафтана, а потомъ стрѣлялъ Завадовскій и попалъ Шереметеву въ грудь, отъ чего послѣдній упалъ и былъ отвезенъ къ себѣ на кватриру, гдѣ черезъ 26 часовъ, т. е. 13-го ноября, въ шестомъ часу, умеръ.

Немедленно по оглашеніи дуэли, петербургскій генералъ-губернаторъ Вязмитиновъ назначилъ для изслѣдованія дѣла особую комиссію въ составѣ полковника кавалергардскаго полка Беклешова, полиційместера Ковалева и камеръ-юнкера Ланскаго.

На допросѣ, Завадовскій и Якубовичъ утверждали, что при дуэли другихъ свидѣтелей, кромѣ Якубовича, не было; о вызовѣ же Завадовскаго Шереметевымъ знали: адъютантъ генерала отъ артиллеріи Меллеръ-Закомельскаго баронъ Александръ Строгановъ и государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ губернскій секретарь Александръ Грибоѣдовъ.

О причинѣ, побудившей Шереметева къ вызову, Якубовичъ объяснилъ, что хотя онъ причину эту и знаетъ, но никому не

---

[1]) Василій Васильевичъ, а не Василій Александровичъ, сынъ генералъ-маіора Василія Сергѣевича, женатаго на Татьянѣ Петровнѣ Марченко.

[2]) Графъ Александръ Петровичъ Завадовскій былъ сыномъ извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія и предсѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта, графа Петра Васильевича, умершаго въ 1813 году.

откроетъ, потому что далъ въ томъ честное слово другу своему Шереметеву. Графъ же Завадовскій выразилъ „предположеніе“, что поводомъ къ вызову послужило приглашеніе имъ къ себѣ на чай танцорки императорскаго театра Истоминой, которая прежде жила у Шереметева и которая, въ самомъ дѣла, пила у него чай.

Тогда въ слѣдственную комиссію была вызвана Истомина. Она показала, что жила съ Шереметевымъ на одной квартирѣ; 3-го ноября, въ субботу, уѣхала отъ него, поссорившись съ нимъ за дурное съ ней обращеніе. 5-го ноября, въ понедѣльникъ, губернскій секретарь Грибоѣдовъ, увидѣвшись съ ней въ театрѣ, пригласилъ ее поѣхать пить чай, въ его каретѣ, на квартиру графа Завадовскаго, гдѣ, по его увѣренію, онъ проживалъ, на что она согласилась. Вскорѣ пріѣхалъ туда и Завадовскій. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, она была отвезена Грибоѣдовымъ ночевать къ танцовщицѣ Азарьевой, у которой провела вторникъ и среду; вечеромъ, въ среду, за ней пріѣхалъ Шереметевъ и увезъ ее опять къ себѣ, гдѣ, помирившись съ ней, допрашивалъ, не была ли она у кого нибудь въ теченіе отсутствія изъ его квартиры. По усиленному его настоянію, въ пятницу, 9-го ноября, она созналась ему, что была у Завадовскаго.

Слѣдственная комиссія, очевидно, старавшаяся, по какимъ-то причинамъ, или вліяніямъ, поскорѣе замять дѣло, не сочла нужнымъ допрашивать другихъ лицъ и, удовольствовавшись поверхностными показаніями Завадовскаго, Якубовича и Истоминой, закончила слѣдствіе и представила его петербургскому генералъ-губернатору.

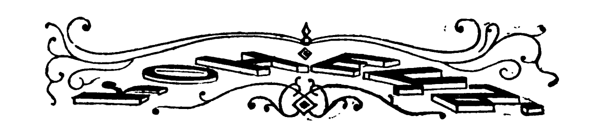
Мы не знаемъ на сколько справедливо увѣреніе біографа Грибоѣдова, будто жившій въ Москвѣ отецъ Шереметева просилъ императора Александра не подвергать взысканію участниковъ дуэли; но они, дѣйствительно, понесли довольно легкое наказаніе: послѣ нѣсколькихъ недѣль ареста, Завадовскій былъ уволенъ въ отпускъ заграницу, а Якубовичъ переведенъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Есть основаніе думать, что, передавая Завадовскому вызовъ Шереметева, другъ послѣдняго, Якубовичъ, одновременно послалъ и отъ себя вызовъ Грибоѣдову, какъ лицу непосредственно замѣшанному въ этомъ дѣлѣ. Печальная участь, постигшая Шереметева, а за тѣмъ арестъ и переводъ Якубовича на Кавказъ, вынудили противниковъ отложить встрѣчу до болѣе благопріятнаго времени.

Шесть дней спустя послѣ смерти Шереметева, тетка его, Елена Сергѣевна, проживавшая въ московскомъ Рождественскомъ монастырѣ, гдѣ она потомъ и постриглась подъ именемъ Евгеніи, обратилась къ князю Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

„Не безъизвѣстно вашему сіятельству несчастное приключеніе съ сыномъ брата моего Василія Сергѣевича, которое ихъ сильно поразило; отъ матери скрыли настоящую причину его кончины; я знаю, сколь они всегда желали видѣть хотя одну старшую свою дочь Наталью фрейлиною; беру смѣлость и убѣдительно прошу ваше сіятельство попросить у государя императора сію великую для насъ милость, облегчить нѣсколько ихъ горестное положеніе".

Вслѣдствіе ходатайства Голицына, дѣвица Наталья Шереметева была назначена, 12 декабря 1817 г., фрейлиной[1]).

Что касается главной виновницы всей этой катастрофы Истоминой, то она кончила свои любовныя похожденія довольно прозаическимъ образомъ: замужествомъ съ второстепеннымъ актеромъ Экунинымъ.

[1]) Она вышла потомъ замужъ за тайнаго совѣтника Дм. Мих. Обрѣзкова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ,

упоминаемыхъ въ

„ОЧЕРКАХЪ ИЗЪ ЖИЗНИ И БЫТА ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ".

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ

„ОЧЕРКАХЪ ИЗЪ ЖИЗНИ И БЫТА ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ".

Портреты.

Бытовые рисунки.

Виды мѣстностей и зданій.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 07043 6897

